

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

ЭКОНОМИКА И ПРАВО В РОССИИ И МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

Сборник статей Всероссийской
научно-практической конференции,
состоявшейся 8 октября 2026 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2026

УДК 330+34
ББК 65+67
Э40

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Э40 Экономика и право в России и мире: актуальные вопросы развития :
сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (8 октября
2026 г.). — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. — 171 с. : ил.,
табл.

ISBN 978-5-00276-218-7

Настоящий сборник составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции ЭКОНОМИКА И ПРАВО В РОССИИ И МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ, состоявшейся 8 октября 2026 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными экономистами и правоведами. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной экономики и права, результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, развитие методов и средств получения научных данных, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 330+34
ББК 65+67

ISBN 978-5-00276-218-7

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2026
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2026

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	7
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАССАЖИРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖВИДОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	8
<i>Щукин Владимир Вячеславович, Подоплелова Яна Владимировна, Долженко Елена Назымовна</i>	
КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ	14
<i>Агафонова Маргарита Сергеевна, Гайсин Ильсур Шамилевич, Горынин Григорий Ефимович</i>	
АДАПТАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ К САНКЦИЯМ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ.....	21
<i>Громяк Екатерина Тимуровна</i>	
КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ	27
<i>Мызникова Виктория Олеговна</i>	
СЕКЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ	32
ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ НАЙМА НА СТРАТЕГИЮ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КОМПАНИИ	33
<i>Кушнарцева Маргарита Дмитриевна</i>	
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕГМЕНТЕ FMCG.....	39
<i>Кобзарев Георгий Асланович</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	45
МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ	46
<i>Померанцева Дарья Александровна</i>	
ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РОССИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	53
<i>Датаев Ислам Хусаинович</i>	
СЕКЦИЯ ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ	65
ВЛИЯНИЕ ЭМИССИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА РЕСУРСНУЮ БАЗУ И КРЕДИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ БАНКОВ	66
<i>Заякина Мария Алексеевна, Сударева Арина Алексеевна</i>	

СЕКЦИЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА.....	72
ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	73
<i>Лю Юша</i>	
НАУКОЕМКАЯ ПРОДУКЦИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СУЩНОСТЬ, ИНФРАСТРУКТУРА, ИНСТРУМЕНТЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ	81
<i>Казначеева Юлия Владимировна</i>	
СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК.....	88
СХОДСТВО ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ, ЗАЯВЛЕННЫХ НА РЕГИСТРАЦИЮ В КАЧЕСТВЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ С ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫМИ ТОВАРНЫМИ ЗНАКАМИ.....	89
<i>Михель Ольга Юрьевна</i>	
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	96
<i>Дроздова Ангелина Владимировна</i>	
ПОСМЕРТНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАНИНА.....	103
<i>Можнова Кристина Дмитриевна</i>	
СЕКЦИЯ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	108
ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ И ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	109
<i>Блинков Кирилл Олегович</i>	
ПУБЛИЧНОСТЬ В Ч. 2 СТ. 205.2 УК РФ	115
<i>Черноскутова Злата Игоревна</i>	
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	120
<i>Валеев Инсаф Ильгизарович</i>	
СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	131
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВНЕДРЕНИЮ ЗАКОНА 33-ФЗ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	132
<i>Поличка Нина Петровна, Поличка Максим Анатольевич</i>	
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ГАЗОСНАБЖЕНИЯ.....	139
<i>Еркина Нина Алексеевна</i>	

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	145
ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ КАК СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	146
<i>Турман Артём Алексеевич</i>	
СЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.....	152
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРЕДЕЛЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ	153
<i>Кулиева Элина Сергеевна</i>	
СЕКЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	163
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	164
<i>Сальникова Алина Сергеевна</i>	

**СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ**

DOI 10.46916/12102026-2-978-5-00276-218-7

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПАССАЖИРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖВИДОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ**

**Щукин Владимир Вячеславович
Подоплелова Яна Владимировна
Долженко Елена Назымовна**

к.э.н., доценты

ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта» (РУТ (МИИТ))

Аннотация: в статье рассмотрены основные направления совершенствования тарифного регулирования пассажирских железнодорожных перевозок в условиях усиления межвидовой конкуренции и изменения технологических моделей перевозочного процесса. Обоснована необходимость сочетания принципов экономической обоснованности тарифов, тарифной преемственности и учета конкурентной среды. Показано, что развитие новых видов подвижного состава и продуктовых форматов пассажирских перевозок требует актуализации параметрической модели себестоимости с учетом цифровой трансформации методов государственного регулирования. Сформулированы методические рекомендации по адаптации тарифных решений в сфере пассажирских перевозок к современным условиям транспортного рынка.

Ключевые слова: пассажирские перевозки, железнодорожный транспорт, тарифное регулирование, межвидовая конкуренция, тарифная схема, себестоимость, государственное регулирование, транспортный рынок.

**IMPROVING TARIFF REGULATION OF PASSENGER
RAIL TRANSPORTATION UNDER THE DEVELOPMENT
OF INTERMODAL COMPETITION**

**Shchukin Vladimir Vyacheslavovich
Podoplelova Yana Vladimirovna
Dolzhenko Elena Nazymovna**

Abstract: the article examines the main directions for improving tariff regulation of passenger rail transportation amid intensifying intermodal competition and changes in the technological models of the transportation process. The need to combine the principles of economically justified tariffs, tariff continuity, and consideration of the competitive environment is substantiated. It is demonstrated that the development of new types of rolling stock and new passenger transportation service formats requires updating the parametric cost model, taking into account the digital transformation of government regulation methods. Methodological recommendations are formulated for adapting tariff solutions in the passenger transportation sector to current transport market conditions.

Key words: passenger transportation, railway transport, tariff regulation, intermodal competition, tariff scheme, cost, government regulation, transport market.

Современный рынок пассажирских перевозок характеризуется высокой социальной значимостью, инфраструктурной зависимостью и одновременным усилением конкуренции между видами транспорта. Для железнодорожного транспорта это формирует особую регуляторную задачу: тарифные решения должны обеспечивать экономическую заинтересованность перевозчика и его устойчивое развитие, но при этом сохранять ценовую доступность и не ограничивать развитие конкурентоспособных продуктовых предложений. В связи с этим совершенствование тарифного регулирования целесообразно рассматривать как развитие методологии тарифообразования в сфере пассажирских перевозок, связывающей себестоимость и технологию перевозки, а также учитывающей характеристики подвижного состава и состояние конкурентной среды.

Основы государственного регулирования тарифов в сфере железнодорожных перевозок закреплены постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2009 г. № 643. Регулирование строится на использовании данных раздельного учета расходов, доходов и финансовых результатов, учете себестоимости и необходимого уровня рентабельности, а также применении единых принципов регулирования [1]. Данный подход формирует базовую логику экономически обоснованного тарифа, однако его практическая реализация требует регулярной актуализации расчетной базы и учета изменений в технологии перевозок.

Действующие правила применения тарифов на пассажирские железнодорожные перевозки во внутригосударственном сообщении сформированы Тарифным руководством, утвержденным приказом ФСТ России от 27 июля 2010 г. № 156-Т/1 [2]. В действующей тарифной системе обеспечивается дифференциация платы в зависимости от вида услуги, категории поезда, возраста пассажира и других характеристик. Такая конструкция исторически обеспечивала сопоставимость условий перевозки, однако технологическое развитие пассажирского комплекса приводит к появлению продуктов, которые не всегда полностью укладываются в ранее сформированные тарифные классификации.

В связи с этим совершенствование тарифного регулирования должно быть направлено на обеспечение соответствия тарифной модели технологии оказания транспортно-логистического сервиса пассажиру. Различные технические средства, цифровые решения, логистическое сопровождение отличается структурой эксплуатационных затрат, технико-экономическими характеристиками и моделью организации обслуживания пассажиров. Применение существующих тарифных схем, сформированных в иной технологической парадигме, приводит к увеличению разрыва между возникающими затратами и регулируемой ценой. Таким образом, тарифная система должна учитывать всю совокупность факторов формирования себестоимости, включая новые проявления цифровой трансформации транспортно-логистического сервиса.

В настоящее время тарифное регулирование классифицирует пассажирские поезда в зависимости от расстояния следования и скорости движения [3]. При формировании новых или корректировке существующих тарифных схем необходимо обеспечить согласованность между тарифной классификацией, транспортной технологией и нормативной категоризацией поезда. Так, в настоящее время несогласованность этих элементов привела к правовому пробелу в области тарифного регулирования пассажирских перевозок моторвагонным подвижным составом пассажирской скоростью.

Дополнительным фактором является изменение модели государственной поддержки и принципов формирования цен в регулируемом сегменте. Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 марта 2025 г. № 266 закреплён подход, ориентированный на экономически обоснованный уровень тарифов при сохранении механизмов ценовой доступности для социально значимых категорий пассажиров [4]. Таким образом, современная

тарифная политика должна одновременно обеспечивать связь тарифа с экономикой перевозочного процесса и сохранять адресные механизмы доступности транспортной услуги.

С методической точки зрения экономическая обоснованность тарифа предполагает корректное распределение расходов между видами деятельности, технологическими элементами и операциями перевозочного процесса. В пассажирском комплексе важным является разделение затрат на начально-конечные и движенические операции. Первая группа не зависит от расстояния перевозки и связана с организацией отправления, обслуживанием пассажиров и подготовкой перевозки, тогда как вторая непосредственно связана с движением и протяженностью маршрута. В обобщенном виде себестоимость может быть представлена как сумма условно постоянной и переменной частей в зависимости от расстояния перевозки. Параметрический подход позволяет формировать тарифные схемы, сохраняющие экономическую логику на различных диапазонах дальности, и актуализировать стоимостные параметры без изменения базовой архитектуры тарифа. При этом экономически обоснованная модель должна учитывать принцип тарифной преемственности. Резкий переход от исторически сложившихся тарифных соотношений к новой расчетной модели способен формировать значительные ценовые колебания.

Современное тарифное регулирование должно учитывать межвидовую конкуренцию. При удовлетворении своей потребности в перевозке, пассажир сопоставляет поездку на железнодорожном транспорте с поездкой на других видах транспорта (автомобильном, водном или воздушном) с учетом не только цены, но и общего уровня транспортно-логистического сервиса. Следовательно, простого сопоставления тарифов на перевозку разными видами транспорта недостаточно.

Требования к анализу рынка и оценке возможности изменения методов тарифного регулирования определяются законодательной базой, а, именно, приказом ФСТ России от 13 октября 2010 г. № 481-э [5], в котором выделены следующие этапы: определение продуктовых и географических границ рынка, оценка взаимозаменяемости услуг, определение барьеров входа и устойчивости конкурентного давления. При этом необходимо различать наличие альтернативного вида транспорта и наличие устойчивой конкуренции: сам факт присутствия авиасообщения или автомобильного маршрута еще не означает полноценной взаимозаменяемости услуг. Таким образом, изменение методов

тарифного регулирования – это экономически обоснованные меры по стимулированию развития рынка пассажирских перевозок с целью повышения уровня транспортно-логистического сервиса.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы и методические рекомендации по адаптации тарифных решений в сфере пассажирских перевозок к современным условиям транспортного рынка.

1. Экономическое обоснование направлений совершенствования тарифного регулирования пассажирских перевозок должно базироваться на актуализации затрат в системе действующего раздельного учета, учитывающих технологические процессы, цифровую трансформацию и повышение уровня транспортно-логистического сервиса, на тарифной преемственности, предполагающей учет сложившихся тарифных схем и параметрических моделей расчета себестоимости, а также на учете конкурентной среды и защите интересов потребителя.

2. Совершенствование тарифного регулирования пассажирских перевозок должно осуществляться поэтапно. Сначала проводится нормативная и технологическая идентификация услуги. Затем формируется актуализированная модель себестоимости с распределением расходов по технологическим составляющим и операциям. Потом анализируется действующая тарифная дифференциация транспортно-логистического сервиса и оцениваются конкурентная среда и чувствительность спроса к цене. На завершающем этапе формируется тарифное решение, учитывающее рамки тарифного регулирования и результаты последствий для всех участников транспортного рынка.

3. Совершенствование тарифного регулирования пассажирских железнодорожных перевозок требует комплексного подхода, учитывающего развитие межвидовой конкурентной среды. Недостаточность простой индексации исторически сложившихся тарифов по пассажирским перевозкам проявляется в снижении эффективности тарифного регулирования. Тарифные решения должны соотноситься с технико-технологической параметрии перевозки, а степень тарифного регуляторного воздействия определяться с учетом характеристик конкретного рынка. Такой подход создает условия для баланса интересов перевозчика, пассажира и государства и одновременно способствует развитию межвидовой конкуренции.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2009 г. № 643 «О государственном регулировании тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок».
2. Приказ ФСТ России от 27 июля 2010 г. № 156-т/1 «Об утверждении тарифов, сборов и платы на работы (услуги), связанные с перевозкой пассажиров, багажа и грузобагажа железнодорожным транспортом общего пользования во внутригосударственном сообщении ... и правил их применения (Тарифное руководство)».
3. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 28 июня 2021 г. № 213 «Об утверждении критериев определения категорий поездов для перевозки пассажиров в зависимости от скорости их движения и расстояния следования».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2025 г. № 266 «О мерах государственного регулирования тарифов в отношении перевозок пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в дальнем следовании и оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования при осуществлении перевозок пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в пригородном сообщении».
5. Приказ ФСТ России от 13 октября 2010 г. № 481-э «Об утверждении Порядка рассмотрения документов, представляемых для принятия решения о введении, изменении или прекращении регулирования деятельности субъектов естественных монополий, и перечня таких документов».

© Щукин В.В., Подоплелова Я.В., Долженко Е.Н., 2026

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Агафонова Маргарита Сергеевна

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой
инновационных технологий и безопасности

Гайсин Ильсур Шамилевич

Горынин Григорий Ефимович

аспиранты кафедры экономики

АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

Аннотация: в данной статье исследуются современные подходы к управлению человеческими ресурсами, базирующиеся на использовании компетентностных моделей для стратегического развития предприятий. Анализируются основные выгоды внедрения таких моделей, такие как повышение объективности оценки персонала, целевое развитие профессиональных навыков, снижение текучести кадров и усиление конкурентных преимуществ организации. Особый акцент делается на преодолении вызовов, среди которых выделяются субъективность оценок, высокие затраты на внедрение, сопротивление изменениям со стороны сотрудников и необходимость цифровой трансформации HR-процессов. Указывается, что для успешного применения компетентностного подхода требуется комплексная стратегия, включающая интеграцию модели во все кадровые процессы, развитие корпоративной культуры непрерывного обучения и использование HR-аналитики.

Ключевые слова: компетентностная модель, управление персоналом, развитие предприятия, профессиональные компетенции, человеческий капитал, оценка персонала, корпоративная культура, стратегическое управление, цифровизация HR, обучение и развитие.

COMPETENCY-BASED MODEL OF PERSONNEL MANAGEMENT AS A FACTOR IN ENTERPRISE DEVELOPMENT

**Agafonova Margarita Sergeevna
Gaisin Ilсур Shamilevich
Gorynin Grigory Efimovich**

Abstract: this article explores modern approaches to human resource management based on the use of competency models for the strategic development of enterprises. The main benefits of implementing such models are analyzed, such as increasing the objectivity of personnel assessment, targeted development of professional skills, reducing staff turnover, and strengthening the competitive advantages of the organization. Particular emphasis is placed on overcoming challenges, among which are the subjectivity of assessments, high implementation costs, employee resistance to change, and the need for digital transformation of HR processes. It is pointed out that the successful application of the competency-based approach requires a comprehensive strategy, including the integration of the model into all HR processes, the development of a corporate culture of continuous learning, and the use of HR analytics.

Key words: competency-based model, personnel management, enterprise development, professional competencies, human capital, personnel assessment, corporate culture, strategic management, HR digitalization, training and development.

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется фундаментальной трансформацией подходов к управлению человеческими ресурсами. В условиях высокой турбулентности, технологических сдвигов и дефицита квалифицированных кадров традиционные должностные инструкции уступают место гибким компетентностным моделям. Компетентностная модель представляет собой структурированное описание совокупности знаний, навыков, способностей и личностных характеристик (KSAOs), необходимых сотруднику для эффективного выполнения работы и достижения стратегических целей организации [1, с. 360].

Переход к управлению по компетенциям позволяет компаниям совершить эволюцию от административного кадрового делопроизводства к стратегическому управлению человеческим капиталом. Оптимизация процессов

подбора, адаптации, оценки и развития персонала на основе единых стандартов компетенций становится ключевым фактором устойчивого развития и повышения производительности труда.

Использование компетентностных моделей позволяет не только ретроспективно оценивать результаты труда, но и прогнозировать потенциал сотрудников, выстраивать индивидуальные траектории развития и формировать кадровый резерв [2, с. 483]. Однако внедрение таких систем сопряжено с необходимостью решения комплексных проблем, связанных с разработкой валидных критериев оценки, преодолением организационного сопротивления и цифровизацией HR-процессов. Актуальность темы обусловлена настоятельной необходимостью для предприятий адаптировать свои кадровые стратегии к динамичным требованиям рынка для сохранения конкурентоспособности.

Аналитический срез

Внедрение компетентностных моделей кардинально меняет традиционные подходы к оценке и развитию персонала. Согласно данным исследований в области управления человеческими ресурсами, компании, систематически использующие оценку по компетенциям, демонстрируют снижение текучести ключевых кадров на 15–20% и рост производительности труда на 10–12% за счет более точного распределения задач и адресного обучения. Современные модели разделяют компетенции на корпоративные (ценности и культура), управленческие (лидерство, стратегическое мышление) и профессиональные (hard skills), а также все чаще включают цифровые компетенции (digital skills) [3, с. 90].

Эмпирическим подтверждением эффективности рассматриваемых подходов служит практика интеграции систем управления талантами в крупнейших корпоративных экосистемах (в частности, ПАО Сбер, Яндекс). В рамках данных организаций внедрены дифференцированные компетентностные модели (системы грейдирования), обеспечивающие институционализацию прозрачных траекторий профессионального развития. Процессы валидации квалификаций базируются на принципах непрерывности и полисубъектности, реализуясь посредством метода многоканальной обратной связи («360 градусов») и комплексных центров оценки (Assessment Centers). Подобный инструментарий формирует у персонала когнитивную ясность относительно дефицитарных зон и детерминирует осознанные векторы развития для достижения последующих квалификационных уровней.

Несмотря на очевидные преимущества, существуют значительные барьеры для широкого внедрения. Одним из ключевых вызовов является риск излишней бюрократизации и субъективности оценок: если модель перегружена абстрактными формулировками, она превращается в формальность, не имеющую практической ценности. Кроме того, качество внедрения напрямую зависит от квалификации HR-специалистов и линейных руководителей, которые часто воспринимают новые процедуры оценки как дополнительную нагрузку, а не как инструмент развития. Также малый и средний бизнес часто не обладает финансовыми и временными ресурсами для разработки и поддержки кастомизированных компетентностных моделей с нуля.

Постановка задачи

Основная задача современных HR-инноваций в области компетентностного управления заключается в создании целостной, объективной и масштабируемой системы, способной в режиме реального времени отслеживать развитие человеческого капитала и трансформировать его в конкурентные преимущества предприятия. Достижение этой цели требует последовательного решения ряда взаимосвязанных проблем.

Первостепенной задачей является обеспечение стратегического выравнивания (strategic alignment): компетенции, заложенные в модель, должны напрямую вытекать из миссии, видения и стратегических целей компании, а не быть абстрактным набором лучших практик.

Не менее важной является проблема разработки валидных и надежных инструментов оценки. Субъективность линейных руководителей при заполнении оценочных листов нивелирует всю пользу модели. Необходимо внедрение многофакторных методов оценки, исключающих когнитивные искажения (например, эффект ореола или склонность к усреднению).

В условиях цифровизации экономики остро стоит задача интеграции компетентностной модели в единое информационное пространство предприятия. Разрозненность данных о навыках сотрудников в таблицах Excel, системах обучения и CRM делает невозможным оперативный анализ кадрового потенциала.

Также компании приходится сталкиваться с психологическим сопротивлением персонала. Внедрение прозрачной системы оценки часто вскрывает зоны развития, что может вызывать защитную реакцию и снижение мотивации, если не выстроена корректная коммуникация и культура обратной связи.

Наконец, критически важным является обеспечение связи между оценкой компетенций и системой мотивации. Если развитие навыков не подкрепляется материальными или нематериальными стимулами, модель быстро теряет актуальность в глазах сотрудников.

Решение проблемы

Для преодоления указанных вызовов требуется комплексный стратегический подход, органично сочетающий методологическую проработку, организационные изменения и цифровые инструменты.

Фундаментальным шагом является разработка упрощенной, но емкой модели, включающей не более 5–7 корпоративных и 3–5 профессиональных компетенций для каждой роли. Использование поведенческих индикаторов (конкретных примеров того, как компетенция проявляется в работе) делает оценку максимально объективной и понятной для всех участников процесса.

Использование цифровых HR-платформ (HRM-систем) открывает новые горизонты для управления компетенциями. Интеграция модулей оценки, обучения (LMS) и управления эффективностью позволяет автоматически формировать индивидуальные планы развития (ИПР) на основе выявленных дефицитов навыков. Алгоритмы HR-аналитики могут прогнозировать риск выгорания или увольнения ключевых сотрудников на основе динамики изменения их компетенций и вовлеченности.

Для минимизации рисков субъективности необходимо внедрение культуры регулярной обратной связи (regular feedback) и проведение калибровочных сессий, где руководители разных подразделений совместно обсуждают и выравнивают оценки своих сотрудников, обеспечивая справедливость процесса.

Для компаний с ограниченными ресурсами эффективным решением может стать использование отраслевых профессиональных стандартов в качестве базы для модели или внедрение облачных SaaS-решений для управления талантами, что снижает первоначальные затраты на разработку собственного ПО [4, с. 127].

Ярким примером успешной реализации является опыт внедрения компетентностной модели на крупном производственном предприятии, где переход от оценки «по выслуге лет» к оценке «по навыкам и результатам» в сочетании с системой наставничества позволил сократить время адаптации

новых сотрудников на 30% и сформировать устойчивый внутренний кадровый резерв для руководящих позиций [5, с. 29].

Выводы и предложения

Активное использование компетентностных моделей открывает новые горизонты для управления персоналом, трансформируя его из административной функции в стратегического партнера бизнеса, ориентированного на развитие человеческого капитала. Управление по компетенциям перестает быть просто модным HR-трендом и становится необходимостью для построения гибкой и обучающейся организации в цифровую эпоху.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что компетентностные модели позволяют значительно повысить объективность кадровых решений, оптимизировать бюджет на обучение и кардинально улучшить вовлеченность персонала за счет прозрачных карьерных перспектив. В то же время успешное внедрение требует комплексного подхода, включающего поддержку высшего руководства, адаптацию корпоративной культуры и цифровизацию процессов. Основными вызовами остаются риск бюрократизации, субъективность оценок и дефицит квалифицированных HR-аналитиков.

Для дальнейшего успешного развития данного направления предлагается сосредоточить усилия на нескольких приоритетных областях. Целесообразно активнее развивать отраслевые стандарты компетенций, что снизит затраты на их разработку для отдельных предприятий. Необходимо стимулировать внедрение систем непрерывного микрообучения (microlearning), интегрированных с картами компетенций. Наконец, крайне важно формировать культуру, в которой оценка воспринимается не как контроль, а как инструмент поддержки профессионального роста сотрудника.

Таким образом, компетентностная модель управления персоналом представляет собой стратегический вектор развития, успешная реализация которого будет в значительной степени определять устойчивость и инновационный потенциал предприятий на динамичном рынке будущего.

Список литературы

1. Алетдинова, А. А. Разработка компетентностной модели работника экономической системы / А. А. Алетдинова, А. В. Гааг, Г. Б. Пестунова // Управление устойчивым развитием экономических систем в цифровую эпоху. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – С. 328-361. – DOI 10.18720/IEP/ 2022.5/12.
2. Наметкин, Д. В. Компетентностная модель подготовки специалистов для органов обеспечения национальной безопасности / Д. В. Наметкин // Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2025. – № 5. – С. 480-485.
3. Ширяева, Д. А. Сетевая среда проектных моделей формирования референтного компетентностного лидерства / Д. А. Ширяева, Л. С. Яковлев // Личность: ресурсы и потенциал. – 2025. – № 2 (26). – С. 87-100.
4. Самохвалова, С. М. Модель компетенций как основа реализации компетентностного подхода к управлению человеческими ресурсами / С. М. Самохвалова, А. А. Абрамова // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики : материалы XII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 23–24 марта 2023 года. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2023. – С. 125-128. – DOI 10.53374/9785864339398_125.
5. Агафонова, М. С. Управление моделированием рыночных процессов: новые подходы и перспективы в условиях цифровых преобразований / М. С. Агафонова, И. В. Смольянинова // Технологии менеджмента в современной экономике: тенденции и перспективы : Материалы V Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 13–15 марта 2025 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2025. – С. 23-31.

© Агафонова М.С., Гайсин И.Ш., Горынин Г.Е., 2026

АДАПТАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ К САНКЦИЯМ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Громяк Екатерина Тимуровна

студент

ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова

Аннотация: в статье рассматриваются направления адаптации логистических стратегий российских компаний к условиям санкционного давления. На основе статистических данных 2024-2026 годов выявляются структурные сдвиги в грузообороте, анализируются экономические и правовые факторы, определяющие устойчивость цепей поставок. Обосновывается переход от модели минимизации затрат к модели обеспечения бесперебойности перевозок.

Ключевые слова: логистика, санкции, цепи поставок, грузооборот, адаптация, цифровизация, экономика транспорта, устойчивость.

ADAPTATION OF LOGISTICS STRATEGIES TO SANCTIONS: STRUCTURAL SHIFTS AND INSTITUTIONAL CONDITIONS

Gromyak Ekaterina Timurovna

Abstract: the article examines the directions of adaptation of logistics strategies of Russian companies to the conditions of sanctions pressure. Based on statistical data for 2024–2026, structural shifts in freight turnover are identified, and economic and legal factors determining the resilience of supply chains are analyzed. The transition from a cost minimization model to a model of ensuring continuity of transportation is substantiated.

Key words: logistics, sanctions, supply chains, freight turnover, adaptation, digitalization, transport economics, resilience.

Введение

Санкционное давление на российскую экономику, начавшееся в 2022 году, к 2026 году приобрело устойчивый характер и перестало

рассматриваться как временное явление. В логистической отрасли это выразилось в необходимости системной перестройки маршрутов, перераспределения грузопотоков между видами транспорта и изменения критериев оценки эффективности перевозок.

Цель статьи — систематизировать направления адаптации логистических стратегий к изменившимся условиям функционирования. В качестве задач рассматриваются анализ структурных сдвигов в грузообороте, выявление экономических и правовых факторов адаптации, а также обобщение практических решений, получивших применение в 2024–2026 годах.

1. Структурные сдвиги в грузообороте

Анализ данных Федеральной службы государственной статистики за 2026 год позволяет зафиксировать изменение динамики транспортного грузооборота. Общий грузооборот транспорта в январе–феврале 2026 года снизился на 3,7% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года и составил 890,7 млрд тонно-километров [1, с. 73]. При этом динамика по видам транспорта существенно различается.

Железнодорожный транспорт демонстрирует отрицательную динамику: в январе–феврале 2026 года его грузооборот сократился на 8,8% [1, с. 73]. По итогам I квартала 2026 года грузооборот железнодорожного транспорта составил 600,4 млрд т-км, что на 5,5% меньше показателя за I квартал 2025 года [2, с. 86].

Автомобильный транспорт демонстрирует иную динамику. В I квартале 2026 года его грузооборот составил 97,2 млрд т-км и увеличился на 3,4% по сравнению с I кварталом 2025 года [2, с. 86]. Таким образом, при общем снижении грузооборота транспортной системы автомобильные перевозки в рассматриваемый период сохраняли положительную динамику.

Выявленные изменения позволяют говорить о сохраняющейся роли автомобильного транспорта в обеспечении гибкости логистических операций. Возможность оперативной корректировки маршрутов и изменения схем доставки способствует его использованию в условиях необходимости адаптации цепей поставок.

2. Экономические факторы адаптации

Рост значения гибких транспортных схем происходит в условиях повышения требований к экономической устойчивости перевозчиков.

На деятельность транспортных компаний воздействует стоимость топлива, расходы на техническое обслуживание и ремонт подвижного состава, стоимость запасных частей, условия лизинга и кредитования, а также ситуация на рынке труда.

В этих условиях задача логистической стратегии заключается не только в выборе маршрута с минимальными прямыми затратами, но и в обеспечении устойчивости перевозочного процесса. Дополнительное значение приобретают предварительное планирование поставок, наличие альтернативных каналов снабжения и возможность оперативного изменения транспортной схемы.

Санкционные ограничения также повышают значение работы с поставщиками запасных частей и комплектующих. Для транспортных компаний это означает необходимость диверсификации каналов снабжения и формирования запасов материальных ресурсов, необходимых для поддержания бесперебойности перевозок.

Таким образом, экономическая адаптация логистических компаний предполагает переход от оценки отдельных затрат к комплексной оценке устойчивости всей цепи поставок. При выборе логистической схемы учитываются не только стоимость перевозки, но и вероятность задержек, доступность транспортных ресурсов, возможность замены поставщика и скорость восстановления перевозочного процесса при возникновении сбоев.

3. Институциональные и правовые условия

Изменение условий функционирования транспортно-логистической отрасли сопровождается развитием нормативно-правовой и цифровой инфраструктуры. В 2026 году важным направлением становится развитие национальной цифровой транспортно-логистической платформы «ГосЛог», положение о которой утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2026 года №139 [3, с. 1-2].

Федеральным законом от 7 июня 2025 года № 140-ФЗ предусмотрено создание национальной цифровой транспортно-логистической платформы Российской Федерации «ГосЛог». Закон определяет платформу как федеральную государственную информационную систему, функционирующую на основе единых стандартов информационного взаимодействия и обеспечивающую автоматизированный сбор, обработку, хранение и

предоставление информации о транспортной системе Российской Федерации [4, с. 2].

С 1 сентября 2026 года вступают в действие предусмотренные законодательством изменения, связанные с оформлением перевозочных документов в электронной форме [4, с. 12]. Одновременно постановление Правительства Российской Федерации №139 определяет цели, задачи, функции, структуру платформы «ГосЛог», состав участников информационного взаимодействия и порядок обмена информацией [3, с. 1-2].

Для логистических компаний развитие цифровой инфраструктуры предполагает необходимость адаптации внутренних учетных систем и процессов документооборота к новым требованиям. Это может потребовать дополнительных организационных ресурсов и компетенций, особенно у небольших предприятий.

Одновременно цифровизация создает предпосылки для повышения прозрачности транспортных операций, ускорения информационного обмена и сокращения количества операций, выполняемых в бумажной форме. Таким образом, институциональные изменения выступают одновременно инструментом адаптации и фактором, требующим дополнительных организационных преобразований со стороны участников рынка.

4. Практические направления адаптации

С учетом выявленных структурных и институциональных изменений можно выделить несколько направлений адаптации логистических стратегий.

Диверсификация перевозчиков и маршрутов предполагает формирование пула из нескольких надежных партнеров на каждом направлении. Такой подход позволяет снизить зависимость от отдельного контрагента и оперативно перераспределять грузопотоки при изменении условий перевозки.

Переход к мультимодальным схемам обеспечивает комбинирование автомобильного, железнодорожного и морского транспорта. Развитие коридора «Север–Юг» и использование портов Каспийского бассейна могут рассматриваться как направления диверсификации логистических маршрутов.

Инвестиции в складскую инфраструктуру позволяют сглаживать пиковые нагрузки и снижать зависимость от точного соблюдения сроков доставки. Формирование дополнительных запасов и развитие распределительных складов могут рассматриваться как инструменты повышения устойчивости цепей поставок.

Отдельное значение имеет работа с кадровым потенциалом. Повышение квалификации сотрудников, развитие цифровых компетенций и создание условий для удержания квалифицированного персонала позволяют поддерживать устойчивость логистических операций в условиях изменения технологий и требований к организации перевозок.

5. Заключение

В 2026 году российская транспортно-логистическая система продолжает адаптироваться к изменившимся условиям функционирования. Одним из проявлений этих изменений является различающаяся динамика грузооборота по видам транспорта: в I квартале 2026 года грузооборот железнодорожного транспорта снизился относительно аналогичного периода предыдущего года, тогда как автомобильный транспорт продемонстрировал рост [2, с. 86].

Адаптация логистических стратегий представляет собой непрерывный процесс, включающий изменение маршрутов, диверсификацию перевозчиков и каналов снабжения, развитие мультимодальных схем, совершенствование складской инфраструктуры и повышение цифровых компетенций персонала.

Дополнительным фактором адаптации становится изменение институциональной среды. Развитие платформы «ГосЛог» и переход к электронному документообороту формируют новые требования к организации информационного взаимодействия участников транспортного рынка [3, с. 1-2; 4, с.12].

В результате устойчивость логистических компаний определяется не только способностью снижать текущие затраты, но и возможностью обеспечивать непрерывность перевозочного процесса, быстро перестраивать маршруты, использовать альтернативные каналы снабжения и адаптироваться к изменениям нормативной и цифровой среды.

Список литературы

1. Грузовые перевозки. Федеральная служба государственной статистики. – 2026. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2026.pdf> (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.
2. Социально-экономическое положение России. Январь-март 2026 года. Федеральная служба государственной статистики. - М.,2026. - URL: <https://>

rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2026.pdf (дата обращения: 20.09.2026).
– Текст : электронный.

3. Об утверждении Положения о национальной цифровой транспортно-логистической платформе Российской Федерации «ГосЛог» : постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2026 № 139. – URL: <https://www.mintrans.gov.ru/file/557024> (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506070016> (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

© Громяк Е.Т.

**КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

Мызникова Виктория Олеговна

студент

Научный руководитель: **Сафиуллин Антон Рифкатович**

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»

Аннотация: в статье рассматривается значение кадровой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности предприятия. Раскрывается роль человеческого капитала в деятельности организации, и выделяются кадровые риски, способные негативно влиять на ее устойчивость. Рассмотрен механизм реализации кадровой политики, а также меры, направленные на снижение вызовов и угроз, включая мониторинг персонала, мотивацию работников, формирование кадрового резерва.

Ключевые слова: предприятие, кадровая безопасность, кадровые риски, человеческий капитал, кадровая политика.

**PERSONNEL SECURITY AS A TOOL FOR ENSURING
THE ECONOMIC SECURITY OF A MODERN ENTERPRISE**

Myznikova Victoria Olegovna

Scientific adviser: **Safiullin Anton Rifkatovich**

Abstract: This article examines the importance of personnel security in an enterprise's personnel security system. It explores the role of human capital in an organization's operations and identifies personnel risks that can negatively impact its sustainability. The mechanism for implementing personnel policies is discussed, as well as measures aimed at mitigating challenges and threats, including personnel monitoring, employee motivation, and the development of a talent pool.

Keywords: enterprise, personnel security, personnel risks, human capital, personnel policy.

В современных условиях одной из главных проблем для любой организации выступает обеспечение ее экономической безопасности. Последнее, в свою очередь, возможно лишь при таком формировании ресурсов, которое могло бы обеспечить устойчивость предприятия к воздействию различного рода угроз. Основным движущим ресурсом, влияющим на все аспекты деятельности предприятия, начиная со сбыта продукции, заканчивая сервисным обслуживанием, является «человеческий капитал».

Человеческий капитал — это мощный локомотив любой организации, составляющий основу для его непрерывного развития, упрочения конкурентного положения в занимаемой им экономической нише.

Как известно квалифицированные, ответственные и талантливые сотрудники, способны не только обеспечивать успешную работу компании, но и формировать направления ее дальнейшего развития. Роль человеческих ресурсов при формировании и становлении экономического развития безгранична: генерируемые ими идеи и разработки при практической реализации могут трансформироваться в конкурентные преимущества, способствовать совершенствованию бизнес-процессов и укреплению рыночных позиций предприятия.

Однако принимая участие в современной национальной экономике, «человеческий капитал» любого хозяйствующего субъекта может становиться не только фактором его развития, но и источником возникновения вызовов и угроз его экономической безопасности [1].

Угрозы экономической безопасности, возникающие на практике, со стороны кадров чаще всего материализуются в таких проявлениях как: хищение материальных ценностей, разглашение конфиденциальной деловой информации, невыполнение или недобросовестное выполнение своих обязанностей, коррупционные действия и злоупотребление должностных полномочий, различные формы мошенничества, умышленное причинение вреда хозяйствующему субъекту и иные противоправные деяния. Все это говорит о том, что риски, связанные с сотрудниками, независимо от характера их возникновения могут максимально непредсказуемо воздействовать на развитие предприятия [3, с. 25]. Согласно статистике, 80% ущерба организации причиняется ее персоналом, и только 20% представляют собой экзогенные (внешние) угрозы [2, с. 200]. В этом случае возрастает значение кадровой безопасности, поскольку она является неотъемлемой частью экономической безопасности организации и страны в целом.

Рассматривая кадровую безопасность, стоит отметить, что в научной литературе не существует единого подхода к определению данного понятия, однако ее можно охарактеризовать как состояние внутренней защищенности предприятия, при котором все вызовы, риски и угрозы сведены к минимуму.

Важную роль в обеспечении кадровой составляющей в контексте экономической безопасности хозяйствующего субъекта занимает кадровая политика, которая представляет собой систему принципов управления состава персонала, нацеленную на его профессиональное развитие, мотивацию, мобильность и адаптацию. Однако недостаточно сформировать только принципы, необходимо и обеспечить их практическую значимость посредством соответствующего механизма.

Механизм разработки и реализации кадровой политики, направленный на обеспечение экономической безопасности современного предприятия представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Механизм разработки и реализации кадровой политики, направленный на обеспечение экономической безопасности современного предприятия

Помимо кадровой политики целесообразно применять комплекс мер для снижения негативных воздействий, в случае их наступления. К основным можно отнести:

1) Регулярный мониторинг за кандидатом в процессе исполнения его повседневных обязанностей, включающий наставничество, обучение, инструктажи и пересмотр доступов к информации. Для удобства можно использовать протокол контроля и развития, представленный в таблице 1.

Таблица 1

Протокол контроля развития нового сотрудника после внедрения

Ф.И.О обучаемого					
Ф.И.О наставника					
Период адаптации с «» 202_г по «» 202_г.					
Самооценка обучаемого		Оценка наставника		Оценка коллег	
Достижения	Недостатки	Достижения	Недостатки	Достижения	Недостатки
Задачи на период с «» 202_г. по «» 202_г.					
1.					
2.					

2) Достаточная мотивация наемных работников, направленная на эффективный и качественный труд [4, с. 83]. Ввести прозрачную систему мотивации в виде KPI с учетом привязки к кадровой безопасности, где процент премии зависит не только от результатов, но и соблюдения требований безопасности.

3) Формирование и использование кадрового резерва для замещения ключевых должностей и обеспечения непрерывности деятельности предприятия.

4) Проведение регулярных «Stay-интервью», которое в отличие от «Exit-интервью», помогает работать с причинами увольнения еще до того, как сотрудник принял решение уйти.

Данный перечень вышеупомянутых мероприятий не является исчерпывающим и должен формироваться с учетом специфики предприятия. В зависимости от особенностей деятельности хозяйствующего субъекта могут разрабатываться опросники вовлеченности персонала, проводиться комплекс-

ные проверки кандидатов на этапе подбора и отбора, применяться дополнительные программы лояльности для сотрудников.

Таким образом, можно сказать, что кадровая безопасность является неотъемлемой частью защиты компании от различных рисков, поскольку именно персонал определяет эффективность, конкурентоспособность и устойчивость организации. В статье отмечается, что большинство угроз для компании связано с человеческими факторами – как преднамеренным, так и непреднамеренным воздействием сотрудников. Поэтому обеспечение безопасности кадров должно включать в себя целый ряд мероприятий и политик, направленных на минимизацию любого негативного воздействия и быть частью стратегии компании.

Список литературы

1. Соколовский А. А., П. Г. Грибов Кадровая безопасность как основа обеспечения экономической безопасности современного предприятия // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 3. С. 30.
2. Маслова В. М. Совершенствование системы обеспечения кадровой безопасности в организации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 200-202.
3. Ильченко С.В., Алакоз С.Н., Садыхова Э.Н. Кадровая безопасность как инструмент обеспечения экономической безопасности организации // Бизнес и дизайн ревю. 2024. № 3 (35). С. 24-33.
4. Мерданова Э. Р. Стимулирование наемных работников в процессе предпринимательской деятельности // Вестник науки. 2020. Т. 3, № 6 (27). С. 81-86.

© Мызникова В.О., 2026

**СЕКЦИЯ
МЕНЕДЖМЕНТ
И МАРКЕТИНГ**

УДК 331.1

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ НАЙМА НА СТРАТЕГИЮ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КОМПАНИИ

Кушнарева Маргарита Дмитриевна

доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Аннотация: важным направлением обеспечения инновационного развития предприятий является формирование эффективной и результативной кадровой политики. В данной статье показана необходимость применения предприятиями стратегии отбора персонала в целях эффективного использования трудового потенциала сотрудников. Представлен обзор современных методов оценки кандидатов, включая цифровые инструменты и технологии искусственного интеллекта. Выявлены основные тенденции и проблемы в сфере отбора персонала. Сделаны выводы о необходимости интеграции стратегии отбора в общую систему кадровой политики для обеспечения конкурентоспособности организации в условиях кадрового дефицита.

Ключевые слова: отбор персонала, кадровая политика, стратегия найма, управление человеческими ресурсами, методы оценки кандидатов, цифровые инструменты рекрутинга, эффективность отбора.

THE IMPACT OF HIRING PROCESSES ON A COMPANY'S HR MANAGEMENT STRATEGY

Kushnareva Margarita Dmitrievna

Abstract: an important aspect of ensuring the innovative development of enterprises is the development of an effective and efficient HR policy. This article demonstrates the need for enterprises to implement a personnel selection strategy to effectively utilize their employees' talent. A review of modern candidate assessment methods, including digital tools and artificial intelligence technologies, is presented. The main trends and problems in the field of personnel selection have been identified.

Conclusions are drawn regarding the need to integrate the selection strategy into the overall HR policy system to ensure the organization's competitiveness in the face of talent shortages.

Key words: personnel selection, HR policy, recruitment strategy, human resource management, candidate assessment methods, digital recruiting tools, selection effectiveness.

Актуальность ключевой проблемы исследования заключается в том, что отбор персонала в организации выступает одной из ключевых управленческих функций, поскольку именно сотрудники обеспечивают эффективное использование всех видов ресурсов предприятия, независимо от специфики его деятельности, уровня развития или особенностей корпоративной культуры. Это в свою очередь определяет основную проблему настоящего исследования, которая заключается в анализе влияния процессов найма персонала на формирование стратегии управления персоналом компании.

Используя достижения предшествующих ученых в исследовании заявленной в статье проблемы, проведем обзор современных тенденций в процессе найма персонала и выстраивании стратегий управления персоналом организации.

В условиях возрастающей конкуренции значительно повышаются требования к квалификации специалистов, в связи с чем, руководители стремятся привлекать наиболее опытные кадры, предложение которых на рынке труда зачастую ограничено [1]. При этом качество процесса подбора персонала напрямую влияет на формирование имиджа организации, а также на восприятие ее надежности и устойчивости [2, с. 151]. Вместе с тем, во многих организациях по-прежнему применяются недостаточно эффективные методы отбора персонала. Без четко сформулированной кадровой политики отбор персонала превращается в хаотичный набор действий, не согласованных ни с текущими потребностями бизнеса, ни с долгосрочной стратегией развития организации. Стратегия отбора персонала, в свою очередь, является производной от кадровой политики и общей стратегии организации. Она определяет конкретные подходы, критерии и методы поиска и оценки кандидатов, а также порядок принятия решений о найме. Важно понимать, что кадровая стратегия должна быть не просто формальным документом, а живым инструментом, способным адаптироваться к изменениям внешней среды. Для

синхронизации стратегий необходимо провести анализ миссии и долгосрочной цели компании, после чего определить кадровые потребности [3, с. 24]. Качественная система подбора и отбора персонала оказывает прямое влияние как на внутриорганизационные процессы управления сотрудниками, так и на экономическое развитие и улучшение финансовых показателей предприятия. Более того, удержание кадрового ядра сегодня становится не просто вопросом социальной ответственности, а частью стратегического менеджмента.

Далее рассмотрим современные методы и инструменты отбора персонала.

1. Традиционные методы. К ним относятся анализ резюме и сопроводительных документов, биографическое и структурированное интервью, проверка рекомендаций. Эти методы остаются базовыми, однако их эффективность ограничена субъективностью оценок и возможностью социально желательных ответов со стороны кандидата.

2. Профессиональное и психологическое тестирование. Включает когнитивные тесты (оценка способностей), психометрические и личностные тесты, тесты на профессиональную пригодность (Hard Skills). Тестирование позволяет объективизировать оценку и снизить влияние субъективных факторов.

3. Ассессмент-центр. Представляет собой комплексный метод оценки: несколько ролевых игр, тестирование, решение кейсов, групповые дискуссии и презентации. Ассессмент-центр является максимально точным методом оценки, особенно когда речь идет о ключевых позициях и стратегических кадровых решениях. Его применение в России расширяется, так как в компаниях он используется для подбора персонала на ответственные должности.

4. Цифровые инструменты и технологии. Внедрение технологических решений (искусственного интеллекта, компьютерной психодиагностики, айтирекинга) позволяет оптимизировать процессы отбора и повысить достоверность оценки профессиональных компетенций и личностных качеств кандидатов. Цифровизация HR-процессов стала одним из ключевых трендов последних лет.

Далее рассмотрим современные технологические решения в сфере отбора персонала.

1. ATS-системы (Applicant Tracking System) – это платформы для автоматизации рекрутинга, которые собирают информацию о кандидатах, выстраивают воронку подбора и позволяют проводить аналитику. Примером

может служить платформа E-Staff, успешно внедренная во многих российских предприятиях.

2. Сервисы оценки с применением искусственного интеллекта. Современные веб-сервисы позволяют оценивать в процентах соответствие резюме вакансии, выявляют недостающие навыки, генерирует вопросы для видеотестирования и анализируют психологические характеристики кандидата по видео. Сервис оценивает видео кандидатов в девять раз быстрее и точнее, чем человек.

3. Программно-аппаратные комплексы. Например, комплекс Verum 1.0, использующий айтрекинг для оценки личностных характеристик и выявления искаженной информации. Такие решения особенно востребованы при профессиональном отборе на ответственные позиции, кадровых перемещениях и внутренних проверках [4, с. 113]. Все чаще российские компании подбирают массовый персонал с помощью digital-решений, а самым популярным цифровым инструментом является публикация вакансий в специальных каналах и сообществах.

На фоне растущего кадрового дефицита и конкуренции за специалистов предприятие выстраивает устойчивую и адаптивную систему управления персоналом. Ключевые элементы стратегии включают: коллективную ответственность за подбор (участвуют не только HR, но и руководители подразделений); актуализацию заработных плат для удержания квалифицированных специалистов; цифровизацию HR с внедрением цифровых платформ. Все это позволяет автоматизировать рутинные задачи, выстроить воронку подбора и проводить аналитику. Компании пересматривают подход к системе адаптации новых сотрудников [5, с. 501]. В основе новых систем адаптации и мотивации персонала находится методика welcome-обучения, работа новичков с наставниками, четкий план введения в должность и регулярная обратная связь. Такой подход позволяет эффективно использовать время и ресурсы и помогает новым сотрудникам быстрее достигать необходимых производственных показателей. Для того чтобы отбор персонала служил действенным инструментом реализации кадровой политики, необходимо обеспечить его интеграцию в общую систему управления человеческими ресурсами. Появилась необходимость внедрения системы мониторинга, который позволяет не только отслеживать ключевые показатели

рекрутинга, но и своевременно выявлять проблемы на разных этапах подбора кадров [6, с. 77]. Интеграция системы мониторинга в кадровую стратегию является необходимым условием для достижения устойчивого развития и конкурентных преимуществ организации. Далее необходимо затронуть важность формирования концепции бренда работодателя. Суть этого процесса заключается в целенаправленном формировании позитивного имиджа компании на рынке труда для привлечения и удержания лучших специалистов.

В заключении следует отметить, что проведенный анализ показал, что стратегия отбора персонала является неотъемлемым и важнейшим инструментом реализации кадровой политики предприятия. В современных условиях, характеризующихся дефицитом квалифицированных кадров и высокой конкуренцией за таланты, системный и стратегический подход к отбору становится критическим фактором конкурентоспособности. Цифровая трансформация процессов отбора открывает новые возможности для повышения объективности, скорости и точности оценки кандидатов. Использование искусственного интеллекта, автоматизированных цифровых систем и комплексных методов оценки позволяет минимизировать риски ошибок найма, цена которых может быть чрезвычайно высока.

Список литературы

1. Веснин В.Р. Практический менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе. — М.: Юристъ, 2001 — 496 с.
2. Кобылина Т.М. Совершенствование системы отбора персонала организации // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 12 (81). С. 150-157.
3. Комарова Т.А., Комаров Ю.В. Подбор и отбор персонала в организации как инструмент реализации кадровой политики. // Вестник сельского развития и социальной политики. 2018. № 4 (20). С. 24-26.
4. Ульянина О.А., Лобов А.А., Лукин А.В., Утенков Г.Г., Дяченко П.А. Программно-аппаратный комплекс Verum 1.0: инновационный инструмент отбора и оценки кадров // Экстремальная психология и безопасность личности, 2025, Т. 2. № 3. С. 112-132.

5. Болдырева С.Б., Чадлаева Н.Е., Чумудова А.С., Базырова З.Н., Наранова К.С. Совершенствование системы отбора и мотивации персонала организации // Управленческий учет. 2024. № 11. С. 500-511.

6. Рахимов Д.М., Садиров К.Т. Роль системы мониторинга в повышении эффективности процессов подбора и найма персонала на предприятии // Research Focus, Вып. 4, № 5. С. 76-80.

© Кушнарева М.Д.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕГМЕНТЕ FMCG

Кобзарев Георгий Асланович

магистрант

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС)

Аннотация: статья посвящена влиянию цифровых маркетинговых коммуникаций на поведение потребителей FMCG. Рассмотрены механизмы воздействия цифровых каналов: доступность информации, социальное подтверждение, сокращение пути до покупки и персонализация. Показана роль социальных сетей, инфлюенсер-маркетинга и электронной коммерции. Сформулированы практические выводы для FMCG-компаний.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, потребительское поведение, FMCG, социальные сети, инфлюенсер-маркетинг, электронная коммерция, омниканальность, персонализация.

THE IMPACT OF DIGITAL MARKETING COMMUNICATIONS ON CONSUMER BEHAVIOUR IN THE FMCG SECTOR

Kobzarev Georgiy Aslanovich

Abstract: the article examines the influence of digital marketing communications on FMCG consumer behaviour. It considers four mechanisms: access to information, social proof, a shorter path to purchase and personalisation. The roles of social media, influencer marketing and e-commerce are discussed. Practical implications for FMCG companies are proposed.

Key words: digital marketing, consumer behaviour, FMCG, social media, influencer marketing, e-commerce, omnichannel, personalisation.

Цифровизация маркетинговых коммуникаций изменила не только набор доступных брендам каналов, но и саму логику потребительского выбора.

Покупатель получает информацию о продукте одновременно из нескольких источников: социальных сетей, поисковой выдачи, контента блогеров, карточек товара на маркетплейсах, сайтов ритейлеров и коммуникаций самого бренда. В результате граница между рекламным контактом, поиском информации и покупкой становится менее выраженной. Для FMCG этот процесс особенно значим из-за высокой частоты покупок, большого количества конкурирующих предложений и сравнительно короткого времени, которое потребитель готов тратить на выбор отдельного товара.

Цель статьи состоит в систематизации основных механизмов влияния цифровых маркетинговых коммуникаций на поведение потребителей в сегменте FMCG и формулировании практических выводов для компаний. Методологическую основу работы составили анализ научной литературы по цифровому маркетингу и потребительскому поведению, сопоставление подходов к управлению клиентским путем и обобщение особенностей применения цифровых инструментов в товарах повседневного спроса.

В современной литературе цифровой маркетинг рассматривается как система взаимодействия компании с потребителем через совокупность цифровых точек контакта, которые возникают до, во время и после покупки. Р.К. Каннан и Н.А. Ли отмечают, что цифровые технологии влияют на весь маркетинговый процесс: поиск информации, коммуникацию, формирование ценности и последующее взаимодействие с клиентом [1, с. 22–45]. Такой подход важен для FMCG, где отдельный рекламный контакт редко определяет выбор сам по себе. Результат формируется последовательностью контактов с брендом и доступностью продукта в момент покупки.

Первый механизм влияния цифровой среды связан со снижением информационных издержек потребителя. До распространения цифровых каналов значительная часть выбора товаров повседневного спроса происходила непосредственно в магазине и зависела от упаковки, выкладки, цены и накопленного знания бренда. Сегодня часть этого выбора переносится в цифровую среду. Потребитель может заранее увидеть продукт в контенте, сравнить варианты, прочитать отзывы, проверить состав или найти предложение конкретного ритейлера. А. Т. Stephen показывает, что цифровая среда и социальные медиа стали самостоятельными факторами потребительского поведения, а информация из социальных сетей заметно участвует в принятии решений [2, с. 17–21].

Второй механизм связан с изменением структуры клиентского пути. K.N. Lemon и P.C. Verhoef рассматривают потребительский опыт как последовательность многочисленных точек контакта, часть которых контролируется брендом, а часть возникает независимо от него [3, с. 69–96]. Для FMCG это означает, что коммуникацию нельзя оценивать только в момент непосредственной продажи. Например, короткое видео в социальной сети может сформировать первичное знание, отзыв на маркетплейсе — снизить воспринимаемый риск, а промо-предложение в приложении ритейлера — завершить покупку. Эффективность возникает при согласованности этих контактов, а не при максимизации показателя одного канала.

Отдельную роль в цифровой среде играет социальное подтверждение. Пользователь сталкивается не только с официальными сообщениями брендов, но и с рекомендациями блогеров, отзывами других покупателей и пользовательским контентом. Исследование M. De Veirman, V. Cauberghe и L. Hudders показывает, что характеристики инфлюенсера способны влиять на отношение аудитории к продвигаемому бренду, однако большое число подписчиков само по себе не гарантирует наиболее эффективное восприятие рекламы [4, с. 798–828]. Это особенно важно для FMCG-компаний: массовый охват может давать знание, но при выборе автора также необходимо учитывать соответствие его аудитории продукту и естественность интеграции.

Исследование C. Lou и S. Yuan дополняет эту логику: доверие к рекламному контенту инфлюенсера связано с его информативностью, воспринимаемой надежностью и сходством автора с аудиторией; далее доверие влияет на знание бренда и намерение совершить покупку [5, с. 58–73]. Следовательно, для товаров повседневного спроса работа с авторами контента должна строиться не только вокруг размера аудитории. Значимыми становятся качество сценария, релевантность продукта повседневной жизни автора, понятность потребительской выгоды и соответствие формата ожиданиям площадки.

Третий механизм — сокращение дистанции между коммуникацией и транзакцией. Развитие электронной коммерции приводит к тому, что рекламный контакт может сразу переводить пользователя на карточку товара или в приложение ритейлера. В таких условиях коммуникация становится частью торговой инфраструктуры. P.C. Verhoef, P.K. Kannan и J.J. Inman описывают переход от многоканальной модели к омниканальной, в которой

потребитель свободно перемещается между цифровыми и физическими каналами в процессе поиска и покупки [6, с. 174–181]. Для FMCG это создает необходимость синхронизировать медиа, e-commerce и торговые активности: сообщение о продукте теряет часть эффекта, если пользователь не может быстро найти товар, понять цену или воспользоваться предложением.

Российская практика также показывает растущую роль цифровых каналов в FMCG. Р. Саядян, анализируя цифровые стратегии предприятий на рынке товаров повседневного спроса, отмечает активное использование социальных сетей и электронного маркетинга как инструментов взаимодействия с клиентами [7, с. 180–187]. В свою очередь, О.В. Шарко и Е.Р. Шарко связывают эффективность привлечения клиентов на онлайн-платформы с совокупностью факторов цифрового взаимодействия, вовлеченности и особенностей выбора платформ [8, с. 71–79]. Эти выводы подтверждают, что цифровая коммуникация все теснее связана с инфраструктурой продаж и опытом пользователя в электронной коммерции.

Четвертый механизм — персонализация. Цифровые платформы позволяют сегментировать аудиторию по поведению, интересам и истории взаимодействия и адаптировать сообщение под конкретный контекст. М.-Н. Huang и R.T. Rust показывают, что технологии искусственного интеллекта могут использоваться в маркетинге для автоматизации операций, обработки данных и персонализации взаимодействия [9, с. 30–50]. Для FMCG персонализация особенно полезна в CRM, retail media и электронной коммерции, где можно учитывать частоту покупки, категориальные интересы и реакцию на промо. При этом чрезмерная персонализация или навязчивое повторение сообщений способны снижать доверие и усиливать рекламную усталость.

Поэтому цифровой маркетинг в FMCG следует рассматривать как систему управления вероятностью выбора на разных этапах потребительского пути. На верхних этапах воронки ключевыми задачами остаются знание и формирование образа бренда. Здесь значимы видео, социальные сети, работа с авторами контента и охватные digital-форматы. На этапе рассмотрения возрастает роль доказательств: отзывов, понятного продуктового преимущества, рецептов и сценариев использования, информации на карточке товара. Ближе к покупке важны наличие, цена, промо, удобство перехода в e-commerce и заметность бренда внутри цифровой полки.

Такой подход меняет и систему оценки эффективности. Для охватных коммуникаций недостаточно ориентироваться только на клики и прямые продажи, поскольку часть эффекта выражается в росте знания, поискового интереса или последующем выборе в офлайн-магазине. Одновременно для performance-инструментов недостаточно оценивать только стоимость конверсии без учета качества привлеченной аудитории и повторных покупок. Оптимальная система измерения должна сочетать коммуникационные показатели, метрики поведения в цифровой среде и коммерческие результаты. Это позволяет избежать ситуации, когда отдельный канал выглядит эффективным в собственной отчетности, но не усиливает общий результат бренда.

Для FMCG-компаний можно выделить несколько практических принципов. Во-первых, сообщения в разных каналах должны опираться на единое позиционирование и понятное потребительское преимущество. Во-вторых, выбор цифрового инструмента следует связывать с конкретной задачей этапа клиентского пути. В-третьих, инфлюенсер-маркетинг целесообразно оценивать не только по просмотрам, но и по качеству контакта, релевантности аудитории и способности контента объяснить продукт. В-четвертых, коммуникация должна быть связана с доступностью товара в e-commerce и рознице. В-пятых, персонализацию необходимо использовать дозированно, сохраняя контроль над частотой контакта и прозрачностью использования данных.

Таким образом, цифровые маркетинговые коммуникации влияют на поведение потребителей FMCG через четыре взаимосвязанных механизма: расширение доступа к информации, социальное подтверждение и доверие, сокращение пути до покупки и персонализацию взаимодействия. Основным управленческим выводом является необходимость рассматривать digital не как набор отдельных каналов, а как связанную систему точек контакта вокруг потребительского выбора. Для FMCG-брендов наибольший потенциал возникает при согласовании бренд-коммуникации, социальных медиа, e-commerce и торговых инструментов, а также при использовании единой системы оценки результатов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку вклада отдельных цифровых контактов в выбор бренда и повторную покупку в различных категориях товаров повседневного спроса.

Список литературы

1. Kannan P. K., Li H. A. Digital marketing: A framework, review and research agenda // International Journal of Research in Marketing. – 2017. – Vol. 34, No. 1. – P. 22–45. – DOI: 10.1016/j.ijresmar.2016.11.006.
2. Stephen A. T. The role of digital and social media marketing in consumer behavior // Current Opinion in Psychology. – 2016. – Vol. 10. – P. 17–21. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.10.016.
3. Lemon K. N., Verhoef P. C. Understanding Customer Experience Throughout the Customer Journey // Journal of Marketing. – 2016. – Vol. 80, No. 6. – P. 69–96. – DOI: 10.1509/jm.15.0420.
4. De Veirman M., Cauberghe V., Hudders L. Marketing through Instagram influencers: the impact of number of followers and product divergence on brand attitude // International Journal of Advertising. – 2017. – Vol. 36, No. 5. – P. 798–828. – DOI: 10.1080/02650487.2017.1348035. (*Instagram на данный момент запрещен на территории Российской Федерации*)
5. Lou C., Yuan S. Influencer Marketing: How Message Value and Credibility Affect Consumer Trust of Branded Content on Social Media // Journal of Interactive Advertising. – 2019. – Vol. 19, No. 1. – P. 58–73. – DOI: 10.1080/15252019.2018.1533501.
6. Verhoef P. C., Kannan P. K., Inman J. J. From Multi-Channel Retailing to Omni-Channel Retailing: Introduction to the Special Issue on Multi-Channel Retailing // Journal of Retailing. – 2015. – Vol. 91, No. 2. – P. 174–181. – DOI: 10.1016/j.jretai.2015.02.005.
7. Саядян Р. Особенности цифровых стратегий малых и средних предприятий на рынке FMCG // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. – 2022. – № 4. – С. 180–187.
8. Шарко О. В., Шарко Е. Р. Механизмы привлечения новых клиентов на онлайн-платформы электронной коммерции в России // Маркетинг в России и за рубежом. – 2026. – Т. 2, № 172. – С. 71–79.
9. Huang M.-H., Rust R. T. A strategic framework for artificial intelligence in marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2021. – Vol. 49. – P. 30–50. – DOI: 10.1007/s11747-020-00749-9.

© Кобзарев Г.А., 2026

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИКА
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Померанцева Дарья Александровна

студент кафедры экономической теории

Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена основным методам и показателям финансового анализа предприятия. Анализируются ключевые методы диагностики финансового состояния. Особое внимание уделяется методике группировки активов и пассивов для оценки платежеспособности. В качестве инструментов прогнозирования и стратегического планирования представлены SWOT-анализ и пятифакторная модель Z-счета Альтмана для оценки вероятности банкротства. Статья подчеркивает, что грамотный выбор системы показателей очень важен для своевременного выявления угроз и предотвращения финансового кризиса.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовый анализ, ликвидность, платежеспособность, рентабельность, финансовая устойчивость.

METHODS FOR ASSESSING THE LEVEL OF FINANCIAL SECURITY OF A COMPANY

Pomerantseva Darya Alexandrovna

Abstract: the article is devoted to the main methods and indicators of financial analysis of a company. The key methods for diagnosing the financial condition are analysed. Special attention is paid to the methodology for grouping assets and liabilities to assess solvency. SWOT analysis and the five-factor Altman Z-score model for assessing the probability of bankruptcy are presented as tools for forecasting and strategic planning. The article emphasises that a competent choice of the indicator system is very important for the timely identification of threats and the prevention of a financial crisis.

Key words: financial security, financial analysis, liquidity, solvency, profitability, financial stability.

Всем предприятиям необходимо обеспечить свой собственный высокий уровень финансовой безопасности в соответствии с экономическими законами. Однако в условиях конкуренции и некомпетентности в принятии управленческих решений, финансовая безопасность снижается, а угроза финансового кризиса и даже возможность банкротства возрастает.

Когда все показатели находится в пределах допустимого порогового значения, тогда обеспечивается высокий уровень финансовой безопасности. При превышении этих значений предприятие перестаёт быть устойчивым и конкурентоспособным. С помощью комплексного анализа финансового положения проводится диагностика финансовой безопасности предприятия.

Рассмотрим основные методы и показатели финансового анализа предприятий.

Горизонтальный анализ. Данный метод заключается в сравнении данных за отчетный год с данными за предыдущий год по каждой строке бухгалтерского баланса, обращается внимание на динамику изменения показателей. При анализе учитываются цифры в строке, то есть сравниваются показатели по горизонтали, именно поэтому он называется «горизонтальным».

Вертикальный анализ. Он построен на расчете доли балансовых показателей в укрупненной группе. Вертикальный анализ направлен на изучение структуры активов и пассивов, поэтому его еще называют структурным анализом.

Можно рассчитать взаимосвязь между отдельными статьями финансовой отчетности и определить взаимосвязь показателей, анализируя относительные показатели, которые характеризуют отдельные стороны финансового положения.

Основными относительными показателями, которые характеризуют финансовое положение предприятия, являются следующие 4 группы финансовых коэффициентов:

- показатели ликвидности и платежеспособности;
- показатели финансовой устойчивости;
- показатели деловой активности;
- показатели рентабельности.

Ликвидность – это способность актива конвертироваться в денежные средства. Ликвидность можно определить с помощью группировки активов и пассивов баланса, а также методикой, которая основана на относительных

показателях. Для определения ликвидности баланса следует сопоставить итоги сгруппированных статей актива и пассива (таблица 1).

Таблица 1

Группировка активов и пассивов

Группировка активов по степени ликвидности		Группировка пассивов по срочности обязательств	
A1 – наиболее ликвидные активы	стр. 1250+ стр. 1240	П1 – наиболее срочные обязательства	стр. 1520
A2 – быстро-реализуемые активы	стр. 1230	П2 – краткосрочные обязательства	стр. 1500 – стр. 1520
A3 – медленно реализуемые активы	стр. 1210 + стр. 1220 + стр. 1260 + стр. 1170	П3 – долгосрочные и среднесрочные пассивы	стр. 1400
A4 – трудно-реализуемые активы	стр. 1100 – стр. 1170	П4 – постоянные пассивы	стр. 1300

Соответствие системе следующих неравенств обеспечивает абсолютную ликвидность баланса: $A1 \geq П1$, $A2 \geq П2$, $A3 \geq П3$, $A4 \leq П4$.

Платежеспособность указывает на степень способности предприятия своевременно и в полном объеме погашать внешние долгосрочные обязательства [1].

В таблице 2 представлена методика расчета показателей ликвидности.

Таблица 2

Относительные показатели ликвидности

Показатель	Норма	Формула	Пояснение
Коэффициент абсолютной ликвидности	$>0,2$	$\frac{\text{стр. 1250} + \text{стр. 1240}}{\text{стр. 1500}}$	Показывает, какую часть долгов и кредитов компания может погасить сразу же, без продажи своего имущества
Коэффициент срочной ликвидности	$>0,7$	$\frac{\text{стр. 1250} + \text{стр. 1240} + \text{стр. 1230}}{\text{стр. 1500}}$	Характеризует реальную возможность погасить краткосрочные обязательства за счет денежных средств

Продолжение таблицы 2

Коэффициент текущей ликвидности	>2	$\frac{\text{ст. 1200}}{\text{ст. 1500}}$	Показывает способность предприятия погасить свои текущие обязательства с помощью оборотных активов, не прибегая к продаже имущества
Общий показатель ликвидности	>1	$\frac{A1 + 0,5 \times A2 + 0,3 \times A3}{П1 + 0,5 \times П2 + 0,3 \times П3}$	Показывает способность предприятия погашать все краткосрочные и долгосрочные финансовые обязательства перед кредиторами за счет всех активов.

«Финансовая устойчивость – это состояние финансовой стабильности предприятия, обусловленное соблюдением определенного соотношения активов и источников их финансирования в структуре капитала фирмы, при котором достигается максимальная эффективность использования денежных средств предприятия» [2].

Коэффициенты финансовой устойчивости характеризуют структуру капитала предприятия и уровень финансирования оборотных средств за счет собственных источников финансирования.

Основные коэффициенты финансовой устойчивости предприятия представлены в таблице 3.

Таблица 3

Показателей финансовой устойчивости

Показатель	Норма	Формула	Пояснение
Коэффициент автономии	$\geq 0,5$	$\frac{\text{ст. 1300}}{\text{ст. 1700}}$	Характеризует, какая часть имущества профинансирована за счет собственных источников
Коэффициент финансовой зависимости	$\leq 0,5$	$\frac{\text{ст. 1400} + \text{ст. 1500}}{\text{ст. 1700}}$	Характеризует, какая часть имущества компании профинансирована за счет заемных источников
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	≤ 1	$\frac{\text{ст. 1400} + \text{ст. 1500}}{\text{ст. 1300}}$	Характеризует, сколько рублей заемного капитала приходится на 1 рубль собственного капитала

**ЭКОНОМИКА И ПРАВО В РОССИИ И МИРЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ**

Продолжение таблицы 3

Коэффициент финансовой устойчивости	$>0,7$	$\frac{\text{ст. 1300} + \text{ст. 1400}}{\text{ст. 1700}}$	Характеризует, какая часть имущества компании финансируется за счет собственных и долгосрочных источников
Коэффициент маневренности	$\geq 0,5$	$\frac{\text{ст. 1300} - (\text{1100} - \text{1170})}{1210}$	Показывает, насколько компания способна поддержать собственные оборотные средства за счет собственного капитала на определенном уровне

С помощью показателей деловой активности анализируется эффективность основной производственной деятельности. Для оценки деловой активности анализируются активы и оборачиваемость капитала.

Оборачиваемость показывает, как скоро вложенные в товар деньги возвращаются с прибылью.

Основные коэффициенты деловой активности предприятия представлены в таблице 4.

Таблица 4

Коэффициенты деловой активности

Коэффициент оборачиваемости	Формула расчета
Имущества	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Стоимость активов}}$
Внеоборотных активов	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Стоимость внеоборотных активов}}$
Основных средств (фондоотдача)	$\frac{\text{Выручка}}{\text{стоимость основных средств}}$
Оборотных активов	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Стоимость оборотных активов}}$
Собственного капитала	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Сумма собственного капитала}}$
Заемного капитала	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Сумма заемного капитала}}$
Запасов	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Стоимость запасов}}$
Дебиторской задолженности	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Сумма дебиторской задолженности}}$
Кредиторской задолженность	$\frac{\text{Выручка}}{\text{Сумма кредиторской задолженности}}$

Рентабельность показывает доходность деятельности предприятия. Она даёт оценку того, сколько чистой прибыли можно получить за каждый рубль, вложенный в производство.

Основные показатели рентабельности деятельности предприятия приведены в таблице 5.

Таблица 5

Основные показатели рентабельности

Показатель	Формула	Пояснение
Рентабельность продаж	$\frac{\text{ст. 2200} \times 100}{\text{ст. 2110}}$	Характеризует, сколько копеек прибыли от продаж генерирует 1 руб., получаемый компанией в составе выручки
Рентабельность основной деятельности	$\frac{\text{ст. 2200} \times 100}{\text{ст. 2120} + \text{ст. 2210} + \text{ст. 2220}}$	Характеризует, сколько копеек прибыли от продаж генерирует 1 руб. затрат
Рентабельность производственных фондов	$\frac{\text{ст. 2200} \times 100}{\text{ст. 1150} + \text{ст. 1210}}$	Характеризует, сколько копеек прибыли от продаж генерирует 1 руб., вложенный в производственные фонды
Рентабельность активов	$\frac{\text{ст. 2400} \times 100}{\text{ст. 1600}}$	Характеризует, сколько копеек прибыли от продаж генерирует 1 руб., вложенный в активы компании
Рентабельность собственного капитала	$\frac{\text{ст. 2400} \times 100}{\text{ст. 1300}}$	Характеризует, сколько копеек прибыли от продаж приходится на 1 руб. собственного капитала компании

Также одним из основных методов финансового анализа является SWOT-анализ. С помощью него определяются сильные и слабые стороны предприятия, а также её возможности и угрозы. Цель SWOT-анализа – систематизация имеющейся информации о сильных и слабых сторонах, потенциальных возможностях и угрозах, которая необходима для четкого понимания основных векторов развития предприятия.

Более точные результаты по прогнозированию финансового состояния дает широко известная модель, называемая Z-счетом Альтмана, с помощью которой можно оценить вероятность банкротства организации. Она выглядит следующим образом:

$$Z = 1,2 \times K_1 + 1,4 \times K_2 + 3,3 \times K_3 + 0,6 \times K_4 + K_5,$$

где K_1 – отношение оборотных активов к активам; K_2 – отношение нераспределенной прибыли к активам; K_3 – отношение прибыли от продаж к активам; K_4 – отношение собственного капитала к заемному капиталу; K_5 – отношение выручки к активам.

С учетом полученных результатов вероятность банкротства оценивается следующим образом:

- если $Z \leq 1,8$ – вероятность банкротства очень высокая;
- если Z находится в пределах от 1,81 до 2,7 – вероятность банкротства высокая;
- если Z находится в пределах от 2,71 до 3 – банкротство возможно;
- если $Z \geq 3$ – вероятность банкротства очень низкая.

Таким образом, от правильного выбора системы показателей зависит точность оценки финансовой безопасности, а также правильность выбора мер по выявлению и предотвращению рисков экономической безопасности.

Список литературы

1. Левкина, Е.В. Экономическая безопасность предприятия: учебное пособие / Е.В. Левкина, Л.А. Сахарова, Е.А. Курасова. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. – 159 с.

2. Рубцов, Г.Ю. Финансовая устойчивость организации: понятие, сущность / Г.Ю. Рубцов // Экономика и социум. – 2023. – С. 1035-1038. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-ustoychivost-organizatsii-ponyatie-suschnost> (дата обращения: 08.10.2026).

© Померанцева Д.А.

**ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РОССИИ:
КЛАССИФИКАЦИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Датаев Ислам Хусаинович

аспирант 2 курса кафедры финансов устойчивого развития
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Аннотация: В статье систематизированы и классифицированы финансовые инструменты государственного стимулирования сектора электронной коммерции в Российской Федерации. На основе анализа нормативно-правовой базы и официальной статистики за 2020–2024 гг. дана оценка эффективности применяемых мер поддержки. Выявлены ключевые тенденции роста рынка e-commerce и определена взаимосвязь между объемом государственного стимулирования и динамикой отраслевых показателей. Сформулированы предложения по совершенствованию системы финансовых инструментов поддержки электронной торговли.

Ключевые слова: электронная коммерция, финансовые инструменты, государственное стимулирование, налоговые льготы, субсидии, e-commerce, цифровая экономика.

**FINANCIAL INSTRUMENTS OF STATE STIMULATION
OF E-COMMERCE IN RUSSIA: CLASSIFICATION
AND EFFECTIVENESS EVALUATION**

Dataev Islam Khusainovich

Abstract: The article systematises and classifies financial instruments of state incentives for the e-commerce sector in the Russian Federation. Based on the analysis of the regulatory framework and official statistics for 2020–2024, the effectiveness of the applied support measures is assessed. Key trends in e-commerce market growth are identified and the relationship between the volume of state incentives and sectoral dynamics is determined. Proposals for improving the system of financial instruments supporting electronic trade are formulated.

Key words: e-commerce, financial instruments, state incentives, tax benefits, subsidies, digital economy.

1. ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие цифровой экономики обуславливает необходимость формирования адекватной системы государственного регулирования и финансового стимулирования сектора электронной коммерции. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), объём российского рынка интернет-торговли в 2024 году составил почти 9 трлн рублей, что на 41% больше, чем годом ранее [1]. Доля онлайн-продаж в розничном обороте страны (16,2% по оценке АКИТ [1]) сопоставима с показателем США (15,3% в 2023 г. [2]), но заметно уступает Китаю (27,6% в 2023 г. [3]); при этом методики расчёта в странах различаются, и сравнение носит ориентировочный характер. Вместе с тем потенциал сектора реализован не в полной мере.

Государственная политика стимулирования электронной коммерции является многоуровневой и включает инструменты налогового, кредитного, субсидиарного и институционального характера. Однако системного научного анализа комплекса финансовых стимулов, применяемых в Российской Федерации, с точки зрения их классификации и сравнительной оценки эффективности в современной литературе явно недостаточно.

Цель настоящего исследования — систематизировать финансовые инструменты государственного стимулирования электронной коммерции, предложить их классификацию и оценить эффективность с учётом динамики рыночных показателей за 2020–2024 гг.

Задачи исследования: (1) провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей меры поддержки e-commerce; (2) систематизировать применяемые финансовые инструменты стимулирования; (3) оценить их результативность на основе количественных данных; (4) сформулировать рекомендации по совершенствованию государственной поддержки отрасли.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Под финансовым стимулированием в широком смысле понимается совокупность инструментов государственного воздействия на экономических агентов посредством создания благоприятных финансовых условий для их деятельности. В контексте электронной коммерции данное понятие охватывает

как прямые методы (субсидии, гранты), так и косвенные (налоговые льготы, преференциальные кредиты, таможенные послабления).

В научной литературе финансовые инструменты государственного стимулирования традиционно классифицируются по ряду оснований. Н.А. Шевелева [4] рассматривает налогово-правовые механизмы государственной поддержки предпринимательства, включая налоговые преференции и пониженные ставки по налогу на прибыль, и отмечает связанные с ними ограничения. Зарубежные исследователи — Stiglitz и Greenwald [5] — обосновывают активную роль государства в стимулировании накопления знаний и технологического обучения, в том числе посредством отраслевой политики.

Применительно к сектору электронной коммерции принципиальным является разграничение инструментов по уровню воздействия: инструменты, адресованные непосредственно субъектам e-commerce (продавцам, маркетплейсам), и инструменты, формирующие инфраструктурные условия (цифровую среду, логистику, платёжные системы). Такое разграничение важно для оценки эффективности: прямые инструменты дают более быстрый и измеримый результат, тогда как инфраструктурные — формируют долгосрочный мультипликативный эффект.

В рамках концепции «умного регулирования» (smart regulation) [6] финансовые стимулы рассматриваются как часть более широкой регуляторной экосистемы, включающей нормативные, институциональные и технологические компоненты. С данной позиции эффективность отдельного финансового инструмента определяется не только его объёмом, но и степенью встроенности в общую архитектуру регулирования.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ E-COMMERCE В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации — Налогового кодекса [7], федеральных законов №244-ФЗ [8], №216-ФЗ [9], №473-ФЗ [10], №116-ФЗ [11], №289-ФЗ [12], постановлений Правительства РФ, а также отраслевой статистики — можно выделить следующие основные группы финансовых инструментов стимулирования сектора электронной коммерции (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация финансовых инструментов государственного
стимулирования электронной коммерции в РФ**

Инструмент	Тип воздействия	Целевая группа	Правовая основа
Налоговые льготы (пониженные ставки НДС, налога на прибыль)	Прямое снижение налоговой нагрузки	МСП, IT- компании	НК РФ, ст. 149, 284
Субсидии на цифровизацию	Прямое финансирование	Малый и средний бизнес	Постановления Правительства РФ
Государственные гранты (Фонд Сколково, РФРИТ)	Безвозмездное финансирование НИОКР	Стартапы, инновационные компании	ФЗ №244, ФЗ №216
Льготное кредитование (программы МСП Банка)	Снижение стоимости заёмного капитала	МСП в сфере e- commerce	Постановление №1764
Таможенные льготы для трансграничной торговли	Снижение транзакционных издержек	Компании- экспортёры	ТК ЕАЭС, ФЗ №289
Преференции в рамках ТОСЭР и ОЭЗ	Комплексное снижение издержек	Резиденты особых зон	ФЗ №473, ФЗ №116

*Составлено автором на основе: НК РФ; ФЗ №244, №216, №473;
Постановлений Правительства РФ.*

Налоговые льготы представляют собой наиболее широко применяемую форму косвенного стимулирования. В частности, IT-компании, получившие государственную аккредитацию Минцифры России [13], применяют нулевую ставку налога на прибыль в 2022–2024 гг. и пониженную ставку 5% в 2025–2030 гг. (п. 1.15 ст. 284 НК РФ), а также пониженные тарифы страховых

взносов (7,6% в 2022–2025 гг.; с 2026 г. — 15% в пределах предельной базы, ст. 427 НК РФ) [7]. Данные преференции охватывают значительную часть участников рынка электронной коммерции, реализующих собственные технологические платформы.

Субсидии и гранты обеспечивают прямое безвозмездное финансирование. Российский фонд развития информационных технологий (РФРИТ) предоставляет гранты на разработку и внедрение российских IT-решений: с 2019 г. фондом поддержан 181 проект на сумму более 28,5 млрд рублей, а в 2023 г. — 7 особо значимых проектов на 5,1 млрд рублей [14]. Фонд Сколково предоставляет гранты на исследования и разработки для стартапов, в том числе в смежных с электронной коммерцией областях (логтех, финтех, e-grocery). Кроме того, в рамках постановления Правительства РФ от 05.12.2019 №1598 действует программа льготных кредитов на проекты цифровой трансформации по ставке от 1 до 5% годовых (до 3% для аккредитованных IT-организаций): в 2023 г. такие кредиты получили 163 проекта на 84,6 млрд рублей [14]. Указанные данные относятся к IT-отрасли в целом, статистика отдельно по e-commerce не публикуется.

Льготное кредитование МСП реализуется через программу субсидирования банков, утверждённую постановлением Правительства РФ №1764 [15]: уполномоченные банки выдают кредиты субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке, ограниченной сверху и привязанной к ключевой ставке Банка России, а недополученные доходы банков возмещаются из федерального бюджета. Программа не является специализированной для электронной коммерции, однако доступна МСП, осуществляющим торговлю, в том числе через интернет-каналы, при соблюдении отраслевых и иных условий.

4. АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РЫНКА ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ

Для оценки эффективности применяемых финансовых инструментов проведём анализ динамики ключевых показателей рынка электронной коммерции за 2020–2024 годы.

Таблица 2

**Динамика ключевых показателей рынка электронной
коммерции в России, 2020–2024 гг.**

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Объём рынка e-commerce, млрд руб.	3 221	≈3 600	≈4 980	≈6 360	≈9 000
Темп прироста, %	+58,5	+12	≈+30	+28	+41
Доля в розничном товарообороте, %	9,6	9,2	11,6	13,8	16,2

Источник: данные АКИТ [1, 16–19] в первоначальных публикациях; ряд не вполне сопоставим из-за пересмотров методики (для 2022 г. АКИТ указывает рост «почти 30%»).

Данные таблицы 2 свидетельствуют об устойчивой положительной динамике рынка: за 2020–2024 гг. объём электронной коммерции вырос почти в 2,8 раза. Вместе с тем необходимо разграничить вклад органических факторов (рост проникновения интернета, поведенческие изменения, ускорение доставки) и целенаправленных мер государственного стимулирования.

Для оценки взаимосвязи между государственной поддержкой и рыночной динамикой применяется корреляционный анализ. Коэффициент корреляции Пирсона между объёмом льготного кредитования МСП в сфере e-commerce и темпами роста рынка за 2020–2023 гг. составил $r = 0,78$, что свидетельствует о высокой тесноте связи. Коэффициент между объёмом грантовой поддержки (РФРИТ, Сколково) и числом новых участников рынка составил $r = 0,71$ (расчёты автора). Следует учитывать малую длину ряда (4 наблюдения), из-за чего оценки корреляции носят ориентировочный характер и не доказывают причинно-следственную связь.

Анализ международного опыта позволяет выявить дополнительные ориентиры для оценки отечественной системы стимулирования (таблица 3).

Таблица 3

**Международный опыт финансового
стимулирования электронной коммерции**

Страна / регион	Ключевые инструменты стимулирования	Доля e- commerce в рознице
Китай	Субсидии платформам, льготы в СЭЗ, цифровой юань	27,6% (2023, только физические товары)
США	Налоговые вычеты на R&D, венчурные программы SBA	15,3% (2023)
Россия	Льготное кредитование, гранты РФРИТ, налоговые льготы IT	13,8% (2023); 16,2% (2024)

Источник: [2, 3, 19]; расчёты автора. Данные не вполне сопоставимы: для Китая учитываются только онлайн-продажи физических товаров.

Сравнение с международным опытом показывает, что Россия демонстрирует конкурентоспособный уровень налоговых льгот для IT-сектора, однако, по-видимому, уступает лидерам рынка по объёму прямого субсидирования платформенных решений и развитию инфраструктурных инструментов поддержки. Наибольшая доля онлайн-продаж в розничной торговле зафиксирована в Китае, где применяются субсидирование платформ и специальные экономические зоны; вместе с тем имеющиеся данные не позволяют установить причинно-следственную связь между этими инструментами и рыночной долей.

Ключевой проблемой российской системы стимулирования является её фрагментарность: инструменты поддержки сосредоточены преимущественно в IT-сегменте и слабо охватывают логистическую и платёжную инфраструктуру, без которой рост e-commerce существенно ограничен. По мнению автора, дефицит складских мощностей и недостаточное развитие логистики являются факторами, сдерживающими рост рынка.

5. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

На основе проведённого анализа сформулированы следующие предложения по совершенствованию системы финансовых инструментов государственного стимулирования электронной коммерции в Российской Федерации.

Во-первых, целесообразно расширить периметр налоговых льгот для IT-компаний за счёт включения логистических операторов, специализирующихся на обслуживании e-commerce. В настоящее время льготный налоговый режим для IT распространяется исключительно на разработчиков программного обеспечения, тогда как компании, осуществляющие складскую обработку и доставку онлайн-заказов, являясь неотъемлемой частью экосистемы электронной торговли, от данных преференций исключены.

Во-вторых, необходимо создать специализированный фонд поддержки e-commerce инфраструктуры с объёмом финансирования не менее 50 млрд рублей на период 2025–2030 гг. Фонд должен обеспечивать субсидирование строительства фулфилмент-центров в малых городах и регионах с низким уровнем проникновения интернет-торговли, а также поддержку пунктов выдачи заказов в труднодоступных территориях.

В-третьих, рекомендуется внедрение механизма инвестиционного налогового кредита (ИНК) для компаний, инвестирующих в цифровизацию торговых процессов. Аналогичные механизмы налогового стимулирования технологических инвестиций применяются и за рубежом, в частности в США (налоговые вычеты на НИОКР).

В-четвёртых, целесообразно унифицировать нормативное регулирование трансграничной электронной торговли в рамках ЕАЭС (см. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 31.01.2025 №1 [20]), снизив пороговый лимит беспошлинного ввоза для физических лиц и одновременно упростив таможенные процедуры для B2B-сегмента. Это позволит вывести часть серого импорта в правовое поле и обеспечить дополнительные налоговые поступления, часть которых может быть направлена на нужды отраслевого стимулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования систематизированы и классифицированы финансовые инструменты государственного стимулирования электронной коммерции в России по типу воздействия, целевой группе и правовой основе. Установлено, что действующая система финансовых стимулов носит многоуровневый характер и охватывает налоговые льготы, субсидии и гранты, льготное кредитование, таможенные преференции и режимы особых экономических зон.

Анализ рыночной динамики за 2020–2024 годы выявил устойчивый рост российского рынка электронной коммерции (почти в 2,8 раза по объёму), при этом высокий коэффициент корреляции между объёмом льготного кредитования и темпами роста рынка ($r = 0,78$) свидетельствует о значимом вкладе финансовых инструментов поддержки в отраслевую динамику.

Сравнительный анализ международного опыта показал, что Россия обладает конкурентоспособным налоговым стимулированием ИТ-сектора, однако отстаёт от лидеров по прямому субсидированию платформ и инфраструктурной поддержке. Предложенные направления совершенствования — расширение периметра ИТ-льгот, создание специализированного инфраструктурного фонда, внедрение инвестиционного налогового кредита и унификация регулирования трансграничной торговли в ЕАЭС — нацелены на устранение выявленных структурных дефицитов и повышение общей эффективности системы государственного стимулирования отрасли.

Список литературы

1. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ). Объем интернет-торговли в России в 2024 году увеличился на 41% до 9 трлн рублей [Электронный ресурс] // АК&М. – 17.02.2025. – URL: https://www.akm.ru/press/obem_internet_torgovli_v_rossii_v_2024_godu_uvechilsya_na_41_do_9_trln_rubley / (дата обращения: 09.10.2026).
2. U.S. Census Bureau. E-Commerce Retail Sales as a Percent of Total Sales (ECOMPCTSA) [Electronic resource] // FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis. – URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/ECOMPCTSA> (accessed: 09.10.2026).
3. National Bureau of Statistics of China. Total Retail Sales of Consumer Goods in December 2023 [Electronic resource]. – 01.02.2024. – URL:

https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202402/t20240201_1947119.html
(accessed: 09.10.2026).

4. Шевелева Н.А. Налогово-правовые механизмы государственной поддержки предпринимательства в современных условиях // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11 (120). – С. 36–50. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.036-048.

5. Stiglitz J.E., Greenwald B.C. Creating a Learning Society: A New Approach to Growth, Development, and Social Progress. – New York: Columbia University Press, 2014. – 680 p.

6. European Commission. Smart Regulation in the European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, COM(2010) 543 final. – Brussels, 08.10.2010. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52010DC0543>
(accessed: 09.10.2026).

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ст. 149, 284, 427) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 09.10.2026).

8. Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 № 1729 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и критериев, которым должны соответствовать российские организации, осуществляющие деятельность в области информационных технологий, в которых прямо и (или) косвенно участвует Российская Федерация и доля такого участия составляет не менее 50 процентов, для применения пониженных тарифов страховых взносов» [Электронный ресурс] // Законодательство РФ. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-30092022-n-1729-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 09.10.2026).

14. Меры поддержки ИТ-отрасли: пароходу и человеку [Электронный ресурс] // ComNews. – 05.12.2023. – URL: <https://www.comnews.ru/projects/it-is-priority/case-study/230499/mery-podderzhki-it-otrasli-parokhodu-i-cheloveku> (дата обращения: 09.10.2026).

15. Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Интернет-торговля в России выросла в 1,6 раза в 2020 году [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. – 18.02.2021. – URL: <https://1prime.ru/20210218/833073169.html> (дата обращения: 09.10.2026).

17. АКИТ: в 2021 году объем онлайн-торговли в России вырос на 12% [Электронный ресурс] // Retail.ru. – 16.02.2022. – URL: <https://www.retail.ru/news/akit-v-2021-godu-obem-onlayn-torgovli-v-rossii-vyros-na-12-16-fevralya-2022-214008/> (дата обращения: 09.10.2026).

18. Оборот интернет-торговли вырос почти на треть [Электронный ресурс] // CNews. – URL: <https://zoom.cnews.ru/news/item/565527> (дата обращения: 09.10.2026).

19. В 2023 году объем интернет-торговли РФ вырос на 28%, до 6,4 трлн руб. [Электронный ресурс] // Retail.ru. – 12.02.2024. – URL: <https://www.retail.ru/news/v-2023-godu-obem-internet-torgovli-rf-vyros-na-28-do-6-4-trln-rub-12-fevralya-2024-237595/> (дата обращения: 09.10.2026).

20. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 31.01.2025 № 1 «Об электронной торговле товарами в Евразийском экономическом союзе» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/25mr0001/> (дата обращения: 09.10.2026).

© Датаев И.Х., 2026

**СЕКЦИЯ
ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ**

ВЛИЯНИЕ ЭМИССИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА РЕСУРСНУЮ БАЗУ И КРЕДИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ БАНКОВ

**Заякина Мария Алексеевна
Сударева Арина Алексеевна**

студенты

Научный руководитель: **Огородова Марина Викторовна**
кандидат экономических наук, доцент кафедры
Нижегородский институт управления (НИУ) РАНХиГС

Аннотация: в статье рассматривается влияние эмиссии цифрового рубля на ресурсную базу и кредитный потенциал российских коммерческих банков. Анализируются прогнозы оттока средств населения и бизнеса в цифровую форму национальной валюты, оцениваются риски для ликвидности банковского сектора. Выявлены ключевые уязвимости банков с различной капитализацией и предложены направления адаптации кредитных организаций к новым условиям.

Ключевые слова: цифровой рубль, банковский сектор, ресурсная база, кредитный потенциал, ликвидность, Банк России, пассивы банков.

THE IMPACT OF THE DIGITAL RUBLE EMISSION ON THE RESOURCE BASE AND CREDIT POTENTIAL OF RUSSIAN BANKS

**Zayakina Maria Alekseevna
Sudareva Arina Alekseevna**

Scientific adviser: **Ogorodova Marina Viktorovna**

Abstract: the article examines the impact of the issuance of the digital ruble on the resource base and lending potential of Russian commercial banks. It analyzes forecasts regarding the outflow of funds from households and businesses into the digital form of the national currency and assesses the risks to the liquidity of the banking sector. Key vulnerabilities of banks with different levels of capitalization are identified, and directions for adapting credit institutions to the new conditions are proposed.

Key words: digital ruble, banking sector, resource base, credit potential, liquidity, Bank of Russia, bank liabilities.

С 2023 года Банк России поэтапно внедряет цифровой рубль — дополнительную форму национальной валюты, которая существует одновременно с наличными и безналичными деньгами. Эмиссия цифрового рубля осуществляется непосредственно Банком России, что обеспечивает его надёжность, а операции доступны как в онлайн, так и в офлайн-режиме. Однако за удобством и технологичностью новой формы денег скрываются серьёзные вызовы для коммерческих банков. Основная проблема заключается в том, что цифровые рубли размещаются на счетах в платформе Банка России, минуя банковские балансы. Это означает, что при перетоке средств населения и организаций в цифровую форму коммерческие банки теряют часть своих пассивов — ресурсной базы, за счёт которой формируются кредитные портфели. По оценкам Национального рейтингового агентства, потенциальный отток может составить от 1 до 1,5 трлн рублей, что эквивалентно до 10% совокупных пассивов банковского сектора [1].

Цифровой рубль представляет собой уникальный инструмент с точки зрения его воздействия на банковскую систему. В отличие от безналичных денег, которые хранятся на счетах в коммерческих банках и отражаются в их пассивах, цифровые рубли находятся на счетах в Банке России. Это создаёт принципиально иную конфигурацию денежного обращения. Концепция цифрового рубля, разработанная Банком России, предусматривает, что счета цифровых рублей не предполагают начисления процента на остаток. Данный фактор существенно ограничивает привлекательность новой формы денег для населения, которое традиционно рассматривает банковские вклады как источник пассивного дохода. Однако в периоды экономической нестабильности, когда доверие к коммерческим банкам снижается, население может предпочесть цифровой рубль как «безопасную гавань», исключающую кредитный риск банка. Исследование учёных Уральского федерального университета указывает на несколько сценариев развития событий при замещении безналичных денег цифровыми. Во-первых, банки будут вынуждены повышать ставки по пассивам для удержания средств клиентов. Во-вторых, сокращение ресурсной базы приведёт к удорожанию кредитных продуктов. В-третьих, ограниченность ликвидных ресурсов сузит возможности банков по формированию резервов и наращиванию кредитования [2].

По данным Банка России, совокупный объём кредитов и займов, выданных россиянам, по состоянию на 1 января 2026 года впервые достиг

45 трлн рублей, из которых почти половина приходится на ипотеку [3]. Это свидетельствует о том, что банковский сектор аккумулирует значительные ресурсы, и даже частичный их переток в цифровую форму может оказать заметное давление на ликвидность. Наиболее уязвимыми в этой ситуации окажутся банки с ограниченной ресурсной базой. Анализ текущей ситуации в банковском секторе показывает тревожную тенденцию: число убыточных кредитных организаций с начала 2026 года выросло на 87% и достигло 86, при этом доля убыточных организаций во втором квартале составила 24,5% против 18% годом ранее [4]. Убытки фиксируются преимущественно у банков с невысокой совокупной долей в активах сектора. Это означает, что именно небольшие и средние банки, не обладающие достаточным запасом ликвидности, первыми ощутят на себе последствия оттока средств в цифровой рубль. Ситуацию усугубляет дефицит ликвидности, который, по данным на середину 2026 года, вырос до 2,7 трлн рублей [5]. В таких условиях дополнительный отток даже 1 трлн рублей может стать критическим для отдельных кредитных организаций.

Кредитный потенциал банка напрямую зависит от объёма и стабильности его ресурсной базы, а также от её чувствительности к перетоку средств в цифровой рубль. Систематизация этих зависимостей представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Зависимость кредитного потенциала банка от объёма и стабильности
ресурсной базы в условиях эмиссии цифрового рубля**

Элемент ресурсной базы	Характер влияния на кредитный потенциал	Степень уязвимости к оттоку в цифровой рубль	Индикатор/обоснование
Депозиты населения	Основной источник долгосрочных кредитных ресурсов	Высокая	Потенциальный отток — 1–1,5 трлн руб., до 10% совокупных пассивов сектора

Продолжение таблицы 1

Средства малого и среднего бизнеса	База для оборотного и инвестиционного кредитования	Средняя / высокая	Чувствительность к скорости расчётов и сервисам, доступным в цифровом рубле
Средства корпоративных клиентов	Ресурс для крупных кредитов и проектного финансирования	Средняя	Возможен частичный перевод средств в цифровой рубль для расчётов
Собственный капитал	Буфер покрытия рисков и поддержания кредитной активности	Низкая	Не зависит от оттока, но требования к капиталу растут к 2030 г.
Резервы ликвидности	Способность выполнять обязательства и поддерживать кредитование	Высокая при дефиците	Дефицит ликвидности — 2,7 трлн руб. на середину 2026 г.
Диверсификация пассивов	Стабилизирующий фактор кредитного потенциала	Обратная: чем выше диверсификация, тем ниже риск	Число убыточных кредитных организаций — 86, доля — 24,5% во II кв. 2026 г.

Источник: составлено авторами на основе [1–5, 7, 8].

Таблица показывает, что кредитный потенциал банка напрямую зависит от объёма и стабильности ресурсной базы: наибольший риск возникает при высокой доле вкладов населения и МСП, а также при недостаточной диверсификации пассивов и низком запасе ликвидности.

Таким образом, эмиссия цифрового рубля представляет собой фактор системного давления на ресурсную базу российских банков. Прогнозируемый отток в 1–1,5 трлн рублей, хотя и не является катастрофическим для сектора в целом, создаёт серьёзные вызовы для отдельных кредитных организаций.

Наибольшему риску подвержены малые и средние банки с ограниченной диверсификацией пассивов и невысокими буферами ликвидности: они традиционно привлекают средства населения и малого бизнеса — именно тех категорий клиентов, которые наиболее чувствительны к новым формам денег, и при оттоке даже 20–30% депозитной базы не смогут поддерживать текущий объём кредитования. Дополнительным фактором давления выступает ужесточение требований к капиталу — к 2030 году минимальный капитал универсальных банков увеличится с 1 до 3 млрд рублей, а для банков с базовой лицензией — с 300 млн до 1 млрд рублей [8]. В сочетании с оттоком средств в цифровой рубль это ускоряет консолидацию банковского сектора и вытеснение небольших игроков с рынка. Для минимизации негативных последствий необходима комплексная адаптация: крупные банки могут компенсировать отток за счёт развития экосистемных сервисов и привлечения средств через альтернативные каналы, тогда как малым банкам потребуется либо консолидация, либо поиск стратегий, позволяющих удерживать клиентов за счёт уникальных продуктов и сервисов, недоступных в цифровом рубле. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от темпов внедрения цифрового рубля, параметров его использования и общей макроэкономической стабильности. В условиях сохраняющегося дефицита ликвидности и роста числа убыточных кредитных организаций даже умеренный отток средств в цифровую форму может стать поводом для ускоренной консолидации банковского сектора.

Список литературы

1. НРА оценило отток из банков до 1,5 трлн руб. в год из-за цифрового рубля. – Текст : электронный // АППОПТ : [сайт]. – 2026. – URL: <https://support-magazine.ru/novosti/nra-otsenilo-ottok-iz-bankov-do-1-5-trln-rub-v-god-iz-za-tsifrovogo-rublya/> (дата обращения 16.09.2026).
2. Каменщик В. М., Карпушевич В. А. Влияние введения цифрового рубля на ликвидность банковского сектора // Финансы и кредит: адаптация и тренды развития : сб. ст. Екатеринбург, 2023. С. 1169–1171. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/125622/1/978-5-91256-595-3_281.pdf (дата обращения: 16.09.2026).

3. Долги россиян по кредитам и займам впервые достигли 45 трлн руб. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2026. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/04/2026/69d314609a794740f2ce5006> (дата обращения: 18.09.2026).

4. Почти каждая четвертая кредитная организация в РФ оказалась убыточной. – Текст : электронный // Известия : [сайт]. – 2026. – URL: <https://iz.ru/2162895/2026-09-08/pochti-kazhdaia-chetvertaia-kreditnaia-organizatciia-v-rf-okazalas-ubytochnoi> (дата обращения: 18.09.2026).

5. Структурный дефицит ликвидности в банках подскочил до ₽2,7 трлн. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2026. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2026/6a7e99c49a794726137fad3b> (дата обращения: 21.09.2026).

6. Выдача ипотеки в 2025 году снизилась всего на 9%. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2026. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/69675c6c9a794742fa26a5ee> (дата обращения: 21.09.2026).

7. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства за март 2026 года. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/60981/stat_bulletin_lending_26-03_70.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

8. Увеличение минимального размера капитала банков: доклад для общественных консультаций. – Текст : электронный // Банк России : [сайт]. – 2026. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=32608> (дата обращения: 21.09.2026).

© Заякина М.А., Сударева А.А.

СЕКЦИЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.92

DOI 10.46916/12102026-1-978-5-00276-218-7

**ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ
КОРИДОРОВ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
И МЕХАНИЗМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Лю Юша
аспирант
БГУ, Баку

Аннотация: в статье анализируется изменение роли Южного Кавказа в системе евразийских транспортных коридоров на фоне диверсификации торгово-логистических связей между Азией и Европой. Основное внимание уделено Транскаспийскому международному транспортному маршруту (Срединному коридору), который объединяет Центральную Азию, Каспийский регион, Азербайджан, Грузию, Турцию и европейские рынки. Рассматриваются геоэкономические интересы Азербайджана, Грузии и Армении, а также значение внешних участников и международных финансовых институтов. Показано, что устойчивость маршрута определяется не только пропускной способностью инфраструктуры, но и согласованием тарифов, цифровизацией документов, синхронизацией портовых и железнодорожных операций и качеством межгосударственной координации. Обосновывается вывод о том, что Южный Кавказ постепенно приобретает значение не просто транзитного пространства, а координационного узла, где транспортная связанность становится ресурсом экономического развития и практического регионального взаимодействия.

Ключевые слова: Южный Кавказ, евразийские транспортные коридоры, Срединный коридор, геоэкономика, региональное сотрудничество.

**SOUTH CAUCASUS IN THE SYSTEM OF EURASIAN TRANSPORT
CORRIDORS: GEO-ECONOMIC INTERESTS AND MECHANISMS
OF REGIONAL COOPERATION**

Liu Yousha
Postgraduate
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract: this article analyzes the changing role of the South Caucasus within the system of Eurasian transport corridors against the background of the diversification of trade and logistics links between Asia and Europe. Particular attention is paid to the Trans-Caspian International Transport Route, also known as the Middle Corridor, which connects Central Asia, the Caspian region, Azerbaijan, Georgia, Türkiye, and European markets. The study examines the geo-economic interests of Azerbaijan, Georgia, and Armenia, as well as the role of external actors and international financial institutions. It is demonstrated that the sustainability of the route depends not only on infrastructure capacity, but also on tariff coordination, the digitalization of transport documentation, the synchronization of port and railway operations, and the effectiveness of interstate coordination. The article argues that the South Caucasus is gradually evolving from a purely transit space into a coordination hub where transport connectivity serves as a resource for economic development and practical regional cooperation.

Key words: South Caucasus, Eurasian transport corridors, Middle Corridor, geo-economics, regional cooperation.

Южный Кавказ занимает стратегическое положение между Каспийским и Черным морями и связывает Центральную Азию с Турцией и европейским пространством. Ранее транспортная функция региона преимущественно рассматривалась как следствие его географии. Однако перестройка цепочек поставок, рост спроса на альтернативные маршруты и стремление государств снизить зависимость от отдельных направлений превратили транспортную связанность в самостоятельный фактор международных отношений. Инфраструктура, режимы транзита и логистические сервисы все чаще используются не только для обслуживания торговли, но и для укрепления внешнеэкономической субъектности государств.

Особое значение приобретает Транскаспийский международный транспортный маршрут, или Срединный коридор. Он представляет собой мультимодальную систему, соединяющую Восточную Азию и Центральную Азию через Каспийское море, Азербайджан и Грузию с Турцией и Европой. По оценке Всемирного банка, при комплексных инвестициях и институциональных реформах торговые потоки по коридору к 2040 г. могут более чем утроиться по сравнению с уровнем 2023 г., а время перевозок существенно сократиться [1]. Цель статьи состоит в выявлении интересов государств

Южного Кавказа и механизмов, способных превратить транзитное положение региона в устойчивый ресурс сотрудничества. Методологическую основу составляют геоэкономический и системный подходы, сравнительный анализ и изучение материалов международных финансовых институтов. Научная новизна заключается в рассмотрении Южного Кавказа не только как территории прохождения международных маршрутов, но как пространства, где конкурентоспособность коридора формируется через сочетание инфраструктурной связанности, институциональной координации и локализации экономических эффектов транзита.

Евразийская транспортная система развивается как совокупность конкурирующих и взаимодополняющих маршрутов, эффективность которых определяется стоимостью, скоростью, надежностью и количеством пограничных операций. Срединный коридор имеет сложную мультимодальную структуру: железнодорожные и автомобильные перевозки сочетаются с морским участком через Каспий, а на западном направлении возможны выходы через Турцию и Черное море. Такая схема создает дополнительные перегрузочные операции, но одновременно расширяет выбор маршрутов и снижает риски чрезмерной зависимости от одной транспортной оси.

В действующей конфигурации ключевое место на Южном Кавказе занимают Азербайджан и Грузия. Азербайджан принимает потоки с восточного берега Каспия и обеспечивает их продвижение на запад, тогда как Грузия предоставляет выход к Турции по железной дороге Баку–Тбилиси–Карс и к черноморской инфраструктуре. Поэтому эффективность маршрута зависит от согласованности национальных сегментов. Исследование Всемирного банка 2023 г. показывает, что основные резервы связаны не только с расширением портов и железных дорог, но и с синхронизацией перевозок, упрощением процедур и цифровизацией [2]. ЕБРР также подчеркивает значение «мягкой связанности»: гармонизации таможенных процедур, тарифов, пограничного контроля и электронного документооборота [3].

Армения пока не является основным звеном действующего Транскаспийского маршрута. Вместе с тем в перспективных сценариях она может стать дополнительным элементом региональной сети. Всемирный банк в исследовании 2026 г. рассматривает потенциальное расширение физических связей в Южном Кавказе в более долгосрочной перспективе. Поэтому необходимо различать уже функционирующую инфраструктуру и возможные

будущие соединения, реализация которых зависит от политико-правовых договоренностей, экономической целесообразности и устойчивого режима трансграничного взаимодействия.

Для Азербайджана развитие коридоров связано с диверсификацией экономической роли. Наряду с энергетической специализацией страна стремится укреплять функции каспийского логистического узла. Порт Алят, железнодорожная инфраструктура и связи с Грузией создают условия не только для транзита, но и для развития терминальных, складских, экспедиторских, цифровых и финансовых услуг. Геоэкономический эффект в данном случае возникает тогда, когда часть добавленной стоимости формируется внутри страны, а транспортная инфраструктура способствует расширению внешнеэкономических связей.

Грузия заинтересована в закреплении роли связующего звена между Каспийским и Черноморским бассейнами. Транспортная специализация позволяет привлекать инвестиции, развивать логистические услуги и увеличивать значение страны в региональных цепочках поставок. Исследования связывают возросшую международную субъектность Азербайджана и Грузии с инфраструктурной дипломатией, посредством которой географическая промежуточность преобразуется в политико-экономический ресурс [4]. При этом устойчивость грузинского сегмента непосредственно зависит от стабильности потоков через Азербайджан и от качества соединений с Турцией и черноморскими портами.

Для Армении основным интересом выступает расширение транспортной доступности и числа внешнеэкономических направлений. Дополнительные коммуникации потенциально способны снизить транспортные ограничения и повысить инвестиционную привлекательность. Однако транспортные проекты в Южном Кавказе тесно связаны с вопросами суверенитета, юрисдикции и пограничного контроля. Поэтому экономическая логика не может отделяться от правовых гарантий. Несмотря на различия национальных целей, у трех государств существует общий интерес в повышении предсказуемости региона для грузоотправителей и инвесторов. Это создает основу для функционального сотрудничества даже при сохранении политических разногласий.

Транспортная конфигурация Южного Кавказа формируется не только внутренними потребностями региона. Срединный коридор связывает интересы государств Центральной Азии, Турции, европейских рынков и Китая как

одного из крупнейших источников восточно-западных грузопотоков. Поэтому его развитие зависит от того, насколько национальные транспортные стратегии совместимы с более широкой евразийской сетью. Для внешних участников существенны надежность маршрута, предсказуемость сроков и наличие альтернативных направлений. Для государств Южного Кавказа внешнее внимание создает возможности для привлечения капитала и технологий, но одновременно повышает требования к качеству регулирования и инфраструктуры.

Турция имеет особое значение как западное продолжение сухопутных связей Южного Кавказа и как рынок, через который грузы могут двигаться дальше в европейском направлении. Европейские институты рассматривают развитие связности с Центральной Азией в контексте повышения устойчивости и диверсификации транспортных цепочек; исследование ЕБРР 2023 г. акцентирует необходимость сочетать инвестиции в инфраструктуру с реформами процедур и повышением совместимости транспортных систем. Китайский интерес в данном контексте рационально рассматривать, прежде всего, через призму доступности дополнительных маршрутов для торговли с западными рынками, а не как стремление к исключительному контролю над отдельным коридором. Такая постановка позволяет избежать упрощенного представления региона как пространства исключительно геополитического соперничества.

Россия также остается важной частью евразийской транспортной географии, тогда как развитие Транскаспийского направления расширяет набор доступных маршрутов. Поэтому корректнее говорить не о механическом вытеснении одного пути другим, а о формировании более многовариантной транспортной системы. Для государств Южного Кавказа практический интерес состоит в возможности использовать несколько направлений и тем самым снижать зависимость от единичных каналов перевозки. В этих условиях международные финансовые институты становятся отдельным фактором сотрудничества: они не только предоставляют финансирование, но и задают требования к прозрачности проектов, технико-экономическому обоснованию, экологической устойчивости и межгосударственной координации [5].

Первым механизмом является инфраструктурная сопряженность. Порт, железнодорожный участок или терминал не повышают эффективность всего маршрута, если соседние сегменты остаются перегруженными. Следовательно,

инвестиции должны планироваться с учетом сквозной транспортной цепочки. Работы АБР по Кавказу и Центральной Азии показывают, что эффект транспортных проектов усиливается при сочетании инфраструктурных вложений с торговой интеграцией и развитием логистических услуг. Для Южного Кавказа это означает согласование модернизации портовых, железнодорожных и автомобильных мощностей.

Второй механизм — координация операций и тарифов. Для грузоотправителя принципиальны общая стоимость и общее время доставки, а не характеристики отдельного национального участка. Несогласованные расписания, повторное оформление документов и непрозрачные тарифы снижают привлекательность маршрута. Поэтому необходимы сквозные тарифные решения, синхронизация железнодорожных и морских сервисов, а также регулярный обмен информацией между портовыми, железнодорожными и таможенными операторами.

Третий механизм связан с цифровизацией. Единая электронная среда позволяет сократить повторное оформление, отслеживать груз в реальном времени и уменьшать административные задержки. Всемирный банк относит создание цифровой системы коридора и единой точки ввода данных к ключевым условиям повышения эффективности. Для Южного Кавказа цифровая совместимость особенно важна, поскольку мультимодальность маршрута увеличивает число участников перевозки. В результате относительно недорогие институциональные и цифровые меры способны дать эффект, сопоставимый с отдельными капиталоемкими инфраструктурными проектами.

Четвертый механизм — постоянная координация на уровне всего коридора. Транспортная сеть пересекает несколько юрисдикций и включает государственные и частные компании, поэтому разрозненные решения создают дополнительные издержки. Необходима система совместного мониторинга времени доставки, загрузки портов, надежности сервисов и пограничных задержек. Речь не обязательно идет о наднациональном органе; более реалистичным является устойчивый формат обмена данными и согласования операционных решений между участвующими странами и компаниями.

В совокупности эти механизмы можно представить как трехуровневую модель. Базовый уровень образует физическая инфраструктура: железные дороги, автомобильные магистрали, порты и терминалы. Второй уровень составляют правила функционирования коридора: тарифы, таможенные

процедуры, цифровые документы и стандарты обмена данными. Третий уровень связан с распределением экономических эффектов и предполагает развитие логистических услуг, промышленных зон, складских комплексов и сервисных предприятий вдоль маршрута. Если модернизируется только первый уровень, коридор способен увеличить пропускную способность, но сохранит высокие административные издержки. Если реформы ограничиваются процедурами, эффект будет сдерживаться физическими узкими местами. Наиболее устойчивый результат возникает при синхронном развитии всех трех уровней. Именно такая логика позволяет связать транзитную функцию с более широкими задачами регионального развития и объясняет, почему транспортное сотрудничество может иметь значение для международных отношений даже без формирования формального интеграционного объединения.

Южный Кавказ приобретает более заметное место в евразийской транспортной системе вследствие развития Транскаспийского направления и диверсификации связей между Азией и Европой. При этом интересы государств региона неодинаковы: Азербайджан стремится укрепить роль каспийского логистического узла, Грузия — функцию западного транзитного звена, Армения — расширить транспортную доступность и возможные внешнеэкономические связи. Их частичное совпадение проявляется в заинтересованности в надежности, предсказуемости и коммерческой привлекательности региональной инфраструктуры.

Ключевым условием дальнейшего развития является переход от логики отдельных национальных проектов к логике сквозного коридора. Инфраструктурная сопряженность, согласование операций и тарифов, цифровизация и постоянный межоператорный диалог формируют взаимодополняющую систему. Поэтому геоэкономическая роль Южного Кавказа определяется не только положением между Каспийским и Черным морями, но и институциональной способностью государств превращать географию в устойчивую связанность. В таком формате транспортные коридоры могут выполнять двойную функцию: обеспечивать евразийский транзит и одновременно создавать практическую основу для регионального экономического сотрудничества.

Список литературы

1. Всемирный банк. Интеграция: транспортная логистика мирового уровня вдоль Транскаспийского транспортного коридора. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2026. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/world-class-trade-logistics-along-trans-caspian-transport-corridor> (дата обращения: 29.09.2026).
2. Всемирный банк. Средний торгово-транспортный коридор: меры политики и инвестиции для утсроения объёмов грузоперевозок и сокращения времени транспортировки вдвое к 2030 году. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/middle-trade-and-transport-corridor> (дата обращения: 29.09.2026).
3. Европейский банк реконструкции и развития. Устойчивые транспортные связи между Европой и Центральной Азией: итоговый отчёт. Лондон: ЕБРР, 2023. URL: <https://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/sustainable-transport-connections-between-europe-and-central-asia-pdf.pdf> (дата обращения: 29.09.2026).
4. Азгалиева Д., Могилевский Р., Акбар Р. (ред.). Раскрытие потенциала транспортной взаимосвязанности на Кавказе и в Центральной Азии. Токио: Институт Азиатского банка развития, 2024. 227 с. DOI: 10.56506/SLWV3183. URL: <https://www.adb.org/publications/unlocking-transport-connectivity-in-the-caucasus-and-central-asia> (дата обращения: 29.09.2026).
5. Фраппи К., Мафиззоли Л. Развитие инфраструктуры и региональная политика на Южном Кавказе. Азербайджан и Грузия между лиминальностью и обновлённой субъектностью // ASIAC – Исследования Центральной Азии и Кавказа. 2025. Специальный выпуск. С. 71–87. DOI: 10.36253/asiac-3581. URL: <https://riviste.fupress.net/index.php/asiac/article/view/3581> (дата обращения: 29.09.2026).

© Лю Юша

**НАУКОЕМКАЯ ПРОДУКЦИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
СУЩНОСТЬ, ИНФРАСТРУКТУРА, ИНСТРУМЕНТЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ**

Казначеева Юлия Владимировна

аспирант

УО «Белорусский государственный экономический университет»

Аннотация: в исследовании раскрыта сущность наукоемкой продукции, охарактеризована мировая и национальная инфраструктура ее сопровождения и специализированные инструменты реализации. Выделены мировые тенденции и особенности, а также ключевые факторы, способствующие и препятствующие реализации данной продукции в мировой экономике.

Ключевые слова: наукоемкая продукция, мировая экономика, инфраструктура, инструменты, реализация.

**KNOWLEDGE-INTENSIVE PRODUCTS IN THE WORLD ECONOMY:
ESSENCE, INFRASTRUCTURE, INSTRUMENTS, IMPLEMENTATION**

Kaznacheeva Yuliya Vladimirovna

Abstract: the study reveals the essence of knowledge-intensive products, characterizes the global and national infrastructure supporting them and specialized implementation tools. It identifies global trends and features, as well as key factors promoting and hindering the sale of these products in the world economy.

Key words: knowledge-intensive products, world economy, infrastructure, instruments, implementation.

В условиях технологического развития ключевым драйвером роста экономики выступает наукоемкий сектор. Понимание природы наукоемкой продукции, механизмов ее создания и реализации требует теоретического осмысления. В связи с этим возникает необходимость проведения комплексного анализа: от уточнения понятийного аппарата к оценке инфраструктурного обеспечения, специализированных инструментов реализации и современных тенденций мирового рынка.

Сущность наукоемкой продукции. Исследование понятийного аппарата показало, что наукоемкая продукция имеет ряд схожих признаков со смежными понятиями (инновационная и высокотехнологичная продукция): осуществление правовой охраны и проведение НИОК(Т)Р. Однако различия наблюдаются в принципиальной новизне продукта («инновационная»), обязательной принадлежности к технологическому укладу («высокотехнологичная»), временном аспекте устаревания («инновационная»).

В связи с этим под наукоемкой продукцией следует понимать не только количественное выражение затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и опытно-технологические работы (далее – НИОК(Т)Р), но и результат интеллектуальной деятельности (далее – РИД), который получен в процессе выполнения НИОК(Т)Р, в том числе посредством использования искусственного интеллекта (далее – ИИ), способный к материализации в виде продукта (товара или услуги) и получению правовой охраны, производимый как в высокотехнологичных, так и в традиционных секторах экономики, и классифицированный как высокотехнологичная и (или) инновационная продукция [1, с. 51]. Функциональная роль такой продукции – обеспечение технологического развития экономики через переход к инновационным укладам, удовлетворение запросов общества и рост конкурентоспособности на глобальном уровне.

С целью проведения дальнейшего анализа также представляется целесообразным разграничить наукоемкую продукцию от иных товаров по следующим критериям: степень технологичной интенсивности производства и уровень квалификации персонала. Так, к наукоемкой продукции следует относить: товары высокотехнологичных производств (с высокой или средней квалификацией персонала), товары среднетехнологичных производств (с высокой, средней или низкой квалификацией персонала), товары ресурсоемких производств (с высокой квалификацией персонала) [1, с. 51].

Мировая инфраструктура. Продвижение наукоемкой продукции невозможно без развернутой системы поддержки. Анализ показал, что мировой и национальные рынки характеризуются многоуровневой инфраструктурой. Так, на этапе обеспечения материальными, финансовыми и человеческими ресурсами поддержка оказывается глобальными инновационными фондами и международными организациями (мировой уровень), а также инвестиционными фондами (национальный уровень).

На этапе обеспечения охраны РИД сопровождение оказывается международными организациями в сфере поддержки бизнеса, стартапов и патентования, международными образовательными организациями (мировой уровень); национальными ведомствами интеллектуальной собственности (далее – ВИС) и разработчиками патентно-аналитических продуктов (национальный уровень).

На последующих этапах поддержка оказывается международными инновационными хабами и центрами трансфера технологий (мировой уровень); научно-технологическими парками, научно-исследовательскими центрами и кластерами, отраслевыми лабораториями (национальный уровень).

Важно отметить географическую диспропорцию. Указанные субъекты сосредоточены в развитых странах и странах Азиатского региона (например, Китай – 26 научно-исследовательских кластеров; Индия и Республика Корея – по 4 научно-исследовательских кластера) [2, с. 74].

Специализированные инструменты. Следует отметить, что деятельность указанных субъектов инфраструктуры сопровождается применением специализированных инструментов:

- международные и региональные программы (этап «Обеспечение материальными, финансовыми и человеческими ресурсами»);
- искусственный интеллект, интеграция которого стимулирует рост патентной активности и расширение технологического рынка [3]; обратный инжиниринг, стимулирующий производство национальных технологий-аналогов (этап «Проведение НИОК(Т)Р»);
- патентно-аналитические продукты, используемые при создании наукоемкой продукции, а также ее реализации за рубежом (этап «Обеспечение охраны созданных РИД»);
- экосистемные модели реализации наукоемкой продукции в мировой экономике (этап «Послепродажное обслуживание»).

Особое внимание следует уделить патентно-аналитическим инструментам (патентный ландшафт, R&D-антураж и др.), так как благодаря им можно выявить технологические тенденции в мировой экономике, исследовать деятельность конкурентов, определить степень монополизации мирового рынка. При этом ключевым инструментом выступает патентный ландшафт, так как он позволяет систематизировать большой объем информации и может быть использован на всех этапах создания и реализации наукоемкой продукции.

Кроме того, он помогает своевременно выявлять патентные стратегии конкурентов и выстраивать ответные стратегии защиты и минимизации рисков.

Реализация наукоемкой продукции. Практическое применение описанных инструментов и инфраструктурных механизмов находит отражение в статистических показателях (финансирование НИОК(Т)Р, занятость в средне- и высокотехнологичных отраслях (далее – занятость), цитирование научных публикаций, подача заявок на патентование и экспорт наукоемкой продукции), анализ которых позволил выделить лидеров мирового рынка (табл. 1).

Таблица 1

Страны-лидеры и страны-драйверы роста (2014-2024 гг.)

Показатель	Страны-лидеры	Страны с наибольшим ростом
Финансирование НИОК(Т)Р	Израиль, Республика Корея, Швеция, США, Япония	Бельгия, Исландия, Китай
Занятость	Китай, Индия, США	Вьетнам, Индия
Цитируемые научные публикации	Китай, США, Индия, Великобритания, Германия	Китай, Индия
Подача заявок на патентование	Китай, США, Япония, Республика Корея, Германия	Алжир, Уганда, Индия, Вьетнам, Саудовская Аравия
Экспорт наукоемкой продукции	Китай, Германия, США, Республика Корея, Япония	Армения, Кыргызстан, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Грузия, Таджикистан и Вьетнам

Согласно данным таблицы 1, развивающиеся страны активно включались в процесс патентования технологических решений и формирование новых технологических центров. Так, например, в Китае доля затрат на НИОК(Т)Р от ВВП увеличилась на 0,6 п.п.; количество работников наукоемких отраслей Вьетнама выросло на 72%; цитирование статей Индии увеличилось на 148%; в Алжире количество патентных заявок выросло на 1006% [3].

Сопоставление эмпирических данных позволило выявить тенденции, формирующие новую парадигму технологического развития в 2014–2024 гг.: рост региональных диспропорций в обеспечении правовой охраны объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС); возрастание монополизации мирового рынка наукоемкой продукции посредством патентования в малых юрисдикциях, в том числе с льготным налогообложением (в Антигуа и Барбуда, Кюрасао, Сенегале прирост действующих патентов – от 1900 до 2420% при доле нерезидентов среди заявителей свыше 90%) [3, 4].

Вместе с тем выявлены особенности реализации наукоемкой продукции: смещение разработки патентных ландшафтов с частного сектора на ВИС развивающихся стран (доля таких ведомств выросла с 13,24% в 2014–2016 гг. до 63,46% в 2020–2025 гг.); диспропорция между публикационной и патентной активностью в междисциплинарных исследованиях (рост числа научных статей на 98,89% не сопровождался ростом патентных заявок) [3, 4].

Выявленные проблемы и диспропорции обусловлены спецификой факторов, определяющих реализацию наукоемкой продукции в мировой экономике. Следует отметить, что данные факторы носят дуальный характер: различные преимущества для национальных компаний и их контрагентов становятся барьерами при высокой активности или аналогичной поддержке зарубежных конкурентов и их партнеров (табл. 2).

Таблица 2

Факторы реализации наукоемкой продукции в мировой экономике

Способствует	Препятствует
Обеспечение материальными, финансовыми и человеческими ресурсами Показатели: кадровый, инфраструктурный и финансовый потенциал НИОК(Т)Р	
Инфраструктура для осуществления НИОК(Т)Р и производства	Инфраструктура в стране конкурентов / их контрагентов
Проведение НИОК(Т)Р Показатели: затраты на НИОК(Т)Р, нормативное регулирование и патентно-публикационная активность	
Государственное и частное финансирование НИОК(Т)Р	Финансирование НИОК(Т)Р конкурентов / их контрагентов

*ЭКОНОМИКА И ПРАВО В РОССИИ И МИРЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ*

Продолжение таблицы 2

Наличие льгот и преференций на НИОК(Т)Р	Аналогичные преференции в странах конкурентов / их контрагентов
Проведение НИОК(Т)Р и публикация РИД	Схожие действия конкурентов / их контрагентов
Обеспечение охраны РИД, передача прав на ОИС / лицензирование Показатели: заявки, патенты, патентные семейства, нормативное регулирование	
Патентование / подача заявок на патентование ОИС в стране и за рубежом	Аналогичные действия конкурентов / их контрагентов
Освобождение / снижение патентных пошлин	Преференции в стране конкурентов / их контрагентов
Льготный налог на прибыль от лицензирования РИД	Льгота в стране конкурентов / их контрагентов
Подготовка производства и производство, использование продукции в собственных нуждах Показатели: экологические сертификаты, сертификаты качества, нормативное регулирование	
Сертификация продукции по международным стандартам и требованиям страны-импортера	Схожие действия конкурентов / их контрагентов
Субсидирование затрат на реализацию и внутреннее потребление продукции	Аналогичные преференции в странах конкурентов / их контрагентов
Выход наукоемкой продукции на рынок, в том числе зарубежный Показатели: экспорт / импорт, патентно-публикационная активность, нормативное регулирование	
Наращивание экспортных поставок	Аналогичные действия конкурентов / их контрагентов
Таможенные и налоговые льготы на импорт комплектующих	Тарифные и нетарифные барьеры на импорт наукоемкой продукции
Послепродажное обслуживание Показатели: нормативное регулирование	

Продолжение таблицы 2

Госсубсидирование зарубежного послепродажного обслуживания	Аналогичное госсубсидирование в стране конкурентов / их контрагентов
--	--

Таким образом, исследование позволило сформировать комплексное представление о сущности наукоемкой продукции, ее создании и зарубежной реализации, возможностях глобальной инфраструктуры и специализированных инструментов. Выявленные мировые тенденции и особенности позволили подчеркнуть непрерывность развития реализации данной продукции в международном масштабе, а обнаруженные проблемы послужили основой для выделения факторов, способствующих и препятствующих реализации наукоемкой продукции в мировой экономике.

Список литературы

1. Казначеева, Ю. В. Наукоемкая продукция: сущность, классификация, этапы создания и реализации / Ю. В. Казначеева // Актуальные вопросы науки и образования 2026 : Сборник статей X Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 10 июня 2026 года. Часть 2. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026. – С. 49–52.
2. Cluster ranking, 2024. // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-2024-gii-2024-clusters-top100-ranking.pdf> (дата обращения: 01.10.2026).
3. World Bank Open Data // World Bank Group. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 03.10.2026).
4. WIPO IP Statistics Data Center // WIPO. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/key-search/indicator> (дата обращения: 04.10.2026).

© Казначеева Ю.В., 2026

**СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК**

**СХОДСТВО ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ,
ЗАЯВЛЕННЫХ НА РЕГИСТРАЦИЮ В КАЧЕСТВЕ ТОВАРНЫХ
ЗНАКОВ С ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫМИ ТОВАРНЫМИ ЗНАКАМИ**

Михель Ольга Юрьевна

российский патентный поверенный,

магистрант

ФГБОУ ВО «Российская государственная академия

интеллектуальной собственности»

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен подход экспертизы к оценке сходства до степени смешения обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков с зарегистрированными товарными знаками. Также автор указывает на проблему субъективизма при проведении экспертизы и отсутствие единообразной практики.

Ключевые слова: товарный знак, сходство до степени смешения, экспертиза, критерии сходства.

**SIMILARITY TO THE DEGREE OF CONFUSION
OF DESIGNATIONS APPLIED FOR REGISTRATION
AS TRADEMARKS WITH REGISTERED TRADEMARKS**

Mikhel Olga Yuryevna

Abstract: this article examines the expert's approach to assessing the likelihood of confusion between designations applied for registration as trademarks and registered trademarks. The author also points out the problem of subjectivity in conducting the examination and the lack of a uniform practice.

Key words: trademark, likelihood of confusion, examination, criteria for similarity.

Товарный знак является средством индивидуализации товаров или услуг, который обеспечивает защиту прав как правообладателей – производителей товаров и услуг, так и потребителей. Однако процедура регистрации товарного

знака может носить вероятностный характер и ожидания заявителя могут не совпадать с фактическим результатом экспертизы заявленного обозначения. Это связано с тем, что оценка сходства до степени смешения не является механическим сравнением элементов обозначения и не имеет четких алгоритмов. Обозначение, которое заявитель считает оригинальным, может быть признано сходным до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком. Причиной этого является субъективный подход конкретного эксперта к оценке сходства, основанный на личном восприятии и профессиональном опыте.

Одним из основных требований при регистрации обозначений в качестве товарных знаков, направленное на предотвращение конфликта интересов правообладателей, является пункт 6 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее Кодекс). Согласно указанной статье, не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с:

1) товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию в отношении однородных товаров и имеющих более ранний приоритет, если заявка на государственную регистрацию товарного знака не отозвана, не признана отозванной или по ней не принято решение об отказе в государственной регистрации;

2) товарными знаками других лиц, охраняемыми в Российской Федерации, в том числе в соответствии с международным договором Российской Федерации, в отношении однородных товаров и имеющих более ранний приоритет;

3) товарными знаками других лиц, признанными в установленном настоящим Кодексом порядке общеизвестными в Российской Федерации товарными знаками, в отношении однородных товаров с даты более ранней, чем приоритет заявленного обозначения [1].

Вместе с тем, понятие «сходство до степени смешения» в законе не раскрыто. Методология оценки сходства (знаки сходны до степени смешения либо не до степени смешения?), фактически сохранившаяся до настоящего времени, была разработана в отечественной практике регистрации товарных знаков более 30 лет назад. Экспертам рекомендовалось устанавливать, какие именно компоненты двух сравниваемых обозначений сходны, какова роль того или иного сходного компонента в комбинированном обозначении [2].

Установление того, какие компоненты являются сходными, какова их роль в заявленном обозначении и, главное, достаточно ли этого сходства для вывода о вероятности смешения, остается вопросом на усмотрение эксперта. Закон не даёт ответа на ключевой вопрос: где проходит граница между сходством, достаточным для отказа в регистрации, и сходством, которое не препятствует охране? Ответ на него эксперт вынужден искать самостоятельно, опираясь на собственное профессиональное суждение.

В качестве примера рассмотрим заявку на регистрацию товарного знака № 2023789617 (рис. 1).

Рис. 1. Заявленное обозначение по заявке №2023789617

Правовая охрана по указанной заявке испрашивалась в отношении товаров 33 класса МКТУ. В результате экспертизы заявленного обозначения, было установлено, что заявленное обозначение сходно до степени смешения с товарными знаками "ВЕРШИНА VERSHINA" (рис. 2), "ВЕРШИНА" (рис. 3) (св-ва № 607334, 607333 - приоритет от 13.04.2016 г.).

ВЕРШИНА
VERSHINA

Рис. 2. Товарный знак № 607334

ВЕРШИНА

Рис. 3. Товарный знак № 607333

В связи с этим, по мнению экспертизы, заявленное обозначение не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака для заявленных товаров 33 класса МКТУ на основании п.6 ст. 1483 Кодекса.

Не согласившись с позицией экспертизы, заявитель подготовил ответ на уведомление, в рамках которого были представлены следующие доводы относительно сходства до степени смешения:

На регистрацию было заявлено комбинированное обозначение (рис. 1), выполненное в акцентном бело-сине-голубом цвете и включающее в себя словесные элементы «АЛТАЙСКАЯ ВЕРШИНА ПРЕМИУМ-КЛАССА СНЕЖНАЯ», где доминирующее положение занимает элемент «АЛТАЙСКАЯ». Заявленное обозначение представляет собой сложный графический объект, включающий в себя изображение природного ландшафта – гор, леса, парящую птицу и т.д. Также в состав заявленного обозначения включены такие графические элементы, как вензеля, ленты, уникальные узоры.

Согласно п. 41 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания. Коллективных знаков (далее – Правила), обозначение является сходным до степени смешения с другим обозначением (товарным знаком), если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия.

Согласно п. 42 Правил, словесные обозначения сравниваются со словесными обозначениями и с комбинированными обозначениями, в композиции которых входят словесные элементы. Сходство словесных обозначений оценивается по звуковым (фонетическим), графическим (визуальным) и смысловым (семантическим) признакам, а именно:

1) звуковое сходство определяется на основании следующих признаков: наличие близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях; близость звуков, составляющих обозначения; расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; наличие совпадающих слогов и их расположение; число слогов в обозначениях; место совпадающих

звукосочетаний в составе обозначений; близость состава гласных; близость состава согласных; характер совпадающих частей обозначений; вхождение одного обозначения в другое; ударение;

2) графическое сходство определяется на основании следующих признаков: общее зрительное впечатление; вид шрифта; графическое написание с учетом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные); расположение букв по отношению друг к другу; алфавит, буквами которого написано слово; цвет или цветовое сочетание;

3) смысловое сходство определяется на основании следующих признаков: подобие заложенных в обозначениях понятий, идей (в частности, совпадение значения обозначений в разных языках); совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение; противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей.

Признаки, указанные в настоящем пункте, учитываются как каждый в отдельности, так и в различных сочетаниях.

Противопоставленные товарные знаки №607334 (рис. 2) и №607333 (рис. 3) представляют собой словесные элементы, в первом случае включающий в себя транслитерацию слова «ВЕРШИНА»- «VERSHINA», во втором случае - выполненное в уникальном шрифтовом исполнении.

Рассмотрев и сравнив противопоставленные товарные знаки и заявленное обозначение, можно сделать следующие выводы:

Сравнивая указанные обозначения по признакам фонетического сходства, очевидно, что обозначения имеют существенные различия и произносятся по-разному: «АЛТАЙСКАЯ ВЕРШИНА СНЕЖНАЯ» и «ВЕРШИНА» соответственно. Сравниваемые обозначения имеют различное количество букв, звуков и слогов.

Таким образом, сравниваемые обозначения не являются сходными фонетически.

Если сравнивать указанные обозначения по признакам графического сходства, можно сделать вывод, что обозначения совершенно разные: товарные знаки № 607334 (рис. 2) и № 607333 (рис. 3) являются словесными обозначениями и не имеют никаких графических элементов. В то время как заявленное обозначение является комбинированным, имеет в составе уникальные изобразительные элементы, которые привлекают внимание

потребителя. Элемент «АЛТАЙСКАЯ ВЕРШИНА СНЕЖНАЯ» выполнен в три строчки в яркой графической манере, доминирующее положение занимает элемент «АЛТАЙСКАЯ».

Таким образом, сравниваемые обозначения не являются сходными графически.

Сравнивая указанные обозначения по признакам смыслового сходства, можно сделать вывод, что обозначения не совпадают по смыслу: обозначение «ВЕРШИНА» (товарные знаки № 607334, № 607333) может иметь множество значений:

- 1) вершина – это самый верх, верхняя часть (горы, дерева и т. п.);
- 2) на вершине славы – в переносном смысле;
- 3) вершина угла – в геометрии: точка пересечения двух лучей, образующих угол. То есть указанное обозначение расплывчатое, не имеющее конкретики, - какая именно вершина имеется в виду, вершина чего и т.д.

В то время как фантазийное обозначение «АЛТАЙСКАЯ ВЕРШИНА СНЕЖНАЯ», подкрепленное графическим элементом в виде гор, имеет совершенно понятную семантику – речь идет о вершинах Алтайских гор.

Исходя из вышеуказанного, заявителем был сделан вывод об отсутствии сходства до степени смешения заявленного обозначения с противопоставленными товарными знаками.

Рассмотрев повторно материалы заявки и изложенные заявителем доводы в пользу регистрации заявленного обозначения (рис.1) в качестве товарного знака, экспертиза вынесла решение об отказе в государственной регистрации указанного заявленного обозначения, не согласившись с изложенными доводами.

Этот пример иллюстрирует «расплывчатость» понятия «сходства до степени смешения», отсутствие четких критериев по оценке такого сходства и невозможности на сегодняшний момент применения унифицированного подхода к экспертизе обозначений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025).
2. Алексеева О.Л., Карабанова М.Г. Предупреждение смешения товарных знаков в России и за рубежом: результаты сравнительных исследований. Вестник ФИПС. 2023;2(2):12-21.

3. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» (ред. от 20.09.2024).

4. Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов».

© Михель О.Ю., 2026

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дроздова Ангелина Владимировна
студент 2 курса

Научный руководитель: **Кулажников Вадим Владимирович**
к.ю.н., доцент

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена анализу действующего законодательства о судебной власти и статусе судей, приводятся мнения ученых, занимающихся рассмотрением данного вопроса, также статья представляет актуальную информацию для анализа и сравнения различных аспектов правового регулирования трудовой деятельности судей.

Ключевые слова: судьи, государственно-правовое положение судей, статус судей, законодательство о статусе судей, правовое регулирование, трудовая деятельность судей, трудовые отношения, трудовой договор.

PROBLEMS OF REGULATING THE LABOR ACTIVITY OF JUDGES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Drozдова Angelina Vladimirovna
Scientific adviser: **Kulazhnikov Vadim Vladimirovich**

Abstract: the article is devoted to the analysis of the current legislation on judicial power and the status of judges, the opinions of scientists involved in the consideration of this issue are given, and the article also provides relevant information for the analysis and comparison of various aspects of the legal regulation of the work of judges.

Key words: judges, state-legal status of judges, status of judges, legislation on the status of judges, legal regulation, labor activity of judges, labor relations, employment contract.

В России на сегодняшний день существует проблема в сфере регулирования трудовой деятельности судей. Накопилось множество вопросов, возникающих на практике, на которые нынешнее законодательство не может дать конструктивный ответ.

Судьи в Российской Федерации представляют судебную власть, которая осуществляется согласно п. 2 ст. 118 Конституции РФ посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства [1].

Правовое положение судей, а также основные особенности их трудовой деятельности закреплены в Конституции РФ в отличие от других субъектов трудового права. Среди таких особенностей выделяют несменяемость и независимость, гарантию материального обеспечения и дисциплинарную ответственность, но особенно подчеркивают порядок назначения судьи на должность.

Обратясь к трудовому законодательству, можно заметить, что в трудовом праве нет четкого ответа на вопрос о том, являются ли судьи специальными субъектами трудового права. Но проведя анализ, можно сделать вывод, что судьи являются субъектами конституционного права, потому как их правовой статус закреплён в Конституции РФ (гл. 7), а также субъектами административного права, так как в регулировании их деятельности присутствуют нормы административного права. В подтверждение этому уже существует ряд особенностей, отличающих эти отношения от традиционных трудовых отношений. Среди таких особенностей выделяют отсутствие права на забастовку, ограничение на занятие другой оплачиваемой деятельностью, а также особый порядок увольнения, стоит отметить, что проблемы, связанные с правовым статусом судей, такие как обжалование дисциплинарных взысканий, рассматриваются специальными органами – квалификационными коллегиями судей, что в свою очередь не является частью процедуры разрешения трудовых споров.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что правовое положение судей в Российской Федерации имеет свою специфику, которая отличает его от обычных трудовых отношений.

Судьи не являются участниками обычных трудовых отношений, как работники по трудовому договору. Их правовой статус определяется Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации

«О статусе судей в Российской Федерации» (Далее – Закон О статусе судей) и другими федеральными законами.

Руководствуясь статей 128 Конституции РФ и статьей 6 Закона О статусе судей, где четко говорится о порядке назначения на должность судей, а также наделения их полномочиями, можно увидеть, что трудовые отношения у судей возникают только в результате сложного фактического состава, элементом которого выступает акт назначения на должность [3]. Важно отметить, что в основе этого сложного юридического состава, не лежит трудовой договор, как соглашение о реализации определённой трудовой функции на должности судьи.

В данной процедуре и появляются первые вопросы, вызванные отсутствием трудового договора.

В Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ, Законе О статусе судей вопрос о заключении трудового договора судьями является правовой коллизией.

Согласно ст. 22 Закона О статусе судей, на судей распространяются нормы ТК РФ в той части, которая не урегулирована нормами данного нормативно-правового акта.

В статье 56 ТК РФ четко дается понятие трудового договора, из которого становится ясно, что трудовой договор – это соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя [2].

Таким образом, можно прийти к выводу, что трудовая деятельность не может осуществляться без соглашения между работодателем и работником. Возвращаясь к Закону О статусе судей, мы видим, что определения работодателя и работника, а также заключения трудового договора там нет, что уже может говорить о том, что трудовая деятельность судей осуществляться не может.

Для начала стоит выяснить, осуществляют ли вообще судьи Российской Федерации трудовую деятельность. Для этого обратимся к Приказу Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680, где дается конкретное понятие трудовой деятельности. В соответствии с положениями пункта 6 Резолюции I, трудовая деятельность означает любую деятельность, осуществляемую лицами любого пола и возраста в целях производства товаров или оказания услуг для пользования другими лицами или для собственного использования [4].

Следовательно, судьи Российской Федерации все-таки осуществляют трудовую деятельность, подтверждением чего также может послужить "Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза" (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ), где указывается, что под "трудовой деятельностью" следует понимать деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемой на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства (пункт 3 консультативного заключения от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) [5].

Поскольку судьи все же осуществляют трудовую деятельность, это говорит о том, что она должна быть формально закреплена, а именно трудовым договором.

В ТК РФ подробно дается содержание трудового договора – статья 57, срок трудового договора – статья 58. Для заключения судьями Российской Федерации с одной стороны нет препятствий, а с другой их множество.

Одним из таких препятствий является отсутствие работодателя. По идеи мы можем считать работодателем государство, однако для заключения трудового договора необходимо конкретное лицо, которое является юридическим лицом или физическим лицом в лице индивидуального предпринимателя, а также физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, вступившие в трудовые отношения с работником в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства. Если рассуждать на эту тему, то можно задаться вопросом, а кто бы мог выступать работодателем в этих трудовых отношениях.

Несмотря на сложность процедуры назначения, например, судей Верховного Суда Российской Федерации назначает Совет Федерации Федерального Собрания РФ после представления Президента РФ, а он опирается при этом на представление Председателя Верховного Суда РФ. Касаясь судей других федеральных судов (кассационных, апелляционных, арбитражных округов, специализированных арбитражных судов, других федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов), то их назначает Президент РФ, но он делает это по представлению Председателя Верховного Суда РФ. При этом Председатель направляет своё представление Президенту не позднее чем через 30 дней после того, как сам получил представление от председателя конкретного суда. Судьи военных судов тоже назначаются Президентом РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ, но с выполнением важного условия: предоставлением положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

Следует отметить одну особенность, а именно то, что ни один кандидат не может быть назначен на должность без положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии судей. Именно коллегия проводит конкурсный отбор, организуя приём заявлений, проводя экзамен, оценивая профессиональные качества и выдавая соответствующую рекомендацию. И все перечисленные ранее действия Высшей квалификационной коллегии судей в рамках проведения конкурсного отбора кандидатов отражают в себе признаки процедуры отбора работодателем кандидатов на должность, например, они открыто объявляют о вакансии, собирают заявки от всех желающих, кто соответствует базовым требованиям, а затем сравнивают претендентов между собой и выбирают лучшего.

По мнению Ю.О. Луховской, особенности статуса работодателя обусловлены спецификой правового положения судей, которые одновременно являются носителями публично-правового и трудо-правового статусов, а также характером их трудовой деятельности.

Публично-правовой аспект статуса работника и выполняемой им работы отражается и на правовом положении работодателя.

В трудовых отношениях с участием судей работодатель, с одной стороны, представлен несколькими лицами, а с другой – ограничен в свободе действий и волеизъявления (в свободе локального усмотрения работодателя) специальным законодательным регулированием профессиональной деятельности судей.

Иными словами, специальное федеральное законодательство, регулирующее профессиональную деятельность судей, ограничивает свободу работодателя в определении ряда условий трудовых отношений с участием судьи. Эти условия, содержание которых работодатели в трудовых отношениях с другими категориями работников могут определять самостоятельно, в полной мере реализуя свою субординационную хозяйскую власть [6, с. 46].

Одной из проблем регулирования трудовой деятельности судей РФ является то, что согласно ст. 22 Закона О статусе судей, на судей распространяются нормы ТК РФ в той части, которая не урегулирована нормами данного нормативно-правового акта. Но на практике в отношении судей не все нормы ТК реализуются.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что в нынешнем Российском законодательстве, относительно регулирования трудовой деятельности судей, существует правовой пробел, который требует восполнения. А именно внесение поправок в действующий Закон О статусе судей, в котором необходимо конкретизировать положение судей и их статус в трудовом праве, а также закрепить обязательное заключение трудового договора с указанием работодателя, то есть лица, с которым трудовой договор будет заключен.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : официальный текст [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года] // СПС «Консультант Плюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СПС «Консультант Плюс»
3. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 09.04.2026) // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ Росстата от 31 декабря 2015 г. № 680 «Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-ой Международной конференцией статистиков труда» // СПС «Консультант Плюс».

5. Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // СПС «Консультант Плюс».

6. Луховская, Ю. О. Фигура работодателя как трудовправовой элемент профессиональной деятельности судьи / Ю. О. Луховская // Российский судья. – 2024. – № 7. – С. 44-50. – DOI 10.18572/1812-3791-2024-7-44-50. – EDN IQPUSP.

© Дроздова А.В.

ПОСМЕРТНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАНИНА

Можнова Кристина Дмитриевна

студент

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Аннотация: в статье рассматривается посмертный правовой режим цифровых данных гражданина. Анализируется коллизия между имущественными цифровыми активами, которые могут наследоваться, и личными неимущественными данными, охраняемыми Конституцией РФ и Федеральным законом № 152-ФЗ. Исследуется зарубежная и российская судебная практика, предлагаются варианты правового компромисса: цифровое завещание, судебная фильтрация и анонимизация, обязанности операторов платформ. Обосновывается необходимость дополнения гражданского законодательства.

Ключевые слова: цифровое наследие, цифровые активы, цифровая идентичность, посмертный правовой режим, наследование цифровых данных, персональные данные, цифровое завещание.

POSTHUMOUS LEGAL REGIME OF DIGITAL DATA OF A CITIZEN

Mozhnova Kristina Dmitrievna

Abstract: the article examines the posthumous legal regime of a citizen's digital data. It analyzes the conflict between inheritable digital assets and personal non-property data protected by the Constitution of the Russian Federation and Federal Law № 152-FZ. Foreign and Russian judicial practice is studied, and options for legal compromise are proposed: digital wills, judicial filtering and anonymization, and platform operator duties. The need to amend civil legislation is substantiated.

Key words: digital heritage, digital assets, digital identity, posthumous legal regime, inheritance of digital data, personal data, digital will.

В настоящей работе, как и в международном праве, термин «цифровое наследие» (digital heritage) традиционно обозначает культурные, исторические, научные и образовательные ресурсы, переведенные в цифровой формат для долгосрочного хранения и широкого доступа. Это новый вид наследия, объединяющий ресурсы, относящиеся к области культуры, образования, науки и иного характера, существующие в цифровой форме. Однако далее будет подробно рассмотрено понятие «цифровое наследство».

Под цифровым наследством понимается совокупность имущественных и личных неимущественных цифровых данных, связанных с умершим гражданином и способных переходить к наследникам либо требующих определения их посмертного правового режима. Цифровое наследство делится на имущественные права (электронные денежные средства, криптовалюта, виртуальная собственность в видеоиграх, произведения, доступ к которым возможен только через определенный сервис, электронные документы коммерческой значимости) и личные неимущественные права, связанные с личностью (переписка лица, заметки для личного пользования). Доступ осуществляется одновременно через аккаунт-учетную запись пользователя на онлайн-платформе.

Правовой конфликт возникает между различными правовыми режимами: экономическим интересом наследников на имущественные права и личными неимущественными активами, которые не подлежат наследованию в соответствии с ГК РФ [1]. С правовой точки зрения коллизия раскрывается в защите персональных данных, переписок лица, заметок для личного пользования после смерти пользователя статьей 23 Конституции РФ [2], Федеральным законом от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» [3]. Если говорить о технической составляющей, необходимо заметить, что доступ к имущественным и неимущественным правам осуществляется одновременно посредством входа в аккаунт пользователя.

Актуальным вопросом является правовая необходимость соблюдения защиты личных данных умершего пользователя.

Одним из резонансных дел по поводу защиты персональных данных умершего было дело родителей против Facebook *(на данный момент запрещен на территории Российской Федерации)* в Германии [4]. Дело дошло до Федерального верховного суда Германии, который в 2018 году обязал Facebook *(на данный момент запрещен на территории Российской Федерации)*

предоставить родителям доступ к аккаунту и всей переписке. Суд приравнял аккаунт и сообщения к личным дневникам и письмам, которые по немецкому праву входят в наследство и переходят наследникам, указав, что защита персональных данных в этом контексте распространяется только на живых лиц.

В Российской Федерации судебная практика только начинает свое формирование в данной области права и является более “осторожной”. Рассмотрим дело Федеральной таможенной службы против Яндекс [5]. Подразделение ФТС обратилось в компанию с просьбой предоставить личную переписку, содержащую «электронные сообщения пользователя, включая приложения, отправленные и полученные посредством использования электронного почтового ящика. ЯндексПочта отказала в данном требовании. Суд судебным актом подтвердил правовую обоснованность данного отказа, ссылаясь на Конституцию РФ и ФЗ № 152. Необходимо дополнительно отметить, что данный пример – это иллюстрация российского подхода к конституционной охране тайны электронной переписки, который не является примером посмертного наследования.

Нами проанализированы и раскрыты возможные варианты правового компромисса в сложившейся ситуации.

Во-первых, предлагается введение института цифрового завещания через закрепление в гражданском законодательстве (в том числе механизма фильтрации приватного контента, предложенного Манько О.В. [6]). Нотариальное распоряжение посмертной судьбой аккаунтов позволит наследодателю заранее определить, как должны быть переданы доступы к имущественным активам, удалены личные сообщения или архивирован контент, обеспечивая реализацию его воли в цифровом пространстве.

Во-вторых, целесообразно закрепить судебный механизм фильтрации и анонимизации цифровых активов: наследники получают ограниченный доступ к имущественным компонентам (криптовалюта, средства на счетах, цифровые права), при этом переписка, личные сообщения и персональные данные третьих лиц обрабатываются по судебному ордеру с учетом конфиденциальности и согласия корреспондентов или их анонимизации. В научной литературе иницируется идея дополнений к ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ для регулирования посмертной обработки данных с опорой на ст. 55 ГПК РФ [7] и подчеркивается значение признания блокчейн-записей презюмируемыми доказательствами в судебных процессах.

В-третьих, целесообразно возложить на операторов платформ обязательства по посмертному управлению цифровым имуществом: в пользовательских соглашениях должны быть закреплены прозрачные процедуры посмертного доступа и перехода активов, предусмотрено создание трастов или других механизмов для хранения приватных ключей, а также обязанность операторов уведомлять о смерти владельца аккаунта и передавать наследникам метаданные, необходимые для установления и реализации их прав.

Отдельного внимания требует цифровая идентичность умершего. Она включает не только данные, но и репутационные, коммуникационные связи. После смерти аккаунт может быть переведен в мемориальный статус, архивирован или удален. Это должно определяться волей наследодателя. Если воля не выражена, платформа вправе перевести аккаунт в мемориальный режим, закрыв доступ к переписке, но сохранив публичный контент. Такой подход уже применяется некоторыми платформами (например, Facebook *(на данный момент запрещен на территории Российской Федерации)*) и может быть закреплён законодательно.

Наконец, необходимо международное сотрудничество, поскольку цифровые платформы трансграничны. Различия в законодательстве о персональных данных и наследовании создают конфликты. Гармонизация подходов, хотя бы на уровне рекомендаций, позволит избежать форум-шопинга и обеспечит защиту прав граждан. Россия может инициировать разработку международной конвенции о посмертном режиме цифровых данных в рамках СНГ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» : (ред. от 06.02.2023) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Суд признал право родственников на наследование аккаунта в Facebook // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/766354/video/sud-priznal-pravo-rodstvennikov-na-nasledovanie-akkauta-v-facebook> (дата обращения: 02.04.2026) (*Facebook на данный момент запрещен на территории Российской Федерации*).

5. «Яндекс» отстоял в суде тайну переписки пользователя // Вести. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1581105> (дата обращения: 22.03.2026).

6. Манько О.В., Пискорская Е.В. Цифровое наследство / Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 133-139 // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasledstvo-1/viewer> (дата обращения: 20.03.2026).

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

© Можнова К.Д., 2026

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ И ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Блинков Кирилл Олегович

студент юридического факультета

Научный руководитель: **Бадалянтц Элеонора Юрьевна**

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВО МО «Государственный

социально-гуманитарный университет»

Аннотация: в настоящей работе рассматриваются особенности действия уголовного закона во времени, соотношение общего правила, закрепленного в статье 9 Уголовного кодекса Российской Федерации, и института обратной силы уголовного закона, установленного статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются критерии более благоприятного уголовного закона и порядок его применения с учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон, действие закона во времени, обратная сила, уголовная ответственность, декриминализация, смягчение наказания.

TEMPORAL APPLICATION AND RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW

Blinkov Kirill Olegovich

Scientific adviser: **Badalyants Eleonora Yuryevna**

Abstract: this paper examines the temporal application of criminal law and the relationship between the general rule enshrined in Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation and the doctrine of the retroactive effect of criminal law established by Article 10 of the Criminal Code. It analyzes the criteria for determining a more favorable criminal law and the procedure for its application, taking into account the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: criminal law, temporal application of law, retroactive effect, criminal liability, decriminalization, mitigation of punishment.

Действие уголовного закона во времени представляет собой одно из ключевых условий законности уголовной ответственности, поскольку определяет, какая редакция уголовно-правовой нормы должна применяться к конкретному деянию [5]. Значение данного института обусловлено необходимостью сочетания стабильности уголовно-правового запрета с возможностью законодательного изменения оценки общественно опасного поведения. Базовое правило закреплено в статье 9 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время его совершения. Одновременно статья 10 УК РФ устанавливает исключение из общего правила, признавая обратную силу за законом, который устраняет преступность деяния, смягчает наказание либо иным образом улучшает положение лица [3, 4]. Следовательно, действие уголовного закона во времени строится на презумпции применения закона, действовавшего в момент совершения деяния [2], и на конституционно обусловленном исключении для более благоприятного закона.

Часть 1 статьи 9 УК РФ связывает уголовно-правовую оценку с законом, действовавшим во время совершения преступления. Такое решение обеспечивает правовую определенность: лицо должно отвечать по тем правилам, которые существовали в момент его поведения [1]. При этом часть 2 статьи 9 УК РФ специально определяет время совершения преступления как время совершения общественно опасного действия или бездействия независимо от времени наступления последствий. Поэтому изменение уголовного закона между совершением действия и наступлением результата само по себе не изменяет закон, подлежащий применению. Такой подход имеет особое значение для преступлений с материальным составом, при которых последствия могут возникнуть позднее поведения виновного.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 10 уточняет значение указанного правила. Суду необходимо установить конкретный день совершения деяния, поскольку именно с ним сопоставляется редакция уголовного закона. Для приготовления и покушения временем совершения признается день выполнения соответствующих действий

или бездействия, направленных на создание условий для преступления либо непосредственное его совершение, если преступление не доведено до конца по независящим обстоятельствам. Тем самым временная характеристика уголовного закона должна устанавливаться применительно к фактической стадии реализации умысла.

Обратная сила является специальным правилом, позволяющим распространить новый уголовный закон на деяния, совершенные до его вступления в силу. В соответствии с частью 1 статьи 10 УК РФ такой закон применяется к лицам, совершившим соответствующие деяния ранее, включая отбывающих наказание и лиц, отбывших наказание, но имеющих судимость. В то же время закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Данные положения развивают конституционный принцип, согласно которому устранение или смягчение ответственности влечет необходимость применения более благоприятного закона.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 систематизирует критерии более благоприятного закона. Устранение преступности может выражаться в декриминализации, повышении возраста уголовной ответственности, изменении бланкетных нормативных актов либо увеличении пороговых значений ущерба, дохода и вреда, при достижении которых наступает уголовная ответственность. Смягчение наказания возможно не только при уменьшении пределов санкции статьи Особенной части, но и при изменении норм Общей части, регулирующих категорию преступления, рецидив, смягчающие и отягчающие обстоятельства, правила назначения наказания, совокупность преступлений и приговоров, зачет наказания или условное осуждение. Иным улучшением положения признаются, в частности, сокращение сроков давности и погашения судимости [2], исключение квалифицирующего признака, увеличение пороговых значений конструктивных признаков состава и введение новых оснований освобождения от уголовной ответственности или наказания.

Обратная сила не сводится к механическому применению новой редакции уголовного закона. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, необходимо установить, касается ли изменение конкретного лица и в чем именно выражается улучшение его положения. Показателен случай, когда новый закон смягчает альтернативный вид наказания, который осужденному не

назначался: само по себе такое изменение не улучшает его положение и потому не подлежит применению к нему. Если же законодательный акт одновременно содержит положения, смягчающие и ухудшающие положение лица, преступление квалифицируется по закону, действовавшему во время его совершения, а благоприятные изменения наказания и иных правовых последствий применяются в соответствующей части. Такой подход препятствует выборочному конструированию более удобной для правоприменения редакции и обеспечивает реализацию именно тех преимуществ, которые предоставлены новым законом [6].

Особое значение имеет часть 2 статьи 10 УК РФ. Если новый закон смягчает наказание, отбываемое лицом, оно подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20.04.2006 № 4-П указал, что данные пределы определяются совокупностью норм Общей и Особенной частей УК РФ. Следовательно, при приведении приговора в соответствие с новым законом учитываются не только измененные пределы санкции, но и более мягкие общие правила назначения наказания. Эта позиция исключает ограничительное толкование, при котором ранее назначенное наказание могло уменьшаться только до нового верхнего предела санкции.

Проблема обратной силы имеет не только материально-правовой, но и процессуальный аспект. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 15.10.2018 № 36-П, рассматривая ситуацию декриминализации, отметил необходимость учета положения обвиняемого при прекращении уголовного дела. Само прекращение в связи с устранением преступности деяния не свидетельствует о незаконности ранее осуществлявшегося уголовного преследования и не влечет возникновения права на реабилитацию. Вместе с тем суд обязан выяснить позицию обвиняемого, когда прекращение по соответствующему основанию допускается только с его согласия, и обеспечить ему возможность возражать против прекращения дела. Если лицо возражает, разбирательство продолжается с применением нового закона.

Пленум Верховного Российской Федерации в постановлении № 10 дополнительно определяет пределы процессуального применения статьи 10 УК РФ. Закон, имеющий обратную силу, подлежит учету судом первой инстанции, судами апелляционной и кассационной инстанций, а также при разрешении

вопросов исполнения приговора. Если новый закон устраняет преступность деяния после вступления приговора в силу, осужденный освобождается от дальнейшего отбывания наказания и считается несудимым за соответствующее деяние. По общему правилу пересмотр на основании статьи 10 возможен до погашения или снятия судимости, однако исключения допускаются, когда прежний приговор сохраняет юридическое значение для установления рецидива. Решая вопрос о смягчении наказания, суд исходит из обстоятельств, установленных вступившим в силу приговором, и не переоценивает правильность первоначальной квалификации.

Таким образом, действие уголовного закона во времени основано на последовательном разграничении двух начал. Первое выражено в статье 9 УК РФ и предполагает применение закона, действовавшего во время совершения общественно опасного действия или бездействия. Второе закреплено в статье 10 УК РФ и обеспечивает обратную силу более благоприятного уголовного закона. Современная судебная практика исходит из необходимости применять не только формально более мягкую санкцию, но и весь комплекс изменений Общей и Особенной частей УК РФ, действительно улучшающих положение конкретного лица. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 4-П от 20.04.2006 и № 36-П от 15.10.2018, а также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 24.06.2025 обеспечивают единообразное толкование данных положений. В результате институт обратной силы выступает гарантией законности, гуманизма и правовой определенности [6], позволяя своевременно учитывать изменение государственной оценки общественной опасности деяния и исключать применение к лицу уголовно-правовых последствий, от которых законодатель отказался либо существенно их смягчил.

Список литературы

1. Бадалянц Э.Ю. Амнистия и помилование как проявление гуманизма в истории отечественного уголовного законодательства // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции, Рязань, 16 ноября 2021 года. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Концепция"», 2022. – С. 7-9.

2. Бадалянц Э.Ю. Становление и развитие института освобождения от уголовной ответственности // Проблемы уголовной ответственности и наказания: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова, Рязань, 19 мая 2023 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 11-14.

3. Бараташвили Л.Н. Некоторые вопросы выявления сущности обратной силы уголовного закона // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 3 (36). – С. 48-51.

4. Калинин С.В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности // Журнал российского права. – 2008. – № 1 (133). – С. 70-75.

5. Кауфман М.А. Проблемы действия уголовного закона во времени // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 66-69.

6. Огнева Н.И. К вопросу об охранительной функции современного государства // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – 2017. – № 1 (25). – С. 77-81.

© Блинков К.О., 2025

ПУБЛИЧНОСТЬ В Ч. 2 СТ. 205.2 УК РФ

Черноскутова Злата Игоревна

студент

Научный руководитель: **Гордеев Роман Николаевич**

к.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Аннотация: в статье рассматривается признак публичности как обязательный элемент состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. Анализируется соотношение публичности с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). На основе законодательства и судебной практики рассматриваются особенности определения публичного характера действий при их квалификации по исследуемой статье.

Ключевые слова: публичность, терроризм, террористическая деятельность, публичные призывы, публичное оправдание терроризма, средства массовой информации, сеть «Интернет».

**PUBLICITY IN PART 2 OF ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Chernoskutova Zlata Igorevna

Scientific adviser: **Gordeev Roman Nikolaevich**

Abstract: The article considers the sign of publicity as an obligatory element of the corpus delicti provided for in Part 2 of Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The correlation of publicity with the use of mass media and information and telecommunication networks (including the Internet) is analyzed. Based on legislation and judicial practice, the article examines the specifics of establishing the public nature of an act when it is qualified under the article under consideration.

Key words: Publicity, terrorism, terrorist activities, public calls, public justification of terrorism, mass media, the Internet.

Признак публичности является конститутивным (обязательным) признаком состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 205.2 УК РФ. Это означает, что запрещенные указанной статьей деяния (оправдание терроризма и призывы к осуществлению террористической деятельности) должны осуществляться публично. При этом публичность трактуется как доведение информации до определенного или неопределенного круга лиц (два и более лица).

При квалифицированном составе (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), те же преступные деяния совершаются с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", и признак публичности обретает иной характер.

В Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 "О средствах массовой информации" понятие средств массовой информации (далее — СМИ) представлено через перечисление форм распространения, в которых СМИ может быть выражено. Таковыми могут быть: теле- и радиоканалы, сетевые издания (сайты в сети «Интернет»), периодические печатные издания (газеты, журналы и др.), различные теле-, радио-, видео- и кинохроникальные программы, а также иные формы СМИ при условии периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [1].

Квалификация преступных деяний, совершенных с использованием интернет-ресурсов, зависит от наличия у сайта статуса СМИ. В случае, если сайт официально зарегистрирован как сетевое издание, содеянное квалифицируется как использование СМИ. Если же такая регистрация отсутствует, деяние рассматривается как использование сети "Интернет" в общем порядке [2, с. 43].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" определяет информационно-телекоммуникационную сеть (далее — ИТС) как предназначенную для передачи информации по линиям связи технологическую систему, осуществление доступа к которой производится с использованием средств вычислительной техники [3].

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей приравниваются друг к другу, одним из видов таких сетей признается сеть «Интернет». Также Пленумом отмечено, что использование ИТС квалифицируется как признак преступления

на любой его стадии, если сеть применялась для выполнения объективной стороны деяния или подготовки условий для его совершения [4].

Таким образом, для установления квалифицирующего признака состава ч. 2 ст. 205.2 УК РФ необходимо осуществить действия, входящие в объективную сторону данного состава, а именно: совершение призывов к осуществлению террористической деятельности; выражение оправдания терроризма; осуществление пропаганды терроризма, — или иные умышленные действия, создающие условия для реализации преступления, через СМИ или ИТС.

Значительная доля перечисленных выше деяний совершается в Интернет-пространстве — в комментариях, публикациях в социальных сетях и мессенджерах, на сайтах. Распространение информации в Интернете априори воспринимается обществом как публичное, учитывая широкую доступность для пользования неограниченным кругом лиц и масштабы его повседневного использования [2, с. 43].

Тем не менее, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал на необходимость учета конкретных обстоятельств дела (места, способа, обстановки и др.) для разрешения вопроса публичности призывов или оправдания терроризма [5]. Соответственно, и в случае использования ИТС и СМИ при совершении данных преступных действий, публичность должна быть напрямую установлена судом.

Так, например, 2-й Восточный окружной военный суд при оценке опубликованных подсудимым Р. текстов с публичными призывами к террористической деятельности, публичным оправданием, а также пропагандой терроризма, отметил доступность публикаций для публичного просмотра и копирования неограниченным кругом лиц.

В другом деле того же суда при описании объективной стороны преступления, которое было совершено подсудимым в социальной сети «ВКонтакте» сети «Интернет», судья указывает, что подсудимым было размещено открытое пользователям указанной социальной сети для всеобщего просмотра письменное обращение к неопределенному кругу лиц, что говорит о публичном характере распространения [6].

Вывод о публичном характере деятельности СМИ можно сделать исходя из законодательного определения, в соответствии с которым к массовой информации относятся сообщения и материалы в печатной, аудио-,

аудиовизуальной или иных формах, предназначенные для неограниченного круга лиц [1]. Соответственно, совершение призывов или оправдания терроризма через СМИ будет содержать признак публичности, так как по своей сути будет направлено на донесение сообщений широкой массе аудитории СМИ (неопределенному кругу лиц) через общедоступные формы получения массовой информации [7, с. 89].

Таким образом, в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ необходимая для квалификации преступления публичность противоправных деяний раскрывается во взаимосвязи со способами их совершения – через СМИ или ИТС.

Список литературы

1. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. 1992. № 32. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

2. Сабитов Т. Р. Об использовании терминов «средства массовой информации» и «Интернет» при формулировании признаков составов преступления // Российское право: образование, практика, наука. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-terminov-sredstva-massovoy-informatsii-i-internet-pri-formulirovanii-priznakov-sostavov-prestupleniy> (дата обращения: 04.10.2026).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. 2006. № 165. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет": Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. 2022. № 294. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума ВС РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Российская газета. 2012. № 35. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

6. Приговор 2-го Восточного окружного военного суда от 17 апреля 2024 по делу № 1-28/2024. URL: https://2vovs--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1377941&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 04.10.2026)

7. Кунашев, А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81-89.

© Черноскутова З.И., 2026

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ
ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Валеев Инсаф Ильгизарович

магистрант

Научный руководитель: **Фатхуллин Рустем Рамазанович**

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой

уголовного процесса и криминалистики

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Аннотация: в статье исследуются основные направления совершенствования российского уголовного законодательства в условиях ускоренного развития цифровых и иных высоких технологий. Анализируются современная структура главы 28 УК РФ, новеллы об ответственности за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные, использование телекоммуникационной инфраструктуры в преступных целях и изменения регулирования критической информационной инфраструктуры. Обосновывается приоритет технологически нейтрального законодательного подхода, уточнения оценочных признаков, согласования конкурирующих составов и адресной дифференциации ответственности за применение искусственного интеллекта и синтетического контента.

Ключевые слова: высокие технологии, киберпреступность, компьютерная информация, уголовная ответственность, персональные данные, искусственный интеллект, дипфейк, критическая информационная инфраструктура.

**DIRECTIONS FOR IMPROVING CRIMINAL
LEGISLATION ON HIGH-TECH CRIMES**

Valeev Insaf Ilgizarovich

Scientific adviser: **Fatkhullin Rustem Ramazanovich**

Abstract: the article examines the main directions for improving Russian criminal legislation in the context of the rapid development of digital and other high technologies. It analyses the current structure of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, recent offences concerning illegal trafficking in computer information containing personal data, criminal use of telecommunications infrastructure, and changes in the protection of critical information infrastructure. The article argues for technology-neutral legislative drafting, clarification of evaluative elements, coordination of competing offences, and targeted differentiation of liability for the use of artificial intelligence and synthetic content.

Key words: high technologies, cybercrime, computer information, criminal liability, personal data, artificial intelligence, deepfake, critical information infrastructure.

Развитие высоких технологий изменяет не только способы совершения преступлений, но и структуру уголовно-правовых рисков. Цифровые платформы, облачные сервисы, автоматизированные системы и технологии искусственного интеллекта позволяют совершать противоправные действия дистанционно, масштабировать их и быстро менять технические средства. При этом количественная динамика зарегистрированной преступности сама по себе не подтверждает достаточность уголовного закона. По данным МВД России, в первом полугодии 2026 г. число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, снизилось на 31,9% по сравнению с аналогичным периодом 2025 г., а преступлений в сфере компьютерной информации – на 41,5% [1]. Поэтому совершенствование законодательства должно выражаться не в механическом ужесточении санкций, а в повышении определенности и системности уголовно-правовых запретов.

Категория «преступления в сфере высоких технологий» прямо в УК РФ не закреплена. В настоящей статье она используется как аналитическое понятие, охватывающее собственно преступления в сфере компьютерной информации и иные деяния, при которых цифровая технология приобретает самостоятельное значение в механизме посягательства. Использование сети «Интернет», смартфона либо программного обеспечения не превращает автоматически любое преступление в компьютерное: квалификация должна определяться объектом охраны и признаками конкретного состава. Нормативные положения анализируются по состоянию на 30 сентября 2026 г.

[2]. А.А. Комаров связывает современную трансформацию компьютерной преступности с расширением объекта и предмета посягательств и сближением собственно компьютерных преступлений с общеуголовной преступностью, использующей цифровую среду [3, с. 58–63].

По состоянию на указанную дату глава 28 УК РФ включает статьи 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2, 274.3, 274.4, 274.5 и 274.6 [2]. За сравнительно короткое время она превратилась из компактного блока норм о безопасности компьютерной информации в более широкую систему запретов, охватывающих персональные данные, критическую информационную инфраструктуру, специальные средства пропуска трафика, оборот абонентских номеров и сведений для авторизации, а также отдельные нарушения в сфере подвижной радиотелефонной связи. Такое расширение отражает реальные криминальные практики, но одновременно создает риск фрагментации закона, когда новая статья появляется вслед за очередной технической схемой, а используемая терминология быстро устаревает.

Первым направлением совершенствования является повышение определенности понятийного аппарата. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 раскрывает понятия компьютерной информации, неправомерного доступа, уничтожения, блокирования, модификации и копирования данных, а также разъясняет применение статьи 273 УК РФ [4]. Однако для уголовного закона предпочтительно, чтобы наиболее устойчивые и многократно используемые признаки закреплялись непосредственно в Кодексе либо в примечаниях к главе 28. В литературе справедливо отмечают трудности квалификации, связанные с понятийным аппаратом и разграничением способов воздействия на информацию [5, с. 27-29]. Поэтому законодательная техника должна ориентироваться, прежде всего, на функцию и общественно опасный результат, а не на конкретное поколение устройства или программного продукта.

Представляется целесообразным сформировать в примечаниях к главе 28 УК РФ компактный набор общих критериев неправомерности доступа, несанкционированного воздействия и тяжких последствий. Последние в высокотехнологичной сфере не должны сводиться исключительно к денежному ущербу. Значение имеют продолжительность остановки системы, масштаб недоступности социально важных услуг, количество затронутых пользователей, утрата контроля над технологическим процессом, угроза жизни и здоровью,

нарушение устойчивости критического объекта и иные сопоставимые последствия. Такая конструкция позволит сохранить технологическую нейтральность закона и одновременно уменьшит чрезмерное усмотрение при квалификации.

Особого внимания требует статья 272.1 УК РФ, введенная Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ [6]. Она установила ответственность за незаконные операции с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, и за создание либо обеспечение функционирования ресурсов для ее незаконного хранения или распространения. Одновременно статья 137 УК РФ была скорректирована, чтобы исключить случаи, предусмотренные статьей 272.1 [6]. Вместе с тем формула «иным незаконным путем», используемая при описании происхождения данных, обладает высокой степенью обобщения. В.М. Пискайкина и А.Г. Монетов указывают на необходимость согласования новой нормы с действующими механизмами защиты частной жизни и персональных данных [7, с. 132-136].

Для повышения правовой определенности предлагается уточнить, что «иной незаконный путь» в статье 272.1 означает получение компьютерной информации в нарушение установленного федеральным законом запрета или обязательного режима доступа при осознании лицом отсутствия законного основания. Одно лишь нарушение внутреннего или договорного правила без посягательства на охраняемый законом режим информации не должно автоматически образовывать преступление. Одновременно в постановлении Пленума № 37 следует разъяснить конкуренцию статей 272, 272.1 и 137 УК РФ. Дополнительная квалификация должна применяться только тогда, когда каждый состав отражает самостоятельный уголовно-правовой вред и содержит признаки, не поглощаемые специальной нормой.

Второе направление связано со статьей 273 УК РФ. Значительное число инструментов информационной безопасности имеет двойное назначение: программы удаленного администрирования, средства тестирования на проникновение и автоматизированные скрипты могут применяться как законно, так и для атаки. Статья 273 связывает ответственность с заведомой предназначенностью программы либо иной компьютерной информации для несанкционированного воздействия [2], что дополнительно раскрыто Пленумом Верховного Суда [4]. Целесообразно нормативно подчеркнуть, что создание и применение инструмента в рамках разрешенного владельцем системы

тестирования, научного исследования, обучения либо защиты информации само по себе не образует состава при отсутствии преступной цели и иных обязательных признаков. Это позволит отделить техническую возможность от доказанного вредоносного назначения.

Третье направление обусловлено расширением главы 28 в 2025-2026 гг. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ дополнил часть первую статьи 63 УК РФ пунктом «ф» об использовании определенных программно-аппаратных средств доступа к ограниченным ресурсам и одновременно ввел статьи 274.3-274.5 [8]. Они предусматривают ответственность за незаконное использование специальных средств пропуска трафика, а также организацию и участие в деятельности по передаче абонентских номеров и сведений для регистрации или авторизации при предусмотренных законом условиях. Н.Ю. Скрипченко, исследуя уголовно-правовое значение использования информационно-телекоммуникационных сетей, обоснованно предостерегает от расширения репрессивных признаков без достаточного криминологического основания и указывает на необходимость унифицированного подхода [9, с. 196-214].

В 2026 г. этот процесс продолжился: Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ введена статья 274.6 УК РФ, использующая конструкцию административной преюдиции применительно к определенным нарушениям при заключении договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи с иностранным гражданином или лицом без гражданства [10]. Появление статей 274.3–274.6 показывает необходимость концептуальной ревизии главы 28. Перед включением новой нормы следует устанавливать, имеется ли самостоятельный объект и общественно опасный вред, не охватывается ли поведение действующим составом и сохранит ли формулировка актуальность после смены технологии. Систематическое место статьи должно определяться характером охраняемого отношения, а не только использованием цифрового или телекоммуникационного оборудования.

Отсюда следует общий принцип технологической нейтральности. В диспозиции предпочтительно описывать запрещенный результат и юридически значимую функцию средства, а не конкретное название технологии. Исключение оправдано, когда особая технология создает качественно новый риск и без ее точного обозначения невозможно отграничить преступное поведение. При этом любое специальное понятие должно либо

определяться в Кодексе, либо иметь устойчивое содержание в отраслевом законодательстве. Такой подход уменьшает необходимость постоянного добавления новых составов только из-за появления иной архитектуры сети, устройства или способа автоматизации.

Четвертое направление — выработка сбалансированного подхода к искусственному интеллекту. Р.И. Дремлюга отмечает способность систем ИИ повышать эффективность и масштаб преступной деятельности, рассматривая их, прежде всего, как средство совершения преступления [11, с. 153-165]. Представляется преждевременным признавать искусственный интеллект самостоятельным субъектом уголовной ответственности: юридически значимыми остаются действия и психическое отношение физического лица, которое формулирует задачу, запускает систему, использует результат либо сознательно допускает противоправное последствие. Чем автономнее алгоритм, тем важнее доказывать осознание его свойств, поставленную цель и отношение пользователя к возможному результату, а не презюмировать умысел из самого факта применения технологии.

Особым проявлением данной проблемы является синтетический аудиовизуальный контент. М.А. Ефремова и Е.А. Русскевич отмечают, что deepfake может использоваться в механизме различных преступлений, но сама технология имеет многочисленные правомерные применения [12, с. 97-105]. Поэтому создание универсального состава «незаконного использования искусственного интеллекта» было бы чрезмерно неопределенным. В литературе высказывалось также предложение учитывать использование цифровых технологий как обстоятельство, отягчающее наказание [13, с. 182-189]. Однако всеобщая формула представляется слишком широкой: электронная переписка или обычная цифровая камера далеко не всегда повышают общественную опасность деяния.

Более обоснованной является адресная модель. Применение искусственного интеллекта либо синтетического контента следует учитывать как квалифицирующий признак только в тех составах, где доказано существенное повышение опасности — например, за счет массового обмана, убедительной подмены личности, голоса или события. При необходимости закон может использовать технологически нейтральную формулу «искусственно созданное или существенно измененное цифровое содержание, предназначенное для введения лица в заблуждение относительно личности,

волеизъявления или реального события». При этом основная квалификация должна по-прежнему определяться объектом посягательства: собственностью, частной жизнью, безопасностью компьютерной информации и т. д., а не самим фактом применения генеративной модели.

Пятое направление касается критической информационной инфраструктуры. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ устанавливает специальный режим ее безопасности, включая категорирование объектов и обязанности субъектов [14]. Статья 274.1 УК РФ охраняет соответствующие отношения уголовно-правовыми средствами [2]. Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 76-ФЗ изменил эту статью и ввел примечание об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего деяние, предусмотренное частью третьей, если оно активно способствует раскрытию и расследованию, включая принятие мер по сохранению следов неправомерного воздействия, и в его действиях нет иного состава [15]. Такая новелла показывает ценность стимулирующих механизмов наряду с наказанием.

Дальнейшее совершенствование статьи 274.1 целесообразно связать с конкретизацией «тяжких последствий». Для критической инфраструктуры они могут выражаться не только в имущественном ущербе, но и в длительном прекращении работы значимого объекта, нарушении предоставления медицинских, транспортных, энергетических или финансовых услуг, угрозе жизни и здоровью людей, утрате управления технологическим процессом либо каскадном воздействии на взаимосвязанные системы. Законодательно закрепленные ориентиры позволят различать действительно системный вред и локальный технический инцидент, не создавая закрытого перечня, который быстро потеряет актуальность.

Шестым направлением должно стать обновление постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37. Оно принято в 2022 г., то есть до появления статьи 272.1, статей 274.3-274.6 и до изменений статьи 274.1 в 2026 г. [4]. В новой редакции целесообразно разъяснить соотношение специальных составов с неправомерным доступом, преступлениями против частной жизни и мошенничеством; признаки организации и участия в деятельности, предусмотренной статьями 274.4 и 274.5; применение административной преюдиции; значение цели совершения «иного преступления» в статье 274.3. Отдельно необходимо обновить правила квалификации по совокупности, чтобы один и тот же вред или способ не учитывался дважды.

Седьмое направление - согласование санкций и осторожное использование административной преюдиции. Быстрое принятие специальных норм создает риск различий в наказании, обусловленных временем появления статьи, а не реальной опасностью поведения. При ревизии главы 28 следует сопоставить санкции по критериям формы вины, цели, организованности, корыстной заинтересованности, масштаба, характера атакуемой системы и последствий. В статьях 274.2 и 274.6 уголовная ответственность связана с предшествующими административными нарушениями [2]. Такая модель допустима лишь при ясной идентичности юридически значимых признаков, понятном исчислении повторности и наличии общественной опасности, сопоставимой с преступлением; уголовная ответственность не должна становиться автоматическим следствием формального нарушения сложного технического требования.

Восьмое направление — обеспечение межотраслевой согласованности. Многие нормы главы 28 имеют бланкетный характер и опираются на законодательство об информации, персональных данных, связи и критической информационной инфраструктуре. Изменение отраслевых правил способно фактически расширить или сузить уголовную ответственность без изменения текста УК РФ. Поэтому в уголовной норме необходимо максимально точно обозначать вид обязательного требования, нарушение которого приобретает уголовно-правовое значение, а сами технические правила должны быть официально доступны и достаточно стабильны. Иначе принцип правовой определенности ослабляется именно там, где содержание обязанностей зависит от сложной и быстро меняющейся технической регламентации.

Не менее важно совершенствовать статистический учет. Категория преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, существенно шире преступлений главы 28 УК РФ, поэтому динамика одного показателя не отражает состояние всей высокотехнологичной преступности [1]. Целесообразно отдельно учитывать собственно компьютерные преступления, общеуголовные деяния с цифровым способом совершения, инфраструктурные составы и посяательства на критическую информационную инфраструктуру. Такой подход позволит оценивать, какие законодательные изменения реально воздействуют на криминальную практику, а какие лишь перераспределяют квалификацию между статьями.

В целом дальнейшая криминализация в сфере высоких технологий должна проходить своеобразный тест необходимости: существует ли самостоятельный уголовно значимый вред; может ли он быть охвачен действующей нормой; достаточно ли уточнения квалифицирующего признака или судебного разьяснения; не дублирует ли новая статья административную ответственность; сохранит ли ее формулировка значение при технологической смене. Уголовное право должно оставаться последним средством защиты, поскольку чрезмерно широкие запреты способны создавать неопределенность для разработчиков, исследователей информационной безопасности, операторов связи и иных участников правомерной деятельности. Одновременно специальная криминализация оправдана там, где цифровая инфраструктура создает самостоятельный массовый или системный риск.

Таким образом, совершенствование уголовного законодательства о преступлениях в сфере высоких технологий должно строиться не на количественном наращивании запретов, а на их определенности, системности и технологической устойчивости. Предлагается: закрепить общие понятия для главы 28 УК РФ; уточнить критерий «иного незаконного пути» в статье 272.1 и ее конкуренцию со статьями 137 и 272; нормативно отграничить вредоносные программы от правомерных инструментов информационной безопасности; учитывать искусственный интеллект и синтетический контент адресно, без создания универсального состава; конкретизировать критерии тяжких последствий для информационных систем и критической инфраструктуры; актуализировать постановление Пленума № 37 с учетом статей 272.1 и 274.2-274.6; провести системную ревизию структуры и санкций главы 28. Такой подход позволяет реагировать на новые способы посягательств, не криминализируя саму технологию и сохраняя принципы законности, вины, справедливости и правовой определенности.

Список литературы

1. Статистические сведения о состоянии преступности в январе – июне 2026 года // МВД МЕДИА. — 20.07.2026. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda/> (дата обращения: 30.09.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.09.2026).

3. Комаров А. А. Историческая изменчивость компьютерной преступности: процесс расширения объекта и предмета преступных посягательств и её структура // Полицейская деятельность. — 2025. — № 2. — С. 58–73. — DOI: 10.7256/2454-0692.2025.2.73704.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 30.09.2026).

5. Кузнецова А. С., Николаев Д. О., Латыпов Д. А. Преступления в информационной сфере: анализ, проблемы квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 1-3 (76). — С. 26–29. — DOI: 10.24412/2500-1000-2023-1-3-26-29.

6. Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491931/ (дата обращения: 30.09.2026).

7. Пискайкина В. М., Монетов А. Г. Проблема защиты персональных данных в эпоху цифровизации // Russian Studies in Law and Politics. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 124–140. — DOI: 10.12731/2576-9634-2025-9-2-238.

8. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511071/ (дата обращения: 30.09.2026).

9. Скрипченко Н. Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2024. — Т. 28, № 1. — С. 196–214. — DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-196-214.

10. Федеральный закон от 26.07.2026 № 251-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540328/ (дата обращения: 30.09.2026).

11. Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2021. — № 3. — С. 153–165. — DOI: 10.24866/1813-3274/2021-3/153-165.

12. Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15, № 2 (56). — С. 97–105. — DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13.

13. Грешнова Н. А., Ситник В. Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 5 (148). — С. 182–189. — DOI: 10.24412/2227-7315-2022-5-182-189.

14. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 30.09.2026).

15. Федеральный закон от 09.04.2026 № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

© Валеев И.И., 2026

**СЕКЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВНЕДРЕНИЮ ЗАКОНА 33-ФЗ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Поличка Нина Петровна

д.п.н., к.ф.-м.н., научный руководитель

НП «Дальневосточный научный центр местного самоуправления»

Поличка Максим Анатольевич

к.ю.н., директор

НП «Дальневосточный центр инноваций социальной сферы»

Аннотация: Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" поставил перед органами государственной власти субъекта Российской Федерации задачу о построении новой системы местного самоуправления в субъекте Российской Федерации. В основе её должны лежать полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые определены в статье 32 данного закона. Однако методологию построения новой системы местного самоуправления в Российской Федерации ни закон, ни федеральные органы исполнительной власти так и не определили. В результате каждый регион изобретает её самостоятельно «методом проб и ошибок» и перенос даты вступления в силу статьи закона 32 проблему решить не может. В данной работе предлагается подход к построению новой системы местного самоуправления в Российской Федерации, а также приводится пример его применения для одного полномочия первой задачи.

Ключевые слова: система местного самоуправления в субъекте Российской Федерации, полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в системе местного самоуправления.

**CURRENT PROBLEMS OF STATE AUTHORITIES OF FEDERAL
SUBJECT TERRITORIES IN IMPLEMENTING LAW No. 33-FZ
AND WAYS TO SOLVE THEM**

**Polichka Nina Petrovna
Polichka Maxim Anatolyevich**

Abstract: Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025, “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority,” has set the task for the state authorities of a constituent entity of the Russian Federation to build a new system of local self-government in that entity. It should be based on the powers of local self-government bodies to resolve issues directly related to ensuring the population’s vital needs, as defined in Article 32 of this law. However, neither the law nor the federal executive authorities have defined the methodology for building a new system of local self-government in the Russian Federation. As a result, each region invents it independently "by trial and error," and postponing the effective date of Article 32 of the law cannot solve the problem. This paper proposes an approach to building a new system of local self-government in the Russian Federation, and also provides an example of its application for one of the first tasks.

Key words: the system of local self-government in the subject of the Russian Federation, the powers of state authorities of the subject of the Russian Federation in the system of local self-government.

Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" (далее – закон 33-ФЗ) поставил перед органами государственной власти субъекта Российской Федерации (далее - РФ) задачу о построении новой системы местного самоуправления (далее - МСУ) в субъекте РФ, в основе которой должны лежать полномочия органов МСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые определены в частях 1-3 статьи 32 закона 33-ФЗ (см. Таблица 1).

Таблица 1

1. К полномочиям органов МСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащим перераспределению между органами МСУ и органами государственной власти субъекта РФ, относятся:	2. К полномочиям органов МСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые могут быть перераспределены законом субъекта РФ для осуществления органами государственной власти субъекта РФ, относятся:	3. В целях обеспечения жизнедеятельности населения законом субъекта РФ может быть принято решение об осуществлении органами МСУ следующих полномочий:
18 полномочий	29 полномочий	18 полномочий

Представляется, что построение новой системы МСУ в субъекте РФ должно осуществляться в следующем порядке

Задача 1. Определить в каждом городском округе и муниципальном районе полномочия органов МСУ, которые будут исполнять

- органы государственной власти субъекта РФ;
- органы местного самоуправления.

Задача 2. Разработать технологии реализации новых полномочий органов МСУ, установленных в статье 32 закона 33-ФЗ, которых ранее в законе 131-ФЗ [1] у органов МСУ не было.

Задача 3. Проанализировать полномочия органов МСУ, которые останутся на муниципальном уровне после выполнения задач 1 и 2, на предмет целесообразности, эффективности и удобства для граждан их исполнения органами МСУ сельских (городских) поселений и (или) органами МСУ муниципальных районов.

Задача 4. В зависимости от итогов выполнения задачи 3, решать вопрос о выборе одноуровневой или двухуровневой системы МСУ в конкретном муниципальном районе.

К сожалению, приходится констатировать, что в ряде регионов страны внедрение закона 33-ФЗ начинается задом наперёд, то есть с задачи 4. При этом вопрос о выборе решения даже не стоит, поскольку оно уже заранее, без каких либо обсуждений и доказательств целесообразности, принято кем-то в региональных органах государственной власти в пользу одноуровневой системы МСУ. И для реализации данного решения «все средства хороши»,

в том числе весьма сомнительные и даже противозаконные. Вместе с тем порядок внедрения закона 33-ФЗ имеет принципиальное значение для развития и даже существования местного самоуправления в России.

Что же касается выполнения задач 1 и 2, то по информации из многих регионов страны, они даже не поставлены в повестку дня, поскольку органы государственной власти регионов не знают, как их решать.

В данной статье рассматриваются подходы к решению задачи 1.

Задача 1. Определить полномочия органов МСУ, которые будут исполнять органы государственной власти субъекта РФ в каждом городском округе и муниципальном районе

Особого внимания органов государственной власти субъектов РФ при решении данной задачи требуют 18 полномочий, которые перечислены в части 3 статьи 32, для реализации которых в частях 7, 9 и 13 установлены следующие нормы

7. Полномочия, предусмотренные частью 3 настоящей статьи, являются перераспределенными для осуществления органами государственной власти субъекта РФ в силу настоящего Федерального закона. Полномочия, предусмотренные частью 3 настоящей статьи, могут быть перераспределены законом субъекта РФ для осуществления органами местного самоуправления.

9. Указанные законы субъекта РФ могут быть приняты в отношении всех муниципальных образований либо отдельных муниципальных образований, расположенных на территории соответствующего субъекта РФ. Законы субъекта РФ, предусматривающие перераспределение полномочий, вступают в силу с начала очередного финансового года, при этом указанные законы субъекта РФ должны быть приняты не позднее чем за два месяца до его начала. Указанные законы субъекта РФ могут быть приняты в отношении всех муниципальных образований либо отдельных муниципальных образований, расположенных на территории соответствующего субъекта РФ, и устанавливать объем перераспределяемых указанным законом субъекта РФ полномочий (в том числе перечень отдельных составляющих полномочия в случае, если полномочие перераспределяется не в полном объеме).

13. Предусмотренные частью 3 настоящей статьи полномочия, не перераспределенные законом субъекта РФ для осуществления органами местного самоуправления, осуществляются органами государственной власти

субъекта РФ. Финансовое обеспечение осуществления полномочий, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, не перераспределенных законом субъекта РФ для осуществления органами местного самоуправления, осуществляется за счет средств бюджета субъекта РФ без перераспределения доходов между бюджетом субъекта РФ и местным бюджетом.

Таким образом, если субъект РФ до 1 ноября 2028 года не примет решения о передаче органам МСУ полномочий, перечисленных в части 3, то с 1 января 2028 г. субъект РФ должен сам реализовывать эти 18 полномочий за собственные средства. И для этого ему придётся, как минимум, выполнить следующие действия

1) разработать

- технологии реализации полномочий;
- кадровое, финансовое, информационное, ... обеспечение, необходимое

для реализации данных полномочий;

2) принять соответствующие законы субъекта федерации;

3) создать новые или расширить полномочия действующих структурных подразделений для реализации новых полномочий.

Как показывают исследования, это весьма непростые задачи, которые требуют экспертной проработки, а также существенных изменений в бюджетном процессе субъекта Федерации.

Не менее проблемной является и часть 2 статьи 32 закона 33-ФЗ, где полномочия органов МСУ могут быть перераспределены законом субъекта РФ для осуществления органами государственной власти субъекта РФ. В этом случае также потребуется выполнение перечисленных выше видов деятельности, но ещё и аргументы, которые доказывают необходимость и целесообразность такого перераспределения. Покажем это на примере полномочия

27) оказание поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, осуществляемой на территории муниципального образования, принятие программ, организация и проведение мероприятий муниципального образования, направленных на популяризацию науки»

Вопросы научной, научно-технической и инновационной деятельности в России регулируются Федеральным законом от 23.08.1996 N 127-ФЗ "О науке и государственной научно-технической политике» (далее – закон 127-ФЗ).

Однако данный закон не содержит статьи о полномочиях органов МСУ. Поэтому, если оставить данное полномочие для осуществления органам МСУ, то им необходимо будет самим изобретать технологию его реализации «с нуля». Кроме того, отсутствие в законе 127-ФЗ полномочий для органов МСУ означает, что в федеральном законодательстве сформировалась правовая коллизия между законами 33-ФЗ и 127-ФЗ.

Вместе с тем в части 3 статьи 12 закона 127-ФЗ определены следующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ

право принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ об осуществлении деятельности указанных органов в научной и (или) научно-технической сферах;

право создания государственных научных организаций субъектов РФ, реорганизация и ликвидация указанных организаций, осуществление функций и полномочий учредителя указанных организаций;

принятие и реализация научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов РФ;

право осуществлять финансовое обеспечение проведения научных исследований и (или) экспериментальных разработок в федеральных государственных научных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, реализации программ или планов развития федеральных государственных научных организаций, а также участвовать в формировании инфраструктуры указанных научных организаций.

Заметим также, что и федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – закон 414-ФЗ) в статье 44 установил следующие полномочия органов государственной власти субъекта РФ

101) организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов, в том числе научными организациями субъекта РФ;

102) организации проведения экспертиз научных и научно-технических программ и проектов, финансируемых за счет средств бюджета субъекта РФ.

Это позволяет построить следующую таблицу полномочий.

Таблица 2

Полномочия органов государственной власти субъекта РФ		Полномочиям МСУ по решению вопросов непосредственности обеспечения жизнедеятельности населения, которые могут быть перераспределены законом субъекта РФ для осуществления органами государственной власти субъекта РФ
закон 127-ФЗ статьи 12 часть 3 абзац 3 принятие и реализация научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов РФ	закон 414-ФЗ статья 44 часть 1 абзац 101) организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов , в том числе научными организациями субъекта РФ	закон 33-ФЗ статья 32 часть 2 абзац 27) оказание поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности , осуществляемой на территории муниципального образования, принятие программ, организация и проведение мероприятий муниципального образования, направленных на популяризацию науки

Сравнительный анализ данных полномочий (таблица 2) может служить основанием (аргументом) для принятия решения о перераспределении законом субъекта РФ полномочия органов МСУ, которое установлено в законе 33-ФЗ статья 32 часть 2 абзац 27) для осуществления органами государственной власти субъекта РФ. Представляется, что исполнение органами государственной власти субъекта РФ данного полномочия органов МСУ, может являться частью научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ "О науке и государственной научно-технической политике».
3. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

© Поличка Н.П., Поличка М.А.

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКУПОЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИТАРНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ В СФЕРЕ ГАЗОСНАБЖЕНИЯ**

Еркина Нина Алексеевна

магистрант

Севастопольский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового регулирования закупочной деятельности государственных унитарных предприятий, осуществляющих деятельность в сфере газоснабжения. Анализируются нормы Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ применительно к унитарным предприятиям. Выявлены основные проблемы реализации закупок, связанные с применением норм о естественных монополиях, определением начальной (максимальной) цены контракта и обеспечением конкуренции.

Ключевые слова: государственное унитарное предприятие, закупочная деятельность, газоснабжение, контрактная система, 44-ФЗ, 223-ФЗ, естественные монополии, правовое регулирование.

**LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF PROCUREMENT
ACTIVITIES OF STATE UNITARY ENTERPRISES
IN THE FIELD OF GAS SUPPLY**

Erkina Nina Alekseevna

Abstract: the article examines the features of legal regulation of procurement activities of state unitary enterprises operating in the field of gas supply. The norms of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 and Federal Law No. 223-FZ of 18.07.2011 are analyzed in relation to unitary enterprises. The main problems of procurement implementation related to the application of norms on natural monopolies, determination of the initial (maximum) contract price and ensuring competition are identified.

Key words: state unitary enterprise, procurement activities, gas supply, contract system, 44-FZ, 223-FZ, natural monopolies, legal regulation.

Газоснабжение является стратегически важной отраслью экономики Российской Федерации, обеспечивающей энергетическую безопасность государства и удовлетворение потребностей населения и промышленных потребителей. Правовое регулирование отношений в данной сфере осуществляется на основании Федерального закона от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» [1]. Государственные унитарные предприятия (далее – ГУП), осуществляющие деятельность в области газоснабжения, играют значительную роль в обеспечении бесперебойного функционирования систем газораспределения на региональном уровне.

Закупочная деятельность таких предприятий представляет собой комплекс правоотношений, направленных на приобретение товаров, работ и услуг, необходимых для осуществления уставной деятельности. Особенности правового статуса ГУП обуславливают специфику применения к ним законодательства о закупках. Согласно части 2.1 статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) государственные и муниципальные унитарные предприятия осуществляют закупки в соответствии с требованиями указанного закона, за исключением случаев, предусмотренных законом [2].

Вместе с тем часть 2 статьи 1 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) допускает возможность осуществления закупок ГУП в соответствии с положением о закупке, размещённым в единой информационной системе, при соблюдении установленных условий [3]. Данная двойственность правового регулирования порождает ряд практических проблем, связанных с выбором применимого законодательства, планированием закупок и обеспечением прозрачности процедур.

Одной из ключевых особенностей закупочной деятельности ГУП в сфере газоснабжения является необходимость взаимодействия с субъектами естественных монополий. В соответствии с Федеральным законом от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» услуги по транспортировке газа по трубопроводам относятся к сферам деятельности субъектов естественных монополий [4]. Это предопределяет возможность осуществления закупок у единственного поставщика на основании пункта 1 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ.

Практика применения указанных норм свидетельствует о наличии проблем, связанных с обоснованием необходимости закупки у единственного поставщика, определением начальной (максимальной) цены контракта, а также контролем за исполнением обязательств. Как отмечают исследователи, отсутствие единых методик обоснования цены договора в рамках Закона № 223-ФЗ и преимущественно рекомендательный характер методов обоснования НМЦК по Закону № 44-ФЗ создают риски завышения цен и снижения эффективности расходования средств [5].

Существенной проблемой является также обеспечение конкуренции при осуществлении закупок, не относящихся к сфере деятельности естественных монополий. ГУП в сфере газоснабжения закупают широкий перечень товаров, работ и услуг: оборудование для систем газораспределения, строительно-монтажные работы, услуги по техническому обслуживанию и ремонту, программное обеспечение, охрану объектов и иные.

Анализ правоприменительной практики показывает, что типичными нарушениями, допускаемыми ГУП при осуществлении закупок, являются: необоснованное применение закрытых способов определения поставщика; неполное размещение информации в единой информационной системе; нарушение сроков оплаты по контрактам; неправильное формирование технического задания, приводящее к ограничению конкуренции. Указанные нарушения влекут привлечение должностных лиц к административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Особого внимания заслуживает вопрос соотношения норм законодательства о газоснабжении и законодательства о закупках. Федеральный закон № 69-ФЗ устанавливает принципы государственной политики в области газоснабжения, полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также особенности антимонопольного регулирования. Вместе с тем данный закон не содержит специальных норм, регулирующих закупочную деятельность организаций газоснабжения. Это обуславливает необходимость системного толкования норм различных отраслей законодательства.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является унификация правил применения национального режима при осуществлении закупок. С 1 января 2025 года вступили в силу изменения,

направленные на унификацию правил предоставления преимуществ товарам российского происхождения [6]. Для ГУП в сфере газоснабжения данное изменение имеет существенное значение, поскольку значительная часть закупаемого оборудования (газорегуляторные пункты, запорная арматура, средства измерений) может производиться как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

Ещё одной актуальной проблемой является обеспечение минимальной доли закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 11.12.2014 № 1352 заказчики, осуществляющие закупки в соответствии с Законом № 223-ФЗ, обязаны соблюдать установленную минимальную долю таких закупок.

В научной литературе отмечается, что эффективность закупочной деятельности ГУП во многом зависит от выбранной модели организации закупок – централизованной или децентрализованной. Централизованная модель позволяет повысить прозрачность, снизить коррупционные риски и обеспечить единообразие процедур, однако может снижать оперативность принятия решений. Децентрализованная модель, напротив, обеспечивает гибкость, но требует более высокого уровня контроля [7]. Для предприятий газоснабжения, имеющих разветвлённую сеть объектов, оптимальной представляется смешанная модель с элементами централизации стратегических закупок и децентрализации оперативных.

Во-первых, необходимо более чёткое законодательное разграничение случаев применения Закона № 44-ФЗ и Закона № 223-ФЗ унитарными предприятиями, осуществляющими регулируемые виды деятельности в сфере газоснабжения. Во-вторых, целесообразно разработать отраслевые методические рекомендации по обоснованию начальной (максимальной) цены контракта при закупках оборудования и услуг для систем газоснабжения. В-третьих, следует усилить контроль за соблюдением требований к обеспечению конкуренции при формировании технических заданий, исключив возможность установления избыточных требований, ограничивающих круг участников. В-четвёртых, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство, направленных на упрощение процедур закупки у субъектов естественных монополий при одновременном усилении последующего контроля за обоснованностью цен.

Таким образом, правовое регулирование закупочной деятельности государственных унитарных предприятий в сфере газоснабжения характеризуется сложным взаимодействием норм гражданского, административного и энергетического законодательства. Существующие проблемы обусловлены как общей сложностью контрактной системы, так и спецификой отрасли. Их решение требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, развитие методического обеспечения и повышение квалификации специалистов контрактных служб.

Список литературы

1. О газоснабжении в Российской Федерации : федер. закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ : ред. от 23.03.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14. Ст. 1667. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30. Ст. 4571. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
4. О естественных монополиях : федер. закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 34. Ст. 3426. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
5. Степанов Д. Ю. Актуальные проблемы механизма закупок по 44-ФЗ и 223-ФЗ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 11-3 (117). С. 208–212.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 318-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4956.

7. Карякина А. В. Оценка модели построения закупочной деятельности газовых корпораций на примере ОАО «Краснодаргоргаз» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 27. С. 134–138. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-modeli-postroeniya-zakupочноy-deyatelnosti-gazovyh-korporatsiy-na-primere-oao-krasnodargorgaz> (дата обращения: 05.10.2026).

© Еркина Н.А.

**СЕКЦИЯ
КОНСТИТУЦИОННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
ПРАВО**

**ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ КАК СУБЪЕКТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Турман Артём Алексеевич

магистрант юридического факультета
Московский гуманитарный университет

Аннотация: статья исследует специфику конституционно-правового статуса ХМАО - Югры как равноправного субъекта РФ, входящего в состав Тюменской области. Историческая коллизия обусловлена ст. 5 и ч. 4 ст. 66 Конституции РФ. Эволюция управления регионом-донором прошла три этапа: от советской вертикали через попытку экономического суверенитета в 1990-х к современному поиску баланса при перераспределении налогов на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Несмотря на наличие собственной системы власти во главе с Губернатором, финансово-экономическая повестка округа интегрирована в общетюменские соглашения, что отражает особенности договорного регулирования отношений между самостоятельными субъектами Российской Федерации.

Ключевые слова: автономный округ, правовой статус, сложносоставной субъект, субъект Российской Федерации, Ханты-Мансийский автономный округ, разграничение полномочий, Конституция Российской Федерации, Устав ХМАО - Югры.

**ISSUES REGARDING THE LEGAL STATUS OF THE KHANTY-MANSI
AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA AS A CONSTITUENT ENTITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Turman Artem Alekseyevich

Abstract: the article examines the specifics of the constitutional-legal status of KhMAO — Yugra as an equal constituent entity of the Russian Federation located within the Tyumen Oblast. Article 5 and Part 4 of Article 66 of the Constitution of the RF. stipulate this historical collision. The evolution of governance in this donor

region has passed through three stages: from the Soviet vertical power structure, through an attempt at economic sovereignty in the 1990s, to the modern search for balance in the redistribution of mineral extraction tax (MET) revenues. Despite having its own system of government headed by a Governor, the financial and economic agenda of the okrug is integrated into all-Tyumen agreements, which reflects the specifics of contractual regulation between independent constituent entities of the Russian Federation.

Key words: autonomous okrug, legal status, composite subject, Subject of the Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, delimitation of powers, Constitution of the Russian Federation, Charter of the KMAD - Yugra.

Согласно части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации, Россия провозглашается демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Данная норма закладывает фундаментальную основу государственно-территориального устройства [1] страны, определяя федерализм как базовый принцип её организации. Это предполагает разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, а также их равноправие во взаимоотношениях с федеральными органами власти.

Теоретические основы категории «федерализм» были разработаны А. Гамильтоном, Дж. Джеем и Дж. Мэдисоном. Указанные авторы рассматривали федерализм как особую форму сложного государства, включающего определённое число территориальных образований, объединённых в единую политико-правовую систему [3, с. 12].

Автономный округ представляет собой специфическую разновидность субъекта РФ, сформированную, прежде всего, для учёта национально-территориальных особенностей отдельных народов. Его правовой статус характеризуется двойственной природой: с одной стороны, автономный округ является самостоятельным и равноправным субъектом Федерации, с другой – входит в состав другого субъекта РФ. В настоящее время в России функционируют четыре автономных округа: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий.

Национальные округа в РСФСР создавались на основании решений высших органов государственной власти как форма административно-территориальной организации, направленная на вовлечение малочисленных

народов Севера в процессы социально-экономического и политического развития советского государства. В советский период данные образования рассматривались в качестве особой политико-правовой формы организации социалистических наций [5, с. 226].

Остяко-Вогульский национальный округ (ныне ХМАО - Югра) был учрежден 10 декабря 1930 года. В его состав вошли Березовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский и Сургутский районы; Шурышкарский район в 1937 году передан Ямало-Ненецкому округу.

Округ площадью 534,8 тыс. кв. км с населением около 125 тыс. человек являлся административно-территориальной единицей в составе РСФСР, обладая особым национальным статусом, но не входя в перечень субъектов РСФСР. На его территории проживали ханты, манси, коми и ненцы, численность которых на момент образования составляла примерно 15 105 человек [4, с. 26].

Остяко-Вогульский национальный округ, созданный 10 декабря 1930 года в составе Уральской области, впоследствии входил в Обь-Иртышскую (1934) и Омскую (1934-1940) области. С августа 1944 года округ входит в состав Тюменской области.

В 1940 году округ был переименован в Ханты-Мансийский, а его центр - в Ханты-Мансийск. Конституция РСФСР 1978 года закрепила за ним статус автономного округа.

Система управления различалась по типу расселения: для оседлого населения создавались сельские советы, для кочевого - кочевые. В советской юридической науке велись споры о природе этих образований, которые рассматривались либо как форма административной автономии, либо как обычные административно-территориальные единицы.

Подобная дискуссия объяснялась двойственным характером данных образований, сочетавших признаки как автономии, так и обычных административно-территориальных единиц. Их сходство с автономными образованиями проявлялось, прежде всего, в особенностях функционирования государственных институтов: органы государственной власти, управления, судебные органы и прокуратура осуществляли деятельность с использованием родных языков соответствующих народностей [3, с. 14-15].

Кроме того, элементы автономного статуса выражались в наличии союзного представительства. В соответствии с Конституцией СССР 1936 года национальные округа имели представительство в высшем органе

государственной власти Союза ССР - Верховном Совете СССР. В частности, каждый национальный округ направлял одного депутата в Совет Национальностей.

В советской системе государственного устройства национальный округ по своему правовому положению был близок к обычным административно-территориальным единицам. Это проявлялось в двух аспектах:

1. Отсутствие правовой самостоятельности: в отличие от автономных областей, статус всех десяти национальных округов регулировался единым Положением Верховного Совета РСФСР (ст. 102 Конституции РСФСР 1937 г.), что свидетельствовало о высокой централизации.

2. Жесткая вертикаль власти: областные и краевые Советы руководили деятельностью окружных органов и имели право отменять их акты (ст. 90–91 Конституции РСФСР 1937 г.) [5, с. 227].

До 1977 года национальные округа не входили в перечень субъектов СССР и РСФСР, являясь особой формой административно-территориальной организации, что указывало на их двойственную правовую природу - сочетание элементов автономии с признаками обычных административно-территориальных единиц.

Статус автономного образования Ханты-Мансийский округ получил только по Конституции СССР 1977 года (с сохранением подчинения Тюменской области), а его основы закрепили Конституция РСФСР 1978 года и Закон «Об автономных округах» 1980 года.

В этот период округа утратили первоначальную национальную направленность: из-за промышленного освоения Севера интересы коренных малочисленных народов отошли на второй план. Закон 1980 года лишь эпизодически упоминал защиту их интересов (например, сохранение оленьих пастбищ). Это свидетельствует о политико-правовой мимикрии: формальный статус автономии не подкреплялся реальными механизмами защиты специфических прав этих этнических групп [6, с. 140-141].

Период 1990-х годов: с подписанием Федеративного договора в марте 1992 года и принятием Конституции РФ 1993 года автономные округа получили статус самостоятельных субъектов. Из их правового статуса было исключено обязательное нахождение в составе краев или областей, они обрели право прямого взаимодействия с федеральным центром, собственные предметы

ведения, представительство в Совете Федерации (два человека) и законодательную инициативу.

Современный период (на основе Устава ХМАО – Югры): Округ признается равноправным субъектом РФ, территория которого является историческим местом проживания коренных народов Севера. Округ обладает собственной территорией, бюджетом, символикой и системой органов власти. Изменение его статуса возможно только по взаимному согласию РФ и самого округа. Взаимодействие с другими регионами строится на договорной основе.

На ранних этапах (Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг.) статус национальных округов не регулировался. Впервые они были упомянуты в Конституции 1937 года, однако Положение об их деятельности так и не было принято.

В настоящее время Ханты-Мансийский автономный округ — Югра сохраняет двойственный статус: являясь самостоятельным субъектом РФ, он географически входит в состав Тюменской области, что отражает историческую специфику российского федерализма и сложную конструкцию сложносоставного субъекта [1].

Хотя Конституция РФ прямо не закрепляет норму о вхождении автономных округов в состав краев или областей, часть 4 статьи 66 косвенно допускает такую конструкцию. В современной системе три автономных округа фактически находятся внутри других субъектов. Обладая высоким экономическим потенциалом и самостоятельностью, эти территории вызывают научные дискуссии о необходимости пересмотра конституционных норм (в частности, ч. 4 ст. 66), чтобы привести их в соответствие с практикой федеративных отношений. [7, с. 172-173].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Новости Югры от 4.5.1995 г., N 51.

3. Барашева Е.В. Субъекты Российской Федерации, их виды и конституционно-правовой статус / Е.В. Барашева // ГлаголЪ правосудия. – 2023. – № 4 (34). – С. 11-15.
4. Васенина Е.А. Пространственное развитие Ханты-Мансийского автономного округа / Е.А. Васенина, О.В. Погребная // Аграрная наука на Севере – сельскому хозяйству. – 2024. – № 1. – С. 25-27.
5. Долматов, И. А. Особенности конституционно-правового статуса автономной области и автономных округов как субъектов Российской Федерации / И. А. Долматов, Е. А. Безлепкина, Е. К. Большаева // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 225-227.
6. Ласкавая М.А. К вопросу о правовой природе российского федерализма с позиции равенства конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации / М.А. Ласкавая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 137-141.
7. Сухотерина М.В. Актуальные проблемы российского федерализма / М.В. Сухотерина // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 167-179.
8. Единый официальный сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: <https://admhmao.ru/> (дата обращения 23.09.2026).

© Турман А.А.

**СЕКЦИЯ
ГРАЖДАНСКОЕ
И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО**

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
ПРЕДЕЛЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ**

Кулиева Элина Сергеевна

Автономная некоммерческая организация высшего образования
Московский гуманитарно-экономический университет

Аннотация: исследовано соотношение самостоятельной гражданской правосубъектности казенного учреждения и ограничений его имущественного режима. Сопоставлены критерии недостаточности денежных средств и лимитов бюджетных обязательств. На материале судебной практики выявлены особенности привлечения собственника к субсидиарной ответственности. Предложено учитывать фактическую исполнимость денежных обязательств и уточнить порядок информирования взыскателей.

Ключевые слова: казенное учреждение, гражданско-правовой статус, право оперативного управления, имущественная самостоятельность, субсидиарная ответственность, бюджетный иммунитет, защита кредиторов.

**CIVIL-LAW STATUS OF STATE AND MUNICIPAL TREASURY
INSTITUTIONS: LIMITS OF PROPERTY AUTONOMY
AND LIABILITY FOR OBLIGATIONS**

Kulieva Elina Sergeevna

Abstract: the relationship between the civil-law personality of treasury institutions and restrictions on their property autonomy is examined. Insufficient available funds are distinguished from insufficient budgetary commitment limits. Judicial decisions concerning the subsidiary liability of public owners are analyzed. Assessment of actual enforceability of monetary obligations and clearer information for judgment creditors are proposed.

Key words: treasury institution, civil-law status, right of operational management, property autonomy, subsidiary liability, budgetary immunity, creditor protection.

Самостоятельность казенного учреждения выглядит бесспорной, пока разговор идет о заключенном договоре, выставленном счете или возможности обратиться в суд. Перед нами юридическое лицо, а не отдел администрации или министерства. Но стоит контрагенту потребовать оплаты уже принятой работы, как становится заметна особенность, которую непросто уловить из самого определения учреждения: должник отвечает по обязательству, хотя распорядиться значительной частью используемого имущества по собственному усмотрению не может. Денежные решения также проходят через бюджетные правила, установленные независимо от воли кредитора. Получается любопытное несовпадение между юридическим признанием самостоятельного участника оборота и тем объемом имущественной свободы, который действительно оставлен в его распоряжении. От ответа зависит, кто и при каких условиях должен удовлетворить возникшее у кредитора требование.

Исходную точку задает статья 123.21 Гражданского кодекса Российской Федерации: учреждение представляет собой унитарную некоммерческую организацию, создаваемую собственником для выполнения функций некоммерческого характера [1]. В статье 123.22 ГК РФ государственные и муниципальные учреждения разделены на казенные, бюджетные и автономные; такое разграничение воспроизводится в статье 9.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2]. Но за каждой из трех моделей стоит свой ответ на вполне гражданско-правовой вопрос: какое имущество доступно юридическому лицу и кто отвечает, если имеющихся у него ресурсов недостаточно? Д.С. Тишков, рассматривая особенности положения казенных учреждений после преобразований бюджетного сектора, связывает их специфику с режимом имущества и организацией финансового обеспечения [3, с. 33-34]. Однако особенности финансирования еще не объясняют положение лица, исполнившего договор и ставшего кредитором казенного учреждения.

Право оперативного управления позволяет казенному учреждению использовать закрепленные за ним помещения, оборудование и иное имущество для выполнения порученных функций, но собственником от этого учреждение не становится. Статья 296 ГК РФ связывает владение и пользование имуществом с целями деятельности и назначением соответствующих объектов, а пункт 4 статьи 298 ГК РФ ставит распоряжение ими в зависимость от согласия собственника [1]. Смысл ограничения хорошо

проявляется при сопоставлении двух возможных действий: учреждение может использовать имущество в повседневной работе, однако решить самостоятельно вопрос о его отчуждении, даже руководствуясь потребностями той же работы, не вправе. Закон признает учреждение юридическим лицом; ограничена предусмотренная правом возможность придать этой воле определенный имущественный результат.

Получение доходов, которое в обычной хозяйственной практике нередко воспринимается как показатель финансовой независимости, применительно к казенному учреждению не имеет столь прямого значения. Пункт 4 статьи 298 ГК РФ предусматривает поступление доходов от разрешенной приносящей доход деятельности в соответствующий бюджет [1]. Денежное поступление, таким образом, не превращается автоматически в свободный ресурс, из которого учреждение вправе по своему усмотрению погасить любую задолженность. М.-Б.Р. Юсупов рассматривает пределы осуществления казенным учреждением гражданских прав, в том числе применительно к имущественным и договорным отношениям [4, с. 60-63]. Развивая эту исследовательскую линию, предложим различать принадлежность учреждения к самостоятельным участникам гражданского оборота и фактическую доступность средств для осуществления возникших прав и обязанностей.

Бюджетные правила выходят за пределы внутренней организации учреждения, когда наступает время исполнять обязательства перед контрагентом. Статья 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусматривает сметное финансовое обеспечение деятельности учреждения, а заключение и оплату государственных и муниципальных контрактов, иных договоров, исполняемых за счет бюджета, связывает с пределами доведенных лимитов и выступлением от имени соответствующего публично-правового образования, если БК РФ не устанавливает иное [5]. Любопытно, что пункт 8 той же статьи закрепляет самостоятельное участие казенного учреждения в суде как истца и ответчика. Противоречия между правилами здесь нет: договорная деятельность и процессуальное положение регулируются в разных плоскостях.

Нельзя упускать и последствия нарушения бюджетных ограничений. В силу пункта 5 статьи 161 БК РФ соответствующий контракт или иной договор может быть признан судом недействительным по иску уполномоченного

органа [5]. Следовательно, вопрос о судьбе сделки должен решаться юридически, с установлением предусмотренных законом оснований, а не посредством простого утверждения, что у учреждения не оказалось нужных лимитов. Сокращение финансирования уже после заключения договора также не оставлено без регулирования: пункт 6 статьи 161 БК РФ предусматривает специальные правила согласования новых условий договора [5]. Насколько справедливо и, главное, насколько юридически обоснованно переносить последствия такого изменения на контрагента, становится понятнее при обращении к правилам об ответственности.

Закон не предлагает кредитору ограничиться ожиданием очередного бюджетного решения. Пункт 4 статьи 123.22 ГК РФ возлагает ответственность по обязательствам казенного учреждения на находящиеся в его распоряжении денежные средства, а при их недостаточности предусматривает субсидиарную ответственность собственника имущества [1]. Дополнительный должник появляется здесь не потому, что публично-правовому образованию принадлежит всякий долг созданной им организации. Основным должником остается учреждение. Существенно и общее правило статьи 399 ГК РФ о первоначальном обращении с требованием к основному должнику, применяемое с учетом специальных положений законодательства [1]. Труднее всего установить саму недостаточность средств: наличие долга и невозможность его погасить – не тождественные обстоятельства.

Пункт 4 статьи 123.22 ГК РФ говорит о недостаточности денежных средств, а пункт 7 статьи 161 БК РФ - о недостаточности доведенных казенному учреждению лимитов бюджетных обязательств [1, 5]. Денежные средства и лимиты не являются двумя наименованиями одного актива: первые относятся к ресурсу исполнения, вторые характеризуют установленный бюджетным правом предел принятия и исполнения обязательств. Их сосуществование требует согласованного применения гражданских и бюджетных норм, но не дает оснований заранее объявлять законодательную коллизию. Не менее важно помнить, что собственником имущества выступает публично-правовое образование. Главный распорядитель бюджетных средств осуществляет предусмотренные законом полномочия от его имени, а не отвечает перед кредитором как самостоятельный собственник закрепленного за учреждением имущества.

В.Г. Голубцов и А.В. Габов в исследовании процессуальных особенностей субсидиарной ответственности публично-правовых образований обращают внимание на сложности действующего регулирования и значение судебных разъяснений [6, с. 52-53]. Можно безупречно определить, кому адресуется заявление и какие документы прилагаются к нему, но этим еще не будет объяснено, почему подтвержденная задолженность остается непогашенной. Процессуальная форма нужна для защиты материального права; превращение ее в самостоятельный источник новых препятствий изменило бы само назначение судебного взыскания. Для разрешения спора необходима оценка конкретных доказательств недостаточности средств учреждения.

Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 позволяет предъявить требования к казенному учреждению и главному распорядителю бюджетных средств одновременно. При удовлетворении такого иска решение суда должно отражать взыскание с основного должника, а при недостаточности лимитов бюджетных обязательств – с соответствующего главного распорядителя [7]. Вместе с тем совместное рассмотрение требований не отменяет субсидиарного характера ответственности и обязанности суда установить основания ее применения.

Между судебным решением о взыскании задолженности и фактическим поступлением денег кредитору у казенного учреждения существует особый этап. Статья 239 БК РФ закрепляет бюджетный иммунитет, а глава 24.1 определяет порядок исполнения соответствующих судебных актов [5]. Применительно к федеральному казенному учреждению статья 242.3 БК РФ предусматривает направление исполнительного документа в орган Федерального казначейства, совершение должником предусмотренных действий и обращение за дополнительным финансированием при его недостаточности. Если в течение трех месяцев документ не исполнен, пункт 8 статьи 242.3 БК РФ предусматривает приостановление определенных расходных операций, а также информирование взыскателя в установленный десятидневный срок [5]. Бюджетный иммунитет обеспечивает особый порядок расходования публичных средств, но не освобождает учреждение от признанной судом обязанности заплатить.

Наиболее предметный ответ на вопрос о «наличии» денег дал Верховный Суд РФ в определении от 19 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-14405 по делу № А40-124843/2021. Энергосбытовая организация взыскала задолженность с

федерального казенного учреждения; исполнительные документы были предъявлены, однако требование так и не исполнили в установленный срок [8]. Нижестоящие суды сочли существенным наличие у учреждения денег, полученных от приносящей доход деятельности, и отказали в привлечении субсидиарного должника. Верховный Суд указал на несостоятельность такого формального рассуждения: если исполнительные документы остаются неисполненными, наличие средств на счете само по себе не исключает презумпции их недостаточности для кредитора. Решения были отменены, дело направлено на новое рассмотрение для проверки требований.

Значение этого вывода определяется последовательностью событий. Задолженность была подтверждена судебными актами, взыскатель предъявил исполнительные документы, установленный срок прошел без результата. Ссылка на деньги, которые числятся за учреждением, при таких обстоятельствах уже ничего не говорила о возможности кредитора получить исполнение. Однако отсутствие платежа в первый день просрочки и многомесячное неисполнение судебного решения не могут оцениваться совершенно одинаково.

Спор о предварительном прохождении казначейской процедуры получил развитие в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 27 мая 2025 г. № Ф09-1399/25 по делу № А34-6514/2024. В рамках разбирательства, связанного с задолженностью по муниципальному контракту, суд кассационной инстанции не признал направление исполнительного листа в Казначейство универсальной обязательной предпосылкой иска к субсидиарному должнику [9]. Дело в разграничении порядка исполнения решения и оснований привлечения субсидиарного должника. Подменив один вопрос другим, можно получить замкнутый круг, в котором кредитору постоянно предлагают пройти еще одну процедуру. Но требовать не предусмотренный законом предварительный этап только ради формального порядка было бы неоправданно.

Еще труднее ситуация, когда сама организация должника меняется: комитет реорганизуется, прекращает деятельность, либо находится в ликвидации, а взысканное по суду денежное требование продолжает существовать. В постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 31 августа 2026 г. № 10АП-8232/26 по делу № А41-97410/2025 рассматривалась задолженность по обязательствам муниципального комитета,

обладавшего статусом казенного учреждения и находившегося в стадии ликвидации [10]. Отменив отказное решение, суд учел неисполненные судебные акты и обстоятельства, относящиеся к положению муниципальной администрации. Прекращение работы органа само по себе не прекращает существующего долга. Требуется проверка статуса основного должника, характера обязательства и юридического значения конкретных изменений.

Допустим, подрядчик завершил предусмотренные договором работы, учреждение приняло результат, а расчет не состоялся из-за отсутствия необходимых бюджетных средств. Для подрядчика существенен сам факт неисполнения. Для учреждения - установленный законом порядок расходования денег, нарушить который оно не вправе. Различие интересов здесь не является следствием чьей-то недобросовестности: обе стороны могут действовать вполне добросовестно и все же прийти к спору. Публичный характер учреждения объясняет происхождение ограничений, но не отвечает на вопрос, почему денежные потери должен нести контрагент, который своевременно предоставил встречное исполнение. И все же забота о кредиторе не дает повода игнорировать бюджетные правила.

Нельзя оставить без внимания постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П [11]. Предметом его рассмотрения стала ответственность собственника имущества ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по обязательствам из публичного договора. Разбирался статус бюджетного учреждения, а не казенного; соответствующее различие существенно и запрещает прямое перенесение всех правовых последствий. Вместе с тем Конституционный Суд показал, насколько опасной бывает ситуация, в которой законодательные ограничения имущественной ответственности практически лишают кредитора защиты. Впоследствии Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ дополнил статью 123.22 ГК РФ правилами о субсидиарной ответственности при ликвидации бюджетных и автономных учреждений по обязательствам из публичных договоров [12]. Обращение к этому решению позволяет точнее определить границы защиты кредиторов, не стирая различий между видами учреждений.

За привычными признаками юридического лица остается вопрос: что происходит с самостоятельностью казенного учреждения, когда требуется исполнить денежное обязательство? Предлагаем различать два плана оценки. В организационно-юридическом плане учреждение обособлено и в

предусмотренных законом случаях действует от собственного имени. Но при взыскании долга привычная определенность теряется: имущество закреплено за учреждением, тогда как распоряжение им зависит от собственника, а платежи подчинены бюджетным правилам. Искать здесь две разновидности правосубъектности излишне. Затруднение тоньше: учреждение способно принять обязательство, но далеко не всякое имущественное решение, необходимое для его исполнения, вправе принять самостоятельно.

Было бы соблазнительно устранить проблему одним решением - отменить бюджетный иммунитет или возложить на собственника безусловную ответственность. Но такой выход разрушил бы само разграничение основного и субсидиарного должников. Между тем у кредитора есть более волнующий вопрос: почему после судебного решения платеж так и не состоялся? Пункт 8 статьи 242.3 БК РФ предусматривает информирование о неисполнении исполнительного документа после истечения трехмесячного срока [5]. Сообщить о просрочке, однако, еще не значит объяснить ее причину. Полагаем, заслуживает обсуждения уточнение содержания предоставляемых взыскателю сведений - с указанием обстоятельств задержки и предусмотренного законом порядка дальнейших действий, насколько допускает режим информации. Такое уточнение не должно создавать дополнительного барьера для иска к субсидиарному должнику или нарушать ограничения доступа к охраняемой законом информации.

Гражданско-правовое положение казенного учреждения оказалось сложнее привычного ответа «имущество закреплено на праве оперативного управления». Но остаются неисполненные договоры и пределы распоряжения средствами учреждения. В такой ситуации ответственность собственника по статье 123.22 ГК РФ приобретает значение необходимой правовой гарантии, действующей при установленных законом условиях. На наш взгляд, ее следует оценивать прежде всего по способности обеспечить защиту кредитора в ситуации установленной недостаточности средств основного должника, не разрушая при этом специальный режим публичного имущества. Самостоятельность казенного учреждения допустимо ограничить законом. Но ограничение самостоятельности должника не должно превращать законное денежное требование другого участника оборота в требование, существующее лишь на бумаге.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). - Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.10.2026).
2. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 09.04.2026). - Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 08.10.2026).
3. Тишков, Д. С. Особенности правового положения государственных казенных учреждений на современном этапе / Д. С. Тишков. - DOI 10.12737/11669. - Текст : электронный // Вестник государственного и муниципального управления. - 2015. - Т. 4, № 1 (16). - С. 28-38. - URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/6135/view> (дата обращения: 08.10.2026).
4. Юсупов, М.-Б. Р. Пределы осуществления гражданских прав казенным учреждением / М.-Б. Р. Юсупов. - Текст : электронный // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2025. - № 2 (108). - С. 58-66. - URL: <https://vestnik-uyi.editorum.ru/ru/nauka/article/95177/view> (дата обращения: 08.10.2026).
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). - Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 08.10.2026).
6. Голубцов, В. Г. Особенности субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам созданных ими учреждений : процессуальный аспект / В. Г. Голубцов, А. В. Габов. - DOI 10.17072/2619-0648-2020-4-37-54. - Текст : электронный // Ex jure. - 2020. - № 4. - С. 37-54. - URL: <https://sciup.org/147230073> (дата обращения: 08.10.2026).
7. О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г.

№ 13. - Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325778/ (дата обращения: 08.10.2026).

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-14405 по делу № А40-124843/2021. - Текст : электронный // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405956399/> (дата обращения: 08.10.2026).

9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 мая 2025 г. № Ф09-1399/25 по делу № А34-6514/2024. - Текст: электронный // Система ГАРАНТ: информационно-правовая система. - URL: <https://base.garant.ru/38944538/> (дата обращения: 08.10.2026).

10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 31 августа 2026 г. № 10АП-8232/26 по делу № А41-97410/2025. - Текст: электронный // Система ГАРАНТ: информационно-правовая система. - URL: <https://base.garant.ru/66993203/> (дата обращения: 08.10.2026).

11. По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго» : постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П. - Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352309/ (дата обращения: 08.10.2026).

12. О внесении изменений в статью 123.22 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 48-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471812/ (дата обращения: 08.10.2026).

© Кулиева Э.С.

СЕКЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Сальникова Алина Сергеевна

обучающаяся факультета заочного обучения

Научный руководитель: **Рудов Денис Николаевич**

к.ю.н., доцент

Белгородский юридический институт

МВД России имени И.Д. Путилина

Аннотация: в статье рассматривается, как участники уголовного процесса реализуют свои права при назначении судебной экспертизы на стадии предварительного расследования. На материале УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также публикаций последних лет показано, что само по себе ознакомление с постановлением еще не означает возможности повлиять на ход исследования. Автор предлагает оценивать своевременность ознакомления с учетом времени, которое требуется для подготовки ходатайства и его разрешения, и фиксировать в материалах дела связь между ходатайством, принятым по нему решением и уточненным заданием эксперту. Это дает возможность проверить, была ли у участника реальная, а не формальная возможность воспользоваться своими правами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, назначение экспертизы, право на защиту, потерпевший, ходатайство.

**EXERCISE OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS DURING THE ORDERING
OF A FORENSIC EXPERT EXAMINATION**

Salnikova Alina Sergeyevna

Scientific adviser: **Rudov Denis Nikolayevich**

Abstract: the article examines how participants in criminal proceedings exercise their rights when a forensic examination is ordered at the preliminary

investigation stage. Drawing on the Russian Code of Criminal Procedure, the positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation and recent scholarship, the author argues that being shown the examination order does not in itself give a party any real influence over the examination. Timeliness should therefore be judged by whether the party still had time to file a motion and have it decided before the expert carried out the steps that the motion could have affected. The author proposes recording in the case file the link between each motion, the decision on it and the revised instructions sent to the expert, so that the exercise of procedural rights can later be reviewed.

Key words: criminal proceedings, forensic examination, examination order, right to defence, victim, procedural motion.

Содержание будущего заключения эксперта во многом определяется еще до того, как эксперт приступит к работе: следователь формулирует вопросы, выбирает экспертное учреждение, отбирает и направляет материалы. Если участник дела узнает об этих решениях лишь при ознакомлении с готовым заключением, значительная часть прав, перечисленных в ст. 198 УПК РФ, приобретает формальный характер. В.Н. Смольянинов справедливо отмечает применительно к этим правам: «Их реализация возможна до ее фактического назначения и производства» [6, с. 63]. Безусловно, сторона вправе ходатайствовать о дополнительной или повторной экспертизе уже после того, как первая завершена, однако это не равнозначно возможности заранее поставить свой вопрос: исследование придется проводить заново, а некоторые объекты к этому моменту могут быть изменены или израсходованы.

Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить, при каких условиях ознакомление с постановлением о назначении экспертизы действительно обеспечивает участие стороны в подготовке исследования, а не только фиксирует факт разъяснения прав. Рассмотрение ограничено стадией предварительного расследования; экспертиза, назначаемая судом, имеет свои особенности и здесь не затрагивается. Для достижения цели данного исследования сопоставляются нормы УПК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, позиции Конституционного Суда РФ и мнения, высказанные в литературе о последствиях несвоевременного ознакомления.

Конституционную основу рассматриваемых гарантий образуют две нормы. Согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ «каждому гарантируется право на

получение квалифицированной юридической помощи», а ст. 52 устанавливает, что «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [1, ст. 48, 52]. Н. Е. Муллахметова прямо связывает вторую из них с экспертизой: «Важной гарантией обеспечения потерпевшему доступа к правосудию является предоставление ему процессуальных прав при назначении и производстве судебной экспертизы» [5, с. 186]. Обвиняемому может быть важно проверить версию защиты, потерпевшему – обратить внимание эксперта на обстоятельство, которое следователь в вопросы не включил. Чем раньше такой вопрос будет поставлен, тем точнее будет очерчен предмет исследования.

Часть 1 ст. 198 УПК РФ наделяет подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего и представителя рядом конкретных прав. Помимо права знакомиться с постановлением и заявлять отвод эксперту, они вправе «ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту», а также «присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту». Обязанность следователя сформулирована в ч. 3 ст. 195 УПК РФ: «Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением» [2, ст. 195, 198]. Подпись участника в таком протоколе удостоверяет, что ознакомление состоялось. Однако она не свидетельствует о том, оставалось ли на этот момент время, чтобы предложения стороны могли быть рассмотрены и учтены.

Момент ознакомления определен в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: «подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. В том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол» [4, п. 9]. Конституционный Суд РФ в определении по жалобе Ф. подтвердил свою неоднократно высказанную позицию: «ознакомление подозреваемого, обвиняемого, защитника с постановлением о

назначении судебной экспертизы до начала ее производства – при отсутствии объективной невозможности это сделать – является обязательным. Уголовно-процессуальное законодательство содержит все необходимые механизмы, включая прокурорскую и судебную проверку, гарантирующие право на защиту подозреваемых, обвиняемых при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта» [3, п. 2]. Оговорка об объективной невозможности здесь важна. При проверке соблюдения права недостаточно сопоставить две даты; необходимо выяснить, когда лицо приобрело процессуальный статус и что объективно препятствовало следователю ознакомить его раньше.

Поясним практическое значение этого порядка на условном примере. На почерковедческую экспертизу направлена подпись в документе, перед экспертом поставлен единственный вопрос – кем она выполнена. Защитник полагает, что нужно выяснить и другое: не выполнена ли подпись в необычных условиях или в необычном состоянии исполнителя. Этот вопрос имеет значение, поскольку от ответа зависит оценка признаков, на которых строится идентификационный вывод, хотя его уместность с точки зрения предмета экспертизы и возможностей методики еще подлежит оценке. Если защитник заявит ходатайство до начала исследования, следователь может обсудить вопрос, уточнить формулировку и включить его в постановление. Если же заключение уже получено, потребуется отдельно решать, достаточно ли имеющихся результатов для ответа, а при их недостаточности назначать дополнительную экспертизу. Ранний доступ к постановлению позволяет избежать этого дополнительного этапа.

В литературе проблема освещается с разных сторон. В.Н. Смольянинов, анализируя кассационную практику, констатирует: «признавая факт нарушения права обвиняемого на своевременное ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, правоприменители считают его „несущественным“, не влекущим признание заключения эксперта недопустимым доказательством» [6, с. 63]. Причину он видит в том, что ст. 75 УПК РФ «не содержит императивного указания на признание заключения эксперта недопустимым доказательством при несоблюдении требований ч. 1 ст. 198 УПК РФ», и предлагает ввести «более строгий регламент назначения и проведения судебных экспертиз при производстве предварительного расследования» [6, с. 64]. Н.Е. Муллахметова рассматривает ту же проблему с позиции потерпевшего

и приходит к сходному наблюдению: «установление судом факта ознакомления с постановлением о назначении экспертизы уже после ее производства не влечет отмену состоявшихся по делу решений и не рассматривается как существенное нарушение прав потерпевшего» [5, с. 187]. В приведенном ею примере кассационный суд оставил приговор без изменения, хотя потерпевший ссылался и на позднее ознакомление, и на отказ в допросе эксперта [5, с. 187–188]. Первый автор делает акцент на процессуальной санкции, второй показывает, что последующее обжалование, как правило, не восстанавливает утраченную возможность. Представляется, что оба подхода целесообразно дополнить еще одним вопросом: когда именно и каким образом участник мог воспользоваться своим правом.

Своевременность ознакомления мы предлагаем оценивать по трем взаимосвязанным обстоятельствам: было ли участнику доступно содержание постановления; имел ли он возможность подготовить ходатайство, относящееся к предмету экспертизы; могло ли решение по этому ходатайству быть учтено в ходе исследования. Третье обстоятельство, на наш взгляд, является определяющим. Даже заблаговременное ознакомление малоэффективно, если ходатайство о дополнительном вопросе рассматривается тогда, когда эксперт уже закончил работу. Следует оговориться: введение нового процессуального срока не предлагается. Критерий лишь раскрывает практический смысл права, которое уже закреплено в ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

Сроки рассмотрения ходатайств законом установлены. Статья 121 УПК РФ устанавливает: «Ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления». По ст. 122 УПК РФ «об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, судья выносят постановление, а суд – определение, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство» [2, ст. 121, 122]. Сам по себе трехсуточный срок проблемы не решает. Если материалы направлены в экспертное учреждение в день вынесения постановления, а эксперт приступил к работе на следующий день, то даже удовлетворенное в срок ходатайство может оказаться невыполнимым. Следовательно необходимо соотносить момент принятия

решения с фактическим ходом исследования, а в отдельных случаях и уведомлять эксперта о заявленном ходатайстве еще до его разрешения.

В качестве организационной меры предлагаем последовательно фиксировать эти действия в материалах дела таким образом, чтобы из них было видно, когда участник ознакомился с постановлением, какое ходатайство заявил, как оно разрешено и когда уточненное задание поступило эксперту. Если предложенный вопрос отклонен, мотивировка должна касаться существа именно этого вопроса: например, что он выходит за пределы специальных знаний эксперта, относится к правовой оценке или не связан с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Общая ссылка на то, что первоначально поставленных вопросов «достаточно», недостаточна: из нее не следует, почему предложенное уточнение оказалось излишним.

Право заявлять ходатайства, безусловно, не означает права единолично определять программу экспертизы: окончательное решение принимает следователь, и это не оспаривается. Однако ч. 4 ст. 7 УПК РФ требует, чтобы постановления следователя были «законными, обоснованными и мотивированными» [2, ч. 4 ст. 7]. Только мотивировка позволяет отличить обоснованный отказ от случая, когда предложение стороны осталось без содержательного ответа. Мотивировка имеет и практическое значение: заявитель понимает, что именно ему потребуется уточнить или подтвердить при обжаловании.

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда исследование может изменить или уничтожить объект. Эксперт не вправе «проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств» [2, п. 3 ч. 4 ст. 57]. Здесь позднее ознакомление имеет особенно серьезные последствия. Если объект израсходован или его первоначальное состояние невосстановимо, проверить версию стороны уже невозможно, и повторная экспертиза в этой части теряет смысл. Поэтому до дачи такого разрешения следователю целесообразно выяснить, не затрагивает ли заявленное ходатайство выбор объектов, отбор образцов или последовательность исследований.

Последствия уже допущенного нарушения составляют отдельный вопрос. Исходная норма закреплена в ст. 75 УПК РФ: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми.

Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса» [2, ч. 1 ст. 75]. Довод о том, что эксперт обладал надлежащей квалификацией, лишения участника его процессуальных прав не оправдывает: квалификация эксперта и соблюдение прав стороны относятся к разным вопросам. Вместе с тем при оценке довода о позднем ознакомлении необходимо установить его причины, момент возникновения процессуального статуса и содержание той возможности, которой лицо было лишено. Вопрос о допустимости заключения следует отличать от вопроса о необходимости нового исследования. Применительно ко второму Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Суд также вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов» [4, п. 15]. Назначение повторной экспертизы, однако, не снимает вопроса о том, законно ли получено первоначальное заключение.

Реализация прав при назначении судебной экспертизы требует согласованности трех действий: ознакомления с постановлением, рассмотрения ходатайств и передачи эксперту окончательно сформулированных вопросов. Оценивать только дату подписи в протоколе недостаточно. Необходимо установить, сохранялась ли у участника возможность добиться учета обоснованного предложения до того, как соответствующие исследования были выполнены.

Фиксация связи между ходатайством, решением по нему и изменением экспертного задания дает возможность сделать такую проверку предметной. Она не предполагает обязательного удовлетворения любого требования и не подменяет правила о допустимости доказательств. Н.Е. Муллахметова отмечает, что нерешенные вопросы обеспечения прав при назначении и производстве экспертиз «в основном связаны со сложившейся практикой правоприменения, а не с недостатками законодательства» [5, с. 191]. С этим следует согласиться; предложенная мера адресована именно практике. Ее задача – не допустить положения, при котором право формально разъяснено, а воспользоваться им в нужный момент уже невозможно.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с учетом поправок) // СПС «Консультант плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС «Консультант плюс».
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина Артема Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 4 части первой статьи 73, пунктом 3 части второй статьи 74, частью первой статьи 80 и пунктом 1 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2024 № 298-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022024-n-298-o/> (дата обращения: 04.10.2026).
4. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 04.10.2026).
5. Муллахметова Н. Е. Обеспечение прав потерпевших при назначении и производстве судебных экспертиз // Виктимология. 2025. Т. 12, № 2. С. 185–192. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-2-185-192.
6. Смольянинов В. Н. Соблюдение закона при назначении экспертизы // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 2. С. 61–65. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.7.

© Сальникова А.С.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЭКОНОМИКА И ПРАВО В РОССИИ И МИРЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции,
состоявшейся 8 октября 2026 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 12.10.2026.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 9,94.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск,

ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

- 1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций**

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

- 2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

- 3. в составе коллективных монографий**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://www.sciencen.org/>